

6-7

Литературно-художественный
и краеведческий журнал

ЧЕРЕМШАН

В номере:

Василий КОРОБКОВ.
«Мелекесские воспо-
минания». Поэма.

«Муза-2000». Произ-
ведения, и победите-
лей городского лите-
ратурного конкурса.

Александр НИКОНОВ.
Народные сказки.

Дмитрий
СМОЛЬНИКОВ
«Последнее завеща-
ние». Драма.

Валерий ГОРДЕЕВ.
«Благослов». Лиричес-
кое Трисвятие.
Из новой книги сти-
хов.

ЧЕРЕМШАН

ИЮНЬ-ИЮЛЬ

2000

Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской горадминистрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России

ПОСАД

"МЕЛЕКЕСС"

В НОМЕРЕ:

Василий Коробков. «Мелекесские воспоминания».

Поэма. 3

Иван Хмарский. «Тайна матери».

Повесть. Окончание. 13

«Муза-2000». По итогам городского литературного
конкурса. 30

Александр Никонов. Народные сказки. 44

Антология одной публикации в «Черемшане»: **Ирина
Сергеева, Алевтина Зайцева, Александр Лайков,
Геннадий Генераленко, Виктор Сысуев.** 68

Дмитрий Смольников. «Последнее завещание».
Драма. 76

Валерий Гордеев. «Благослов». Из новой книги стихов. 109

Владимир Чакин. Три рассказа. 121

Борис Аржанцев. «Малая Родина». Очерк.ю 148

Наш гость **Константин Рассадин.** Рассказы. 153

Фотоистории из мелекесского альбома. 158

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.Паршин, Глава Димитровграда

Н.Прохорова, директор краеведческого музея

В.Гордеев, член Союза писателей России,

сопредседатель писательского отделения

Е.Ларин, член Союза писателей России, сопредседатель писательского отделения

А.Никонов, член Союза писателей России, член Совета писательского отделения

С.Слюняев, член Совета писательского отделения

Л.Степанова, член Совета писательского отделения

В.Дюжий, член Союза журналистов России, главный редактор газеты «Димитровград-панорама»

Главный редактор: Валерий ГОРДЕЕВ.

Компьютерный дизайн: Т.Царева.

Техническое оформление: А.Ефремов.

Художественное оформление номера: Г.Генераленко.

Редакция извещает о том, что с согласия авторов их произведения временно публикуются на безгонорарной основе.

**Компьютерное
обеспечение редакции
официальной городской
газеты «Димитровград-
панорама».**

© «Черемшан» 2000

Материалы журнала «Черемшан» размещены на страницах тольяттинского сервера в Интернете: «Toline». На сайте: www.catalog.toline.ru.

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.

Сдано в набор 1.07.00. Подписано в печать 12.08.00. Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 10. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 12886.

Цена свободная. Отпечатано в Димитровградской гортипографии, 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

Василий КОРОБКОВ МЕЛЕКЕССКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Поэма

G.M

Там, где росы рождают туманы,
Где зеленый колышется лес,
В двух шагах от реки Черемшана
Жадной жизни живет Мелекесс.

Много в городе было трагедий
В том далеком теперь далеке...
Здесь когда-то бродили медведи
И лосихи купались в реке.

Год за годом уходят бесследно,
Только речка все так же блестит.
Рыжий месяц над речкою бледной
Вечерами грустит и грустит.

Мелекесс, городок невеликий,
В летний зной утопает в пыли.
Здесь когда-то, я знаю, из лыка
Люди лапти умело плели.

Добывали здесь торф на болотах,
Пили брагу, не зная беды.
Молодые, не зная заботы,
Соблазняли девчат молодых.

Город пил, город пел и буянил.
Жизнь веселую город любил.
Очень многим он душу изранил,
Очень многим он сердце разбил.

В этот город попал я случайно,
Как матрос на чужую баржу.
И рассказ свой довольно печальный
Я в печальных стихах расскажу.

Убегая от власти советской,
Где романсы о счастье поют,
Думал я по наивности детской,
В Мелекессе найдется приют.

Я приехал, прописку мне дали,
Участковый проямил: «Ништяк!
Мы, приятель, похлеще видали,
Две судимости - это пустяк...»

И пошел я бродить по заводам,
По широким мазутным цехам.
Я в парткомах кричал всем: «Уроды!»
Отвечали в парткомах мне: «Хам!»

Мне казалось тогда - я свободный!
Мне хотелось летать в облаках.
Но частенько ходил я голодный,
Оставаясь всегда в дураках.

Коммунист одурманенный властью
Бил Россию наотмашь в висок.
Было трудно из красной пасти
Выврать мяса хоть малый кусок.

Золотую добычу хватали
Где-то там, на высоком верху.
Мы про счастье рабочих читали
На красивых плакатах в цеху.

Я оклад получал сторублевый,
А работал, как каторжный вол.
Из души вырывается слово
Ненавистное мне: «Произвол!»

✓ А начальники жирнолицые
С партбилетами вместо души
Вызывали наряды милиции
И кричали им хором: «Души!»

И душили, и били без промаха
По башке, по спине, по бокам.
Иногда угощали «черемухой»,
И летела душа к облакам.

С детства я пристрастился к поэзии,
Мне бы строчки всю жизнь рифмовать.
Я по жизни иду, как по лезвию,
А на помощь мне некого звать.

Разве можно партийную свору
В одиночку в лесу одолеть?
Думал я, как последнему вору,
Мне придется в тюрьме околоть.

Надзиратели лагерной жизни
Мне кричали озлобленно: «Мразь!»
Солнце красное, ярче брызги,
Чтобы высохла в душах их грязь.

Очень часто в заснеженных зонах
Люди кару несли лишь за то,
Что однажды прошли по газону
Распахнув нараспашку пальто.

Время жуткое было, братцы.
Я на флаги смотрел сычом.
Я с ментами пытался драться,
Я не знал, что они не причем.

Им платили за верную службу.
Отличился - платили вдвойне.
«Там» шампанское пили за дружбу
И мечтали тайком о войне.

*

У меня был хороший приятель.
Димка Лескин, хороший друг.
Он кричал мне: «Василий! Ты спятил!
Ты в чужой забираешься крут.

Ну к-куда нам с колхозной мордой
Лезть в какой-то калашный ряд».
Я смотрел на приятеля гордо,
Я речам его был не рад.

Я сидел и скрипел зубами,
Я спешил рукава засучить.
А партийные с медными лбами
Торопились нас жизни учить.

Димка Лескин, любитель пива,
Правду высказать не боясь,
Обжигал мою душу крапивой,
Над бессильем моим смеясь.

Говорил он мне: «Брат Василий,
Смыслу здравому вопреки,
Много бед принесил России
Эти самые «большевики»...

Димка Лескин - мужик хороший,
Воспевал он в стихах Мелекесс.
Мы не раз с ним по зимней пороше
Уходили по шпалам в лес.

Там за лесом в деревне Якушка,
Где от скуки хоть волком вой,
В небогатой сосновой избушке
Теща век коротала свой.

Дом сосновый, соломой крытый,
Вряд ли будет кому по нутру.
На заборе худое корыто
Бутыхается на ветру.

- Здравствуй теща! - кричу я бойко. -
Как житуха? Встречай гостей!
Угощай-ка вишневой настойкой,
Мы промерзли в пути до костей.

Пьем настойку, сидим и гутарим,
Димка Лескин читает стишок.
А под вечер у тещи затарим
Деревенской картошкой мешок.

Мы потащим его на салазках
Десять верст, проклиная пургу.
Мелекесс в белоснежных красках
До сих пор позабыть не могу.

Мелекесс - городок веселый,
А вокруг его лес да лес.
Молодежь покидает села
И спешит наводнить Мелекесс.

Мелекесс привлекает цыгана,
И чувашина, и мордвина.
Вечерами здесь хулиганы
Ходят толпами, ищут вина.

Повстречаются две ватаги,
Желторотые сопляки, -
Если нету в душе отваги,
Не помогут тебе кулаки.

Ни за что, просто так отволтузят,
Куртку снимут с чужого плеча
И карманы поспешно разгрузят,
Пнут ногой по лицу сгоряча.

Мелекесс - это вам не столица,
Здесь другая совсем молодежь.
Если хочешь душой веселиться,
Не всегда здесь веселье найдешь.

Выхожу я один на прогулку,
Где-то баба в ночи голосит.
А луна в небе смазанной булкой
Над заснеженной крышей блестит.

И душа наливается скукой.
Где спасенье от скуки найти?
Рожа пьяная с запахом лука
Появляется вдруг на пути.

- Здравствуй, братец! - гнусавит рожа. -
Извини, я немного пьян.
Я полжизни на свете прожил,
Где бы нам отыскать баян?

Я сыграл бы тебе, приятель,
И пропел бы тебе про то,
Как по пьянке с ума я спятил
И в жену запустил долото.

Молодая, красивая, сука!
Изменяет, приду - загрызу! -
Рожа пьяная с запахом лука
Рукавом вытирает слезу.

Я стою, и мне хочется плакать.
С неба снег все идет и идет.
Ну о чем можно с пьяным калякать,
Если пьяный мужик - идиот.

*

*В Мелекессе живут литераторы.
Каждый пятый здесь пишет стихи.
И растет на столе у редактора
Ворох всяческой чепухи.*

*Жил поэт здесь, старик Мулярчик.
Жил один, без жены горевал.
Для людей поэтический ларчик
Без корысти всю жизнь открывал.*

*И во всем подражая Сталину,
Он носил гимнастерку с ремнем.
Он весною писал о проталинах,
Накачав свое тело вином.*

*Он писал про березы кудрявые,
Вдохновением сердца согрет.
И мелькали подошвы дырявые
В коридорчиках местных газет.*

*Много плакало в жизни поэтов,
Души пишущих очень нежны.
Но признаюсь я вам по секрету,
Коммунистам они не нужны.*

*Взять Мулярчика для подтверждения -
Сочинял он стихи сорок лет,
Но печататься мог, к сожалению,
В месяц раз. На страницах газет.*

*Никуда - кроме местной газеты, -
Хоть как Пушкин стихи напиши!
Он писал, ну а книжек-то нету,
А стихи у него хороши!*

*

*Димка Лескин работал наладчиком,
Утомлял его прессовый цех.
Уважал он седого Мулярчика
И любил его также как всех.*

*Мы, бывало, под вечер с Димой
Приходили к Мулярчику в дом.
Он, советским судом не судимый,
Власть советскую ел поедом.*

*И порядки ругал, и законы,
Что дышать не давали ему;
И печально смотрел на иконы,
Что грустили в переднем углу.*

Дед Мулярчик рассказывал много
Про советскую власть на Руси.
Просто так у родного порога
Мужикам расшибали носы.

Он, бывало, стаканчик вмажет,
Чтобы душу внутри согреть.
Губы вытрет ладонью и скажет:
- Эх, скорей бы, друзья, умереть.

Ни друзей уже нет, ни знакомых,
Надоело мне жить на земле.
Дармоеды сидят и в парткомах,
Дармоеды сидят и в Кремле...

Димка слушал, кусая губы,
И от злости сжимал кулаки.
И шептал он: «Россию губим!»
И кричал иногда: «Дураки!»

Помню случай девятого мая.
Не имея контузий и ран,
Фронтовичку к себе прижимая,
На скамейке сидел «ветеран».

Он сидел и сверкал орденами,
Удивить ее, видно, хотел.
И, вскормленный чужими блинами,
Помидорною мордой блестел.

- Я парторгом служил при штабе, -
Говорил он подружке так, -
Аккуратно записывал в табель
Результаты горячих атак.

Помню случай один в Белоруссии:
Шел за речку с фашистами бой.
При атаке два взвода струсили
И назад побежали гурьбой.

Из окопа я встретил их матом!
И, прижав автомат к груди,
Расстрелял из того автомата
Командира, что был впереди.

Увидали солдаты расправу,
Повернули назад и - вперед!
Сходу взяли они переправу,
Обойдя ее с фланга вброд.

*
Я смотрел на героя свирепо
И естественно сгоряча
Шандарахнул ему по «репе»
Кулаком да еще плеча.

Полетели медали с мундира
И картуз улетел под скамью.
- Это вам за того командира,
Что домой не вернулся в семью.

Димка Лескин стоял, как идол:
- Вот он правды российской изъян...
Ну зачем ты его обидел?
Ты же видишь, он сильно пьян.

Мы ушли, а душа рыдала,
Жгла обида сознание мне.
Всем ли людям давали медали
За большие грехи на войне?

*

Димка Лескин ростом не высокий,
Но силенку он имел в плечах.
У реки на берегу, в осоке,
Он искал поэзию в ночах.

Он любил бродить при лунном свете.
И, отдыхая от мирских сует,
Иногда в тумане на рассвете
Уходил в безмолвие поэт.

Он любил в молочности тумана
Сам с собою рифмы сослагать.
Он всегда имел в своем кармане
Под рукою ручку и тетрадь.

Он любил! Любил он жизнь шальную,
Как крестьянин любит сеновал.
И друзей поэзией волнуя,
И себя он сильно волновал.

На банкетах он читал с размахом.
И забыв про сладкие торты,
Затихали бабы-росомахи,
В удивленье раскрывая рты.

Но поэт на женщин был не падкий.
Не найдя в них верности большой,
Убегал от них он без оглядки
И к стихам стремился всей душой.

*

Помню я, как у нас в Мелекесе
Собирались поэты в круг.
И читали стихи о лесе,
Про колхоз и крестьянский плуг.

Много было ребят хороших,
Много было забавных девчат,
За стихи нам платили гроши,
Но стихи до сих пор звучат.

Журналист всем известный Яша,
Кто не знает его, Рогачев!
Познакомил он Диму с Машей,
И влюбился поэт горячо.

Молодая, красивая, скромная.
Встретит Димку, кричит: «Привет!»
И глазщи ее огромные
Излучали таинственный свет.

Небо летнее в звездном блеске.
В лунном свете у старой ольхи
Разволнованный Димка Лескин
О любви ей читает стихи.

Димка Лескин давно не мальчик,
Он не ловит в лесу ворон.
Он похож на футбольный мячик,
Что пинают со всех сторон.

Он родился в колхозной избушке,
Где в глаза не видали врача.
Батя с радости выдул кружку
Самогонного первача.

Босоное детство у Димки
Пролетело, как в радужном сне.
Горизонты туманною дымкою
Волновали его по весне.

Он мечтал о чудесных походах
По своей необъятной стране.
Он мечтал о морских пароходах,
Он мечтал побывать на Луне.

Он мечтал, деревенский мальчишка,
Ясным соколом в небе летать.
Он любил добывать себе книжки
И с волнением страницы листать.

А в деревне, где много печали,
Пироги в жарких печках пекли.
Мужики сыновей обучали
Самогонку варить из свеклы.

И хлебнув деревенской скуки,
Где в почете дурной самогон,
Он заштопал дырявые брюки
И забрался в транзитный вагон.

Вот и начал бродить он по свету,
По российским гулять городам.
Он тогда еще не был поэтом,
Но умел уже пить «Агдам».

Много было ненужных скитаний,
Но познав горькой жизни ликбез,
Увязался за девушкой Таней
И случайно попал в Мелекесс.

В Мелекесс, в деревянные домики,
Где автобус крадется, какмышь.
Могут здесь отоварить и ломиком,
Если спяну кому нахамишь.

А красивую девушку Таню
Женишок на вокзале встречал.
Он устроил Лескину «баню».
И надолго мой друг «заскучал»...

А потом на скамеечке в парке
Он сидел и сидел до утра
И уснул, ему снились доярки
И чумазая детвора.

Тихий ветер - разбойник осенний -
Душу Лескина остудил.
А во сне, как мираж нерассеянный,
Рядом с ним образ счастья бродил.

*

Наш ДААЗ, филиал Тольятти,
На окраину города влез.
Деньги здесь подходящие платят
И растёт городок Мелекесс.

Димка Лескин подался в наладчики,
Одним словом пошёл слесарить.
Мелекесские шустрые мальчишки
Научили деньгами сорить.

Общежития комната тесная.
Ужин - ливерные пирожки.
Ну а жизнь-то всегда интересная.
Потянуло его на стишки.

Он часами сидел за столиком,
Подпирая щеку кулаком.
И мечтая о жареном кролике,
Чёрный хлеб запивал молоком.

И стихи сочинял он с усердием,
Не жалея своей головы.
Он людей призывал к милосердию,
Он людей призывал к любви.

И воспрянув однажды духом,
Новой жизни урёв штрихи,
Он частенько читал старухам
Вечерами свои стихи.

Он читал стихи работягам,
Незнакомым парням у пивной.
И к поэзии сильная тяга
Волновала его под луной.

Он писал про березки Есенина,
Но в стихах он искал новизну.
Он писал про думы осенние,
Грустно вглядываясь в желтизну.

*

Жизнь, приятель, прекрасная сказка,
И мелькают страницы-года.
Резвым мальчиком на салазках
Вот и я качусь в никуда.

Для чего я живу в этом мире,
Где все вертится колесом.
Димка Лескин мне стал кумиром,
Я ему подражаю во всем.

Знаю я, на зеленой планете
Есть добро и коварное зло.
Ну а солнышко светит и светит,
Разливая свое тепло.

Не скудеют в сознании вопросы,
Что к чему я понять не могу.
Он любил серебристые росы
На серебряном берегу...

А теперь без него не сладко,
На душе непонятная муть.
Я беру, как и он, тетрадку
И в стихах начинаю тонуть.

И душа, озаренная светом,
Начинает стихи созидать.
Но не всем удастся поэтам
Слово русское рифмой взнуздать.

Иван ХМАРСКИЙ

ТАЙНА МАТЕРИ

Повесть

(Окончание. Начало в № 5)

Все, что произошло впоследствии, отложилось в сумерках ее памяти неясно и бесцветно, как сквозь темное стекло. Рассвет застал Анну сидящей на сундуке с неподвижно устремленными в одну точку расширенными глазами. Дед-сторож с бесстрастным лицом принес ей завтрак. Анна съела его по привычке с голодной торопливостью, не чувствуя вкуса пищи и плохо сознавая, что она делает. Когда всех батраков разослали по работам, за ней приехал на мотоцикле с коляской щеголь-полицейский и отвез ее на вокзал. Отсюда с очередной партией рабочих ее загнали в товарный вагон, и поезд отправился куда-то на запад. Замелькали однообразно-аккуратные станционные строения, часто встречались эшелоны с танками и орудиями, проплывали бесконечные заводы Рура, закоптившие не десятки километров небо разноцветными дымами. В небольшом местечке, выросшем когда-то вокруг металлургического завода, партию рабочих выгрузили и разместили в длинных приземистых бараках, обнесенных колючей проволокой. Женщин отдельно.

Завод был старый. Между тремя доменными печами протянулись какие-то полутемные переходы, где и днем горели лампы. Сначала Анне дали метлу и совок - убирать на территории мусор, а через две недели перевели в доменный цех. Здесь вместе с другими девушками она подносила формовочную землю для канав. После разливки чугуна военнопленные большим молотом с двумя ручками разбивали литье на чушки.

Анна душевно оцепенела. Надвинет поглубже на голову платок и роется в земле, не поднимая глаз, а мысли все вьются и вьются вокруг Алексея. Лишь бы он был жив или, если не суждено, пусть лучше в бою сложит голову, чем терпеть в плену такую муку.

В женском бараке она старалась держаться в стороне от других - боялась, как бы не потревожили ее тайное горе неосторожными расспросами и сочувствием. Соседкой по нарам у нее оказалась полька Ванда, белокурая девушка лет двадцати пяти, стройная и аккуратная даже в этих условиях. До войны она жила в Белостоке и хорошо говорила по-русски. Заметив нежелание Анны вступать в разговор, она не проявила настойчивости, а лишь мимоходом тактично давала ей короткие полезные советы, как вести себя в здешних условиях, где постирать белье, как попасть в город.

Однажды до ее слуха донесся понукающий горловой клекот: «Лос! Лос!» Но не само это ненавистное слово, которым подгоняли рабочих, а голос показался ей странно знакомым. Она подняла глаза и захлебнулась от ненависти: на мостке, под которым пролегли рельсы для ковшов, облокотясь о перила, стоял брат хозяйки. Она тотчас опустила голову. Что это: случай или все подстроено, чтобы продлить ее позор и муку? Палящая жажда мести обжигала ей губы, и она, дыша полураскрытым ртом, без конца проводила по ним языком, чтобы остудить этот жар. Убить его, убить при первой возможности.

- Кем здесь работает этот? - спросила она, подойдя к ближнему пленному.

- Пацюк? - переспросил тот хмуро. - Ты что, не знаешь? Обермастер. Та еще сволочь...

В следующую смену Шнекман подошел уже прямо к Анне с переводчиком по фамилии Лобода. Она встала и встретила их презрительным взглядом исподлобья.

- Такая красивая молодая девушка и на тяжелой работе, - с насмешливым участием проговорил обермастер. - Откуда ее привезли?

- Откуда-то из имения. Числится в подозрительных. Обратите внимание, как глядит. Только что не укусит. О, это такой народ...

- Все равно надо будет облегчить ее участь. Напомнишь мне о ней.

Через день подошел один Лобода.

- Ну, Кучеренко, ставь пол-литра шнапсу.

- За что это?

- Переводим на чистую работу. Самое женское дело: пыль стереть, полы вымыть и прочее.

- Где?

- У обермастера в конторе уборщицей. Там и жить будешь, комнатка есть специальная. Раньше в ней Санька Шептухина это... пребывала. Она тебе объяснит все обязанности, что и как, значит. Главное, пойми, какое тебе доверие оказывают. Обермастер вчера специально с комендантом лагеря договаривался, чтобы тебя отпустили.

Анну будто кто в грудь толкнул. Неужели час расплаты наступил?

- Я подумаю, - ответила она, стараясь унять бьющееся сердце.

- Хо! Она подумает! Может, еще поголосуешь, как в колхозе на собрании? Вот народ, прямо смех и слезы с ним. Пойми ты, дурочка, что тут думать вашему брату не полагается. Немец за тебя думает. Завтра после обеда сходишь под душ, вымоешься, а то как угольщица стала. А хозяин чепурненьких уважает. В накладе не будешь. Мне потом за услугу спирту у него выпросишь.

Блеснул маслянистыми глазками и отошел. Вечером в бараке около Анны остановилась Ванда и мимоходом сказала:

- С тобой Николай Андреевич хочет поговорить. Подойди к ограде.

Анна уже была знакома с этим пленным по фамилии Ртищев из соседнего мужского лагеря. Поэтому она без всяких расспросов кивнула в знак согласия. Вскоре после ее появления на заводе он подошел к ней, деловито расспросил, откуда родом, давно ли угнана, что умеет делать. Высокий, широкий в кости, он, несмотря на худобу и бледность, выглядел человеком большой физической силы, а черная борода и темные глаза делали его похожим на разбойника из сказки. С удивлением Анна узнала от Ванды, что до войны он преподавал в каком-то московском институте, имел печатные труды и свободно говорил по-немецки.

Ртищев уже ждал ее с метлой в руках около проволочной ограды, делая вид, будто убирает двор.

- Знаешь уже, куда тебя переводят? - сразу же спросил он.

- Да.

- И зачем тоже знаешь?

- Знаю.
- Что собираешься делать?
- Это моя забота.
- А все-таки?
- Убью Пацюка!
- И погибнешь сама?
- Мне все равно. Двоим нам на земле места нету.
- Ты разве знала его раньше?
- Знала...
- Это интересно. - Ртищев испытующе взглянул ей в глаза.
- Кому как.
- Ого, какая ты колючая.
- Если дело есть, говорите, а нет, я уйду. Скоро проверка.
- Дело есть. Только этот разговор между нами. Ты очень нужна нам в этой конторе.

- Кому это?
- Твоим друзьям. Поэтому о Пацюка рук не марай. Его конец не за горами...
- А пока, значит, пойти на позор?
- Зачем? Ты ведь не Шептухина, будь осторожна - вот и все. Контора как-никак на территории завода, кругом люди. Тут среди немецких рабочих есть один парнишка, мой знакомый, Пауль. Немного прихрамывает. Он к тебе как-нибудь зайдет, кое-что посоветует.

- Немец?
- У этого немца с фашистами свои счеты. Его отца в концлагере замучили. Ты по-немецки читаешь?

- Немного.
- Пока все. Если понадобится что передать мне, скажи Ванде.
Анну перевели уборщицей в контору. Обермастер вначале делал вид, что не обращает на нее внимания. И все же она каждую ночь запирала дверь на крючок, а под матрацем спрятала на всякий случай большой болт. Однажды к вечеру, когда Шнекмана не было на заводе, вошел, припадая на левую ногу, невысокий черноволосый паренек.

- Пауль, - ткнул он себя в грудь и подмигнул. - Монтер. Вот молоко, пейте. Он поставил на стол бутылку, а сам тихо и отчетливо добавил:
- Станьте перед окном. Если кто сюда будет идти, кашляните вот так.

Он надел перчатки и подошел к ящику стола. Потянул один - заперт. Достал ключи, попробовал один-другой, открыл и стал просматривать бумаги. Записал что-то у себя в маленьком блокноте и снова запер ящик. Подошел к Анне, а у самого испарина на лбу.

- Все в порядке. Спасибо.
После Николай Андреевич стал поручать и ей списывать названия заказов, цифры, адреса. К Паулю Анна привыкала все больше. Пацюк становился все более подозрительным. Однажды Анна вернулась с заводского двора, а он у нее в каморке осматривает бутылку молока.

- Кто принес?
Анна притворилась, что не понимает, покачала головой. Он схватил ее как клещами за плечи.

- У сестры ты разговорчивей была.
И хотел притянуть к себе. Анна рванулась так, что чуть не опрокинула стол. Откинув матрац, она схватила приготовленный болт.

- О, это я люблю! - протянул он, будто обрадовался, но сам посторонился, давая ей дорогу.

Из конторы она выбежала как раз в то время, когда выпускали шлак. Глотая вонючий воздух, долго бродила по закоулкам двора, дрожа от возбуждения и холода. В одном месте подула теплая струя. Она замерла тут и начала было дремать. Кто-то взял ее за руку. Открыла глаза, а это старик-горновой. В первую мировую войну он побывал в плену и немного говорил по-русски.

- Неосторожно, Ганна, - покачал он головой. - Нельзя здесь стоять. Угарный газ проходит. Двое тут до смерти погорелись.

Анна вернулась в свою каморку, Шнекмана в конторе уже не было, вместо него что-то писал смелый инженер. Чувствуя слабость и тошноту, она заперлась и прилегла на кровать. Это болезненное состояние Анна замечала в себе уже давно, но все еще отгоняла от себя страшное подозрение о его причине. Вынув из-под подушки осколок зеркала, она долго разглядывала свое лицо. От прежней свежести не осталось и следа, кожу на впавших щеках покрывала прозрачная бледность с чуть темнеющими разводами пятен. Одно из них на губе она долго оттирала уголком платка, надеясь, что это грязь, но оно упрямо проступало на покрасневшей коже. «Так это правда, - схватила она себя за горло. - Что же делать?» Будущее промелькнуло перед ней в таком черном свете, что даже самая заветная ее надежда - вернуться когда-нибудь домой - потускнела. Уткнувшись лицом в подушку, она закусил зубами полотно и долго-долго не могла уснуть. Днем она разыскала в мартеновском цехе Ванду.

- Передайте Николаю Андреевичу, что я больше за себя не ручаюсь. Не могу его видеть...

Ванда пристально взглянула на ее лоб.

- Ты не заболела?

- Нет. - Анна покраснела и потупилась.

- Что-нибудь случилось?

- Нет, ничего.

- Хорошо, я все передам, - задумчиво пообещала Ванда.

После той ночи Шнекман насторожился и, заходя в контору, часто оглядывался. Примерно через неделю ночью Анна проснулась от сильного стука в окно. Она включила свет - было три часа, быстро оделась и вышла. Около конторы стучавшего не оказалось, но вдали, возле домны, она увидела большую толпу рабочих. Что-то случилось. Томимая неясным предчувствием, она побежала туда. И сразу же в нос ей ударил не только обычный запах тухлого яйца от шлака, но и невыносимо тошнотворный дух горелого мяса. На лицах рабочих-немцев отпечаталось одно и то же выражение растерянности и страха. В стороне, сгорбившись застыл старик-горновой.

- Что случилось? - подошла к нему Анна. Он махнул рукой.

- Ах, Ганна, такой случай. Герр обермайстер до ковша сваливался. Много утомления, голова закружилась - и готовый... Весь выгорел. Фолькоммен аусгебрант! - добавил он твердо уже по-немецки и еще раз повторил. - Фолькоммен!

И тут она с ужасом почувствовала нестерпимый приступ смеха. То ли от его русского языка, то ли еще из-за чего. Закусив губу и давась от хохота, она бросилась бежать в свою каморку.

- Нервен, - сочувственно покачал головой старик.

Приезжала комиссия, вызывали на допрос рабочих, но, оказалось, что как раз в то время, когда произошел несчастный случай, никого из русских поблизости не было. Так и согласились с мнением самих немцев, что обермастер накануне либо выпил лишнего, либо переутомился и потерял сознание. Вместо него обермастером назначили толстого пожилого немца, который не обращал на Анну внимания.

Пошел седьмой месяц ее беременности. Анна уже знала, что детей, рожденных в неволе, немецкие власти отбирали у матерей и куда-то отправляли. К будущему ребенку у нее смутно зарождалось враждебное чувство.

В конце апреля 1944 года до угнанных на работу и пленных стали доходить радостные вести о новом наступлении Советской Армии. Новости Анне сообщал Пауль, который слушал в городе в потайном месте приемник. Она запомнила все с его слов и передавала Николаю Андреевичу, а он уже распространял среди пленных. Доходили вести и с запада. Все чаще слышались глухие раскаты дальних бомбардировок. В конце мая несколько ночей подряд грохотало совсем рядом и с разных сторон. При встрече на заводском дворе Николай Андреевич показался Анне особенно бледным и против обыкновения взволнованным.

- Знаешь, что такое бомбентепих? - спросил он.

- Нет.

- «Бомбовый ковер». Выдумка англичан и американцев. Прилетают самолеты в намеченный район и бомбят не только военные объекты, а подряд все, что попадет в квадрат. Если сейчас бомбили сзади нас, то завтра-послезавтра наша очередь. Для тех из нас, кто уцелеет, это самый удобный момент бежать: трудно будет проверить, погиб ты или исчез. Сбор после налета в парке около эстрады. Приготовь все, что сможешь, для странствования. Сегодня ночью к тебе зайдет Пауль. На этот раз по очень серьезному делу... Если боишься, скажи откровенно, мы пойдем...

- Бояться мне уже нечего. Пусть заходит.

Ночью Пауль принес в большой сумке круглую мину.

- До первой воздушной тревоги, - сказал он.

Анна положила ее под матрац, завернув в старое платье.

Тревоги пришлось ждать недолго. Через два дня около десяти вечера завывала сирена. Рабочие попрятались в убежище. Свет на территории завода выключили, осталось только несколько затененных сверху ламп. В конторе, кроме Анны, ни души.

Вдруг она услышала шаги и условное постукивание Пауля. В руках у него та же сумка.

- Пора, - прошептал он. - Вынимай груз. Попробую пронести в подвал воздухоудной станции. Начнут бомбить - взорвется от детонации. Если все будет в порядке, зайду к тебе, а если со мной что случится, ты ничего не знаешь. Ясно?

- Да.

- Николаю расскажешь, я сделал все, что мог... Желаю вам всем скорее вернуться на родину. А теперь давай простимся.

Анна первая обняла его и поцеловала. Он постоял еще и добавил:

- Ты на нас не обижайся. Сама видишь не все одинаковы. Ну, иду...

И захромал к двери.

Скоре послышался гул самолетов, поднялась трескотня зениток. Анна взглянула в окно: в западной части неба, как во время фейерверка, часто-часто лопались шары разрывов. Гул усилился. Пауля все не было. Ожидание становилось нестерпимым. Что делать: уходить или ждать?

Внезапно все вокруг ярко озарилось зеленым отблеском: самолет сбросил светящуюся бомбу. Прошла секунда, другая - вверху, как большие, готовые ужалить осы, зудели самолеты. Наконец, послышался все нарастающий адский свист. Лежа на полу с зажатыми ушами, она почувствовала, как земля раскололась от чудовищного удара. Ее подбросило. Со звоном выпетели стекла, и бессильно повисла на последнем гвозде вырванная дверь. Через несколько секунд Анна увидела осыпанный землей Пауля, который как привидение держался за косяки.

- За мной, в убежище! - крикнул он и исчез. Как раз в это время наступила передышка. Чувствуя мучительный стук в висках, Анна вышла и попробовала бежать, но силы ее оставили. Она повалилась на кучу мелкого угля. Где-то впереди раздался крик Пауля, но Анна не смогла ему ответить. Помнила только нарастающий снова свист и простую холодную мысль: вот и смерть.

Очнувшись она от капель дождя и увидела, что лежит полусыпанная угольной пылью. В ушах звенело, левое плечо ныло будто вывихнутое, но крови нигде не было. С трудом поднялась и стала искать Пауля. Дошла до большой воронки, за нею еще одна, сбоку еще... Поняла, что его уже не найти ни ей, ни кому другому.

На заводе странная тишина, огней уже никаких, ворота и забор будто ураганом разметало - иди, куда хочешь. Поднялась и медленно побрела, спотыкаясь о железо, камни и кирпичи. В городе улиц тоже не узнать: везде обломки и воронки. Отовсюду стоны, рыдания, крики: «Хильфе!»

В парке бродили с фонариками одинокие молчаливые фигуры. Около условленного места она с трудом узнала обрившего бороду Николая Андреевича и несколько человек своих. У всех свертки или мешки за спиной. Они отсиделись в воронке.

- А Пауль?.. - начал было Николай Андреевич и не договорил. Анна молча указала в сторону черневшего завода. Он сморщился, помолчал, затем с трудом разжал губы и сказал:

- Ванда тоже погибла... Что ж, пойдемте, пока не рассвело. Кучей не идите, а по двое-трое, на расстоянии. Соберемся в роще.

Как договорились раньше, в роще группа разделилась по двое, чтобы легче было укрываться и прокормиться.

- Ты, Аннушка, со мной пойдем, - сказал Николай Андреевич.

Так начались их скитания. Днем отдыхали где-нибудь в лесочке или в заброшенном здании, а ночью шли на восток. В огородах воровали огурцы, лук, рыли молодую картошку, в садах рвали черешни. Идти Анне становилось все труднее - девятый месяц. Однажды забрались в пустой товарный вагон и проехали километров сто до рассвета. Анна чувствовала, что связала Николая Андреевича по рукам и ногам. Как-то после утомительной ночи, когда они присели отдохнуть, она сказала:

- Замучились вы со мной.

- Ничего, уже немного осталось.

- Нет, вы идите дальше один, а я тут останусь.

- В каком смысле останешься? - нахмурился он.

- Разве не видите, что идти мне куда? Не нужна я дома такая... Со своим грузом. На смех да позор явиться? Будет что будет.

- Не смей об этом и думать! Может, и мне не возвращаться?

- Вы совсем другое дело. А кто поверит мне?

- А я на что? Поверят...

Так проблуждали они около двух недель. В июле ей стало хуже, появились боли в почках. Раз, когда они на рассвете шли к опушке леса, Анна споткнулась и повисла у него на руке.

- Не могу... Больно.

Ртищев провел ее вглубь, выбрал ложбинку, подстелил свой пиджак и сказал:

- Полежи здесь, а я поищу, где нам можно укрыться на несколько дней.

Его долго не было. По траве скользнули первые лучи солнца. Рядом с нею начали копошиться скворцы, а вверху, в ветках какая-то веселая птичка залиvis-той трелью встречала солнце. И вдруг ее пронзила такая боль, что она вскрикнула... Когда вернулся Ртищев, она уже плохо соображала. Помнила только, что

он нес ее долго на руках и тяжело, с хрипом, дышал. Наконец, добрались они до охотничьего домика, около которого подкармливали лосей. Здесь, на деревянном топчане, она и родила...

Николай Андреевич ушел добывать еду, а ребенок стал подавать голос, кормить пора. «Не буду, - решила она. - Покричит и затихнет». А он уже не то скрипит, не то стонет. Анна не вытерпела, переменяла решение: «Покормлю и попрошу Николая Андреевича отнести этот сверток куда-нибудь подальше...» А дитя пососало, почмокало губками и уснуло.

Возвратился Николай с картошкой и яблоками. Анна попросила его:

- Отнесите ребенка подальше в лес, чтобы крика не было слышно. У меня нет силы наложить на него руки...

Он покосился на нее.

- Ты просто измучилась, не в себе еще, и поэтому говоришь глупости. Давай спокойно разберемся: за что его убивать? За грехи Пацюка? За то, что он наполину немец? Давай лучше подумаем, как его назвать.

- Что ж, если ему суждено жить, пусть ваше имя носит.

- Нет, лучше назовем его Павлом в честь Пауля.

На пятый день у нее вдруг пропало молоко. Ребенок закатывался от крика, а потом ослабел, только скулил потихоньку, как щенок. Николай мерил шагами сторожку, разговаривал сам с собой.

- Нет, этого нельзя допустить. Человек ведь!

А затем обернулся к Анне.

- Ты не волнуйся, обожди меня здесь, а я за молоком схожу. На всякий случай вот что... Если я к утру не вернусь, немедленно бери Павлушу и стучись к первому же бауэру, проси молока.

Вернулся он довольно скоро, веселый, со свертком, буханкой хлеба и молоком в детской бутылочке. Рассказал, как забрался к бауэру в погреб, а туда как раз хозяйка спустилась. Увидела его и окаменела. Даже крикнуть не смогла. Он ей как можно спокойнее говорит: «Не пугайтесь, я не разбойник. Мой грудной сын умирает с голода». Признался, что они русские, бежали из заключения. Женщина попалась добрая. Не только дала молока, но пеленок и одеяльце, а главное - разрешила приходить за молоком каждый день.

Прошло еще недели две. Однажды Николай вернулся радостно взволнованный.

- Фрау Марта согласна взять тебя с ребенком до прихода наших войск. Это замечательно. Я тебя оставляю у нее, а сам пойду дальше к линии фронта.

Вечером они выбрались из лесу и огородами подошли к усадьбе фрау Марты. Николай нес ребеночка. На звонок вышла немолодая полная женщина. Она молча пропустила их в дом и провела в небольшую комнату. Здесь стояли две кровати - одна детская - и столик, а на нем приготовлен ужин. Анна уложила Павлушу. Поужинали они молча: у обоих на душе тревожно. Николай поднялся.

- Ну, Аннушка, пришло нам время расставаться. Нельзя терять ни одного часа. Адрес хозяйки я взял. С дороги откуда-нибудь напишу. Конечно, по-немецки и намеками. А вернешься домой, сразу же дай о себе знать в Москву, вот по этому адресу. Если же меня не дождутся, съезди к моим старикам, расскажи все, что знаешь. И вот еще что: всем говори, что Павлуша мой сын. Моим родным тоже. Так лучше будет.

- Спасибо, дорогой мой. Ты и вправду ему отцом стал.

Припала она к его груди и не может оторваться. Такое чувство, будто от нее любимый брат уходит. Он гладит по голове, как девочку, успокаивает, целует в волосы: «Встретимся, Аннушка...»

Когда Анна дошла в своей исповеди до расставания с Николаем Андреевичем, Токарев спросил:

- И что же? Удалось ему добраться до своих?

- Удалось. Да лучше бы он не спешил...

- Почему?

- Уже после войны я съездила к его родителям в Москву, а те встретили меня со слезами. Сына в Воркуту сослали, там он и погиб. Не то бревном задавило, не то угловыми убили...

- Боже мой! За что же его снова в лагерь?

- За то, что в плен попал. Хотя немцы захватили его в Либаве раненым прямо в госпитале. Все равно в органах не поверили, в предатели определили. Как же, немецким языком владел, общался с врагами.

- Идиотизм какой-то!

- Не скажите это при ком-нибудь другом... - строго взглянула на него Анна.

- Я вас понял, - послушно кивнул он.

- Вот и эту правду не могу я сказать своему сыну. Совсем запуталась... Иногда думаю: может быть, отважиться...

- Только не сейчас! такой возраст... Изломаете ему душу навсегда.

- Ложь во спасение? - усмехнулась она.

- Именно так, - подхватил Токарев. - Когда-нибудь он вам ее простит.

- Этой надеждой только и живу.

- И много вам пришлось хлебнуть у этой немки?

- На этот раз - нет. Правда, первое время на разговоры со мной она была не очень щедрой. Утром - «гутен морген», а дальше будто меня и нет. И все же через неделю мы почти подружались.

- Особенно когда наши войска вошли в Германию? - усмехнулся Токарев.

- Немного раньше. Павлуша нас сблизил. Однажды я начала его пеленать потуже, он раскричался, ручки вырывает. Хозяйка подошла, сердито отстранила меня от кроватки и распеленала ребенка. Тот успокоился. Повернулась она ко мне и говорит: «Что за варварство! Разве для тебя неволя хороша? Вот так и ему».

В другой раз, проходя мимо своей комнатки, услышала я там разговор и смех. Заглянула в приоткрытую дверь: фрау Марта склонилась над кроваткой и что-то по-своему ребенку говорит, а двумя пальцами козу рогатую показывает, играет с ним. Павлуша уже в это время смеяться научился, закатывается беззубым ртом.

Тут я разобрала и слова: «Ах ты, дедушка беззубый, медвежонок русский».

Постепенно она становилась все приветливее, да и я без работы у нее не сидела, помогала по хозяйству. Отец ее, старик, тоже через силу в огороде копался. Приглядываюсь я к ним: трудолюбивый народ, ничего не скажешь. А им тоже война жизнь изуродовала: муж и брат под Сталинградом полегли, сын обучался с парашютом прыгать - разбился. Соберемся мы все вечером и рассказываем друг другу о своей жизни.

К Павлуше привязались они оба. Месяца через три он стал выравниваться. Полный, беленький, веселый. Незаметно всю мою жизнь радостью озарил. Играю с ним и все удивляюсь, как это мне могло прийти на ум погубить его?..

Наступил апрель 1945 года. Наши войска уже подошли к Берлину. Начала я в поле с Павлушей выходить, все на восток гляжу: скоро ли? Среди немцев растерянность и подавленность, фашистское радио их запугивает: большевики всех на одном суку перевешают. А тут слухи носятся: с Запада идут англичане и американцы. Потянулись на запад немецкие машины и повозки.

Как-то утром нас разбудил сильный гул. Выскочила я, а в небе совсем низко самолеты с красными звездами. Наши! На другой день радио передает: капиту-

ляция. Фрау Марта и дед Густав просят меня остаться у них хотя бы до прихода советских войск. Но я не мыслила себе задержаться и на час. Оставила им записку по-русски: «Здесь живут наши друзья, они спасли меня, советскую женщину, и моего сына». А сама поблагодарила их, взяла на руки Павлушу и вышла на дорогу. Шофер остановил машину, довез меня до Берлина. А там уже наши. Расспросили меня, выдали документы, снабдили консервами и хлебом и довезли до железнодорожной станции. Я вам обещала всю правду рассказать, поэтому ничего утаивать не буду. По дороге всякие люди попадались: были и такие, что на меня и Павлушу с презрением глядели. Их понимала. А в большинстве сочувствовали нам и помогали, чем могли.

Самое главное испытание ждало меня дома. Подъезжаю к нашей станции и прямо задыхаюсь от волнения: живы ли наши, как примут, как по селу пройти? На счастье, ночью приехала. Станция разбита, кое-где только в вагончиках да на путях мерцают огоньки. Спускаюсь к речке. Вот и мост. Лягушки урчат, тиной пахнет... А мне эти звуки и запахи милее всего на свете. Остановилась я и прислушалась. Тишина. Даже собак не слышно: перестреляли их фашисты. Сворачиваю в свой переулочек. Вот и ворота нашего двора. Как будто все так и было. Грушевые деревья уцелели, только верхушки голые, посохли. Ноги у меня от волнения подкашиваются, еле сына держу. Вдруг к воротам собачонка подбежала, заливаясь лаем. Пригляделась – это Мушка наша. Только состарилась очень, хрипит. Обрадовалась ей несказанно, к себе подзываю... «Узнаешь?» Умолкла она, ласкаться. Подбежала я к окну. Мамин голос из темноты: «Кто там?» Жива, значит. «Это я, мама! Дочка ваша, Ганна...»

Из нашей семьи в живых остались только мать и сестра, а братья и зять погибли на фронте.

Узнала я, что Юхимка не успел бежать с немцами, поймали его и осудили на пятнадцать лет. До этого, при немцах, он женился. Жена с двумя детьми жила у его тетки, недалеко от нас.

Через месяц съездила я с Павлушей к родителям Николая. Очень просили у них жить оставаться, а у меня душа к обману не лежит, не могу прямо смотреть им в глаза. Обещала навещать их и к себе приглашала.

Вернулась домой, а мне говорят: Алексей заходил. Служит лейтенантом, в отпуск приехал. И обрадовалась я несказанно, и испугалась. Что-то он скажет. Разглядываю себя в зеркало: ой, нет прежней Ганны. Даже косы как будто реже стали.

И вот он пришел. Все такой же ладный и моложавый, только посмелее стал да в движениях порезче. И немножко заикается после контузии. Ко мне обращается на вы, вежливо, сдержанно, как будто просто знакомую встретил. А мне в каждом его слове чудится холодок, словно обвиняет меня в чем. О ребенке ни слова. На прощанье спрашивает:

- Разрешите еще как-нибудь зайти поведать?
- Заходи, Алеша, - отвечаю.

Взглянул он на меня, надвинул фуражку и быстрыми шагами ушел. На другой день снова он у нас и уже называет меня на ты. А я уж и не рада. Рвать – так сразу. К чему себя и меня терзать?

Просит он:

- Выйдем, Ганна, в садок.

Вышли мы и остановились под вишней. Стал он вынимать из коробки папиросу и уронил, достал другую – и та упала. Он вдавил их каблуком в землю и зубами скрипнул, на себя разозлился.

- Что я тебя хочу спросить...
- Спрашивай.
- Чей это ребенок?

- Мой.
- Оттуда?
- Да.
- От немца?
- Нет.
- Не выстояла, значит, забыла свою клятву?
- Не вини меня, Алексей. О том, как вышло – долго рассказывать, да и тяжело. А клятвы нашей я не забыла и тебе не изменила.
- Кто же он, отец? – сглотнул он слюну.
- Наш военнопленный. Хороший человек был... Расстрелян немцами в лагере.

- Ясно.
С тех пор Алексей стал заходить к нам каждый день. Постепенно я рассказала ему все, кроме случая с Пацюком. Не отважилась. Правда, когда дошла до Пауля, он перебил и, сильно заикаясь, сказал:
- Я в хороших немцев не верю, и ты их не защищай. Порода уж у них такая, ее не переделаешь.

Грустно мне стало от этих слов, хотя и понимала: с кровью выдавил он их из своего сердца.

Однажды взял он мои руки в свои, сжал их крепко и спросил, осталось ли у меня прежнее чувство к нему. Я ответила, что уважаю его еще больше, чем раньше, и счастлива, что он пережил войну.

- А я люблю тебя даже сильнее, чем тогда, – признался он хмуро.

- Что же нам делать, Алеша? Ты человек свободный, одинокий, подумай, стоит ли тебе брать меня с Павлушей. Чужой ведь он тебе. Ты даже не взглянул на него ни разу как следует за эти дни. А он мой. Не спеши, чтобы потом не передумывать.

- Это верно, тяжело мне. Но с годами привыкну. Не все сразу. Ты мне все рассказала?

- Все самое главное. Есть в моей жизни еще одно горе, да о нем не скажу. Только перед тобой как перед своей совестью клянусь: я себя ни в чем не уронила.

- Это главное. Я тебе верю.

Через три месяца его демобилизовали, и мы поженились. Он предложил:

- Давай построимся, разведем свой садик, корову купим, чтобы Павлуше вволю молока было.

Я обрадовалась. Начали мы строиться. Больше все своими руками. Сама я и сама месила, и кирпичи формовала; стены обмазывали с мамой, чердак вальковать помогли уж соседи. И все с песнями. Откуда сила и веселье взялись, будто заново на свет родилась. Только к вечеру, бывало, ноги, как провода, гудят, упадешь и тут же засыпаешь. Во сне мне неволя как дурное наваждение чудилась. Особенно утешало меня, что Алексей к Павлуше все больше привыкал. То принесет ему печенья, то конфет, то винограду. А сын уж так привязался, дальше некуда. Мальчишке, известно, мужчина нужен. Ласкается к нему: «Папочка, родной мой, миленький, расскажи, почитай, покатай верхом». Ну сказано, ребенок. Много ли нужно. чтобы привязать детское сердечко. Гляжу я на них – не нарадуюсь. И все отгоняю от себя то воспоминание о ненавистном Пацюке. А без всей правды, чувствую, долго не проживу. Утешаю себя тем, что Алексей правильно поймет, если я все расскажу.

И вот забелел в рабочем поселке наш домик. Просторный, чистый, светлый, будто солнцем омытый. Стало нам полегче, времени на отдых больше остается. Однажды ночью Алексей меня и спрашивает:

- Что же ты, Аня, не расскажешь о своем горе?

Долго ждала я этой минуты, а пришла она - и похолодела вся. Чувствую, сейчас решается наше счастье. Как на весах судьба закачалась, что перетянет? Собралась с духом и все ему рассказала. Он долго молчал, а потом притянул к себе и поцеловал в голову, как Николай Андреевич тогда. Утром он держит себя, как всегда. У меня совсем легко на сердце стало.

Но вскоре начала я замечать, что отношение его к Павлуше переменялось. Перестал он с ним играть, как раньше. Мальчишка уже знал время его возвращения с работы. Обычно он ждал Алексея у ворот. Завидит и бегом к нему навстречу.

- Папочка поноси меня на плечах.

А он только нахмурится и отвернется.

- Устал я Павлушка.

А там и покрикивать на него начал. Мальчишка смотрит на него с удивлением, чувствует перемену, а не поймет, в чем он провинился. А в сельской местности знаете как: только исполнилось четыре года - бери сынок хворостину, постереги гусей, чтобы не забрались кому-нибудь в огород. Он мальчик послушный, вроде забавы для него. Да и товарищи его тоже на лугу собираются, весело вместе. Как-то ребята шомпол нашли и давай, глупые, бросать, кто в гусака попадет. Мой бросил и вонзил прямо между крыльев. Сам перепугался, подбежал, выдернул, а гусак не может подняться, на одном месте крылья распластал. Дело было к обеду, у Алексея в это время перерыв, домой шел. На беду перед этим выпил в ларьке пива. Сразу же заметил, что гусак не встает и пятно крови на перьях.

- Кто его?

- Я, папа, нечаянно.

- Ах нечаянно. Кровь паскудная в тебе заговорила! Вот же тебе!

Сперва за ухо дернул, а потом распалился, снял ремень и ремнем ударил.

Я со двора услышала Павлушкин плач и побежала к лугу. Но как только увидела Алексея, так и опустилась на землю за кустами. Ноги отянулись. А он продолжает кричать:

- И тебя, и себя убью, проклятый немец!

Нервы у него сильно расшатались. После сам признался, что перестал собой владеть, не мог остановиться. Тут на беду женщины-соседки мимо проходили, стыдить его начали по-своему:

- Ты мать бей, а не его. Дите не при чем. Оно не знает чье: русское или немецкое. Это она, подлюга, виновата, ей и первая плетка, чтобы с немцами там не путалась.

Тут только он опомнился, понял, что наделал. И меня как раз увидел. Поднялась я на ноги, иду медленно к сыну. Схватил он себя за волосы, рванул да не домой, а снова в депо побежал.

Павлуша на траве лежит, плечики вздрагивают, тут же рядом сидит гусь. Наклонилась я над сыном.

- Пойдем домой, родной мой.

Он не поднимается, в землю уткнулся.

- Не пойду.

- Почему?

Молчит. А потом каким-то чужим, будто взрослым голосом говорит:

- Мама, уйдем от него.

- От кого?

- От папки. Он мне не родной.

Мне глаза застлало. Постояла, потом подняла его и повела домой. Целую его, успокаиваю, но саму как в лихорадке бьет.

Дома я уложила сына в кровать и стала собирать свои вещи, чтобы вернуться

к маме. Собралась и решила обождать прихода Алексея. А у Павлуши жар поднялся. До этого его никогда не били. Наконец, пришел с работы Алексей. Я очень боялась, как бы он с расстройства не напился, да скандала семейного у нас на потеху соседям не вышло. Нет - трезвый. И усталый, измазанный. Вошел, поднял руку и ладонью меня остановил.

- Погоди. Я все понимаю, не говори пока ничего, еще успеем наговориться. Скажи только, что с Павлушей?

Я открыла дверь в спальню.

- Вот, уснул.

Подошел он, остановился перед кроватью, а по грязным щекам стекают слезы.

- Прости меня, сумасшедшего.

А после стали мы беседовать. Он внимательно меня выслушал и тоже согласился, что нам лучше расстаться.

- Ты права. Не могу сейчас я с этим примириться. Да и Павлуша никогда не сможет полюбить меня теперь. Есть такие случаи, что не забываются. Сам понимаю: страшную обиду нанес я вам обоим. Одно только помни: люблю я тебя одну на всю жизнь. Мучусь, а люблю. Считай себя свободной. Найдешь человека по себе - будь счастлива, а не найдешь - годы покажут. Может быть, судьба нас снова сведет. Я тоже отсюда уеду.

Уже на утренней зорьке взяла я на руки сына, а Алексей мои чемоданы, и пошли мы к моей матери. Утро летнее, росистое, небо, как умытое. Все так спокойно, уверенно. И снова давняя-давняя думка во мне шевельнулась, что земля не для страданий, а для счастья людей создана. Больно, конечно, мне, что Павлуша без отца остается, но успокаиваю себя. Другим гораздо хуже пришлось, чем ему: вон сколько сирот после войны осталось. А воспитывает же их наше государство. Поможет оно и мне сына вырастить. Вспомнила завещание Николая Андреевича. Все в Павлушу вложу, думаю, а настоящим человеком будет. Только бы забыл он эти страшные слова о своем рождении, не смутить бы его детское сердце преждевременной печалью.

Стали мы жить у матери, Алексей вскоре уехал в Запорожье. Но слова, сказанные им сгоряча, уже подхватила молва: пошел слухом, что Павлуша - немец. Особенно усердствовала жена сосланного Юхимки. Всех соседок обегала: «Слышали, дочка Кучеренко приплод германский привезла, да не сумела скрыть, муж дознался. Выгнал!». На улице ребятишки начали Павлушу дразнить, а потом и бить. Сам он не жалуется, стороной я узнала. Молчит-то он молчит, а замечая, озлобляется сын на людей. Раз приходит весь исцарапанный, из носа струйка крови стекает, голову запрокидывает, чтобы не перепачкаться. И хотя бы слезинка или жалоба. Только в глазах светится что-то холодное, жестокое.

- С кем ты подрался?

- С полицией. Я их хату подожгу.

- Что ты, сынок! Зачем?

- А зачем они меня «немцем» дразнят. Я русский, и папа у меня русский.

- Правильно. Хорошо, что ты не забываешь папу. Он на время уехал, но скоро вернется.

- Нет, это не родной, родной папа у меня танкистом был.

Не знаю уж, откуда он это взял. Видно, наедине с собой сочинил. Вот я и придумала ему историю, будто отец пропал без вести, а мы во время войны эвакуировались, при немцах не жили. Мама моя слушает и только головой качает. Однажды она и говорит мне:

- Послушай меня, доню, я человек уже старый, многое на своем веку видела. Не будет вам тут покоя, только злобу напрасную против людей затаите. А они и

не виноваты, подумай сама, сколько им от германца перенести довелось. Много терпелу теперь надо, чтобы разобраться, который плохой, который хороший. Совесть у тебя чистая - это главное. А с чистой совестью вас везде люди примут. Жалко мне внучка. Он хоть и не совсем нашего племени, а по разговору и по всему видать - наш. В школе нашей будет учиться, еще каким человеком вырастет. Уезжайте вы отсюда.

А я уже сама выкохала эту думку бессонными ночами.

- Спасибо, мама, за доброе слово.

А через сутки и выехала с сыном сначала в Витебск, а потом сюда в Мелекесс. Сейчас Павлуша перестал вспоминать о прошлом, а раньше все спрашивал. Мал он тогда был, многое, особенно тяжелое из памяти стерлось, а хорошее смутно сохранилось. Начнет мне описывать внешность своего отца, каким он себе его представляет, а я сразу же вижу перед собой Алексея. Больно мне его разубеждать, будто все это только сон, а приходится. Упрашивает меня на родину, к бабушке съездить, но я пока не решаюсь. Мама пишет, что жизнь у них сейчас наладилась, а берега нашей речки снова густо заросли. Как и раньше, собирает-ся там молодежь...

- Ну а с Алексеем так и не встречались больше? - спросил Токарев.

- Нет. Три письма, правда, от него получила. Просит разрешения приехать, предлагает снова жить вместе. За эти годы он закончил в Запорожье медицинский институт и там же работает врачом. Письма хорошие, но я все не решаюсь. А тут еще вы появились... Что же вы замолчали, Георгий Степанович? Спрашивайте все уж до конца.

- Хорошо, - уперся в нее взглядом Токарев. - Скажите, вы до сих пор любите Алексея?

Она задумалась.

- Не знаю, что и ответить. Наверно, память о нем, прежнем, люблю.

- Нокто он сейчас? Каким стал за эти годы? Иногда в обычной жизни требуется не меньше выдержки и мужества, чем на фронте.

Не отвечая, Анна порылась в старой сумочке и подала ему несколько листов.

- Это его последнее письмо. Недавно получила. Тут он весь...

Токарев развернул листки, нахмурился и стал про себя читать:

«Дорогая Аня!

Вот уже скоро девять лет, как мы не вместе. Те первые два письма я написал сгоряча и, наверное, поэтому не убедил тебя. Сейчас для нас настало время снова поговорить.

Девять лет - большой срок. У меня уже в голове и седина пробивается, а все как будто и не жил еще, а только собирался. Вот я и думаю, чего мы с тобой ждем? Твоя мама то же самое говорит: до каких пор вы себя мучить будете? И верно, Ганна, до каких?

Не буду от тебя скрывать: после твоего отказа на второе мое письмо попросил я новую семью завести, больше для того, чтобы о тебе забыть, да не вышло. И женщина попалась будто бы неплохая, а все не то. Я почти целый год от одного твоего имени отвыкал, а ей это, конечно, обидно. Плакать втихомолку начала. Мне ее тоже жалко, а все же любви настоящей нет. Она о тебе краем уха слыхала, ревновать стала, упреки между нами пошли, ссоры, так и разошлись. Я очень тяжело переживал этот случай. Может быть, думаю, у меня такой характер, как у вздорной бабкин, что я со второй женой не уживаюсь. Стал всю свою жизнь вспоминать. И до войны, и на фронте. Вспоминаю, а перед глазами все ты. То в степи тогда в белом платочке, то в ту ночь, когда ты мне все рассказывала... У меня ведь косынка твоя осталась. Сколько лет прошло, а, кажется, и до сих пор запах твоих волос в ней сохранился.

Я сознаю, что самое главное в наших отношениях - Павлуша. Умом и тогда понимал, что сын за свое рождение не в ответе, но бывают вещи посильнее ума.

Жалею и раскаиваюсь, что девять лет назад не сумел перебороть себя. Сколько раз проклинал эту седую голову за свою ошибку, да проклятием прошлого не вернешь, так нечего в нем и купаться. Думаю тебе интересно знать, как я сейчас для себя распутал этот узел, который завязала нам всем на память война? Так вот, слушай. Два года тому назад к нам на завод приезжала делегация рабочих из Лейпцига. Раньше я живых немцев только в военной форме в плену видел, а тут они по цеху в гражданском ходят, такие же как наши люди. Есть пожилые, а есть такие, что в войну пешком под стол ходили. Один подошел ко мне. Уже не молодой. на тенниску показывает, смеется: одинаковыми оказались. А у меня веки стали дергаться. Узнал он, что я на фронте был и помяло меня там, поднял свою тенниску, спину показывает. А у него на лопатке вмятина, чуть не кулак влезет. Замолчали мы оба. Зачем тут слова!

Все же я вижу по его глазам, что больно и стыдно ему передо мной, будто он сам эту войну затеял. А я, чтобы проверить себя до конца, молчу, не улыбаюсь из вежливости, а стою серьезно, как солдат под присягой. И вот, Аня, не нашел я в себе прежнего чувства, отошло сердце.

Пожал ему руку и сказал: «Ладно, товарищ, что было, то было, а надо теперь нам вместе сделать так, чтобы старое не повторилось». Хотел еще спросить, не слышал ли он чего о Пауле, да я ведь тогда даже фамилию его у тебя не спросил.

Вот и весь мой ответ на главный для нас с тобой вопрос. Давай договоримся так: пусть эти девять лет были перерывом. Я болел, умирал, пропадал без вести - как хочешь, так и считай. А теперь я выздоровел и вернулся.

Тебя, Аня, я знаю, ты не из тех, кто может отравить упреками нашу будущую жизнь. Давай смотреть вперед, а не назад. С Павлушей мы тоже подружимся, он теперь постареет и меня поймет. Жалко только, что на плечах теперь уже нельзя сына поносить...

Вот и все. Писал, как приходило в голову, но ты разберешь, что к чему. Целую тебя и Павлушу. Жду только одного слова «приезжай». Твой Алексей».

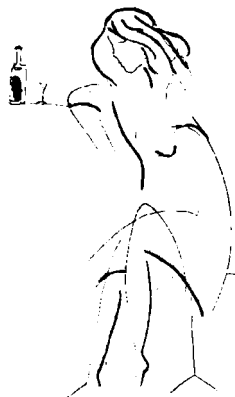
Токарев медленно сложил письмо и протянул его Анне.

- Ну вот теперь ясно, - сказал он. - Хочу только одно добавить: если вам, Аня, будет снова трудно и понадобится моя помощь, напишите. Свой новый адрес я вам пришлю.

- Спасибо! - она доверчиво положила руку на его пальцы.

На мелекесских улицах хорошо подросли за лето березки. Молодые побеги затвердели и пустили во все стороны отростки. Уже миновали октябрьские дожди и ветры, но утрам дорога отливала сизой изморозью и звенела под каблучками. Тополя и клены оголились, укутав около себя землю толстой рыжей шубой, но поредшие листья молодых березок держались еще стойко и в тихие ясные дни радовали глаз своей золотой россыпью, так шедшей к синему небосводу осени.

Такие дни особенно любил дядя Гриша. Здоровая прохлада и чистота воздуха бодрили старика. Каждый день до обеда он долго сидел на крылечке, большой и неподвижный, как памятник, обозревая отсюда свои владения и с мудрой задумчивостью прислушиваясь к щебетанию играющих детей, которые то и дело подбегали к нему, чтобы поделиться своими незатейливыми радостями и заботами.

Последнее время его внимание привлек загадочный отъезд инженера Токарева. Про себя дядя Гриша решил было, что свадьба в их доме состоится.

Незадолго до того, как он собрался уже подняться, чтобы идти обедать, из-за угла появился мужчина в шинели без погон, туго подпоясанный широким офицерским ремнем и в военной фуражке. Он начал пристально разглядывать номер углового дома и затем решительным шагом направился вдоль порядка по тротуару. Дядя Гриша насторожился и отложил мысль об обеде. Прохожий подошел к крылечку. Теперь его можно было хорошо разглядеть. Бросалось в глаза несоответствие между его стройной молодцеватой фигурой и лицом. Последнее говорило о человеке уже не первой молодости: над переносицей незнакомца глубоко залегли две продольные складки, на лбу разветвлялись, как корни, набухшие жилы, а волосы на висках побелели. Левую щеку прохожего пересекал небольшой шрам.

- Номер двадцать четвертый, - сказал он, слегка заикаясь и будто задыхаясь не то от усталости, не то от волнения. - Вы здесь, дедуся, проживаете?

- Я не дедуся, - презрительно взглянул на него дядя Гриша. - А проживаем здесь.

- Извиняюсь, если не так назвал, - примиряюще усмехнулся незнакомец.

- Бывает.

- Курите? - вынул он пачку папирос.

- Не балуюсь. Организм не позволяет.

- Ясно. Дом небольшой, жильцов, должно быть, не очень много, - высказал незнакомец не то предположение, не то вопрос.

- А кто вас интересует?

- Кто? ... - выждал он. - Ганна Кучеренко здесь проживает?

- А вам для каких надобностей это знать? - строго спросил дядя Гриша уже как лицо официальное.

- Для сугубо личных.

- Вить как закручивает, знать, бывалый, - с уважением подумал дядя Гриша, на которого слово «сугубо» произвело впечатление.

- Такие данные я не сообщаю, - с достоинством ответил он и покосился, чтобы проверить, как это воспринято.

- Ну хватит, дедушка, нам дипломатию разводить, - добродушно улыбнулся прохожий. Лицо его вдруг стало по-ребячьи открытым. - Проживает что ли? Ведь все равно узнаю.

- Есть такая, - медленно, с видом равнодушия проговорил дядя Гриша.

- Разрешите присесть? Простите, не знаю, как вас величать? - сразу повеселел незнакомец.

- Садитесь. Григорий Карпович мои инициалы, - гордо сказал дядя Гриша. - Знакомая ваша, али так интересуетесь? - не вытерпел он.

Не отвечая, прохожий жадно затаился и вдруг закашлялся так, что посинело лицо.

- Легкие застудил? - участливо спросил дядя Гриша.

- Нет, это от сердца. Контузия у меня. Как поволнуюсь, дает знать.

- На фронте, значит, был?

- Пришлось.

- Видно, много горя ты, парень, хлебнул? - уверенно перешел дядя Гриша на ты, мысленно зачислив прохожего в «свои».

- Как все, - неохотно ответил тот.

- Так кем же приходится тебе наша Анна Дмитриевна?

- Жена моя.

- Жена!

- А что?

- Так, так, так. Я потому удивился, что сколько лет она живет здесь, мы считали ее вроде бы за вдову. Но ты, парень, не волнуйся. Окромя хорошего, ничего плохого о ней не скажешь. Себя бережет.

- Я знаю.

- Значит, это ты без вести пропадал столько лет?

- Я, Григорий Карпович. Алексеем меня зовут.

- И Павлуша сынок твой выходит?

- Мой.

- Так, так. Хороший парнишка растет, боевой, в тебя. Истосковался он по тебе, - доверительно сказал дядя Гриша. - Да вот они сами как раз к обеду домой идут.

- Где? - словно на пружинах вскочил Алексей. - Такой большой?

Из-за угла показались Анна и загоревший за лето Павлик в спортивной куртке. Переходя улицу, мать оперлась на плечо сына, и он замедлил шаг. Дойдя до березок, Анна подняла голову, взглянула на Алексея, побледнела и схватилась рукой за сердце.

- Что с тобой, мама? - встревоженно спросил Павлик.

- Ты иди, я немножко постою здесь, - сказала она.

Павлик подошел и вопросительно остановился перед крыльцом, пристально всматриваясь в незнакомца. На его лице отразилась напряженная работа памяти. Что-то бесконечно знакомое почудилось ему в этом полуголодном человеке со шрамом на щеке.

- Здравствуй, сынок! - Негромко проговорил Алексей, стоя необычно прямо.

- Папа? - коротко выдохнул Павлик и взглянул на дядю Гришу. - Как долго тебя не было!

Он уткнулся лицом в плечо Алексея, который, стоя все так же прямо, начал гладить его вздрагивающую спину.

Дядя Гриша встал, громко высморкался и отошел в глубь двора.

- Ходят тут всякие, только людей расстраивают, - бормотал он, сморщившись.

- У меня у самого, может, нервы еще с гражданской повреждены, капли принимать приходится.

И старик сердито теребил плохо сгибавшимися пальцами свои некогда молодцеватые усы.

Погожим июньским днем на перроне димитровградского вокзала среди провожавших московский поезд обращала на себя внимание уже немолодая пара: рослый, спортивно сложенный белокурый мужчина около пятидесяти лет и красивая пышноволосяя женщина с энергичным выражением лица и прямой осанкой. Оба беседовали по-немецки с отъезжавшим в Москву, а оттуда в Берлин сотрудником фирмы «Мерседес», который приезжал на автоагрегатный завод для уточнения договора. Заслышав объявление по радио об отправке поезда, сотрудник, полненький, розовощекий немец в очках, торопливо пожал им руки и уже из тамбура крикнул:

- Так я вас жду, Пауль, в сентябре. Перед этим созвонимся. Приезжайте и вы, фрау Майя!

- Спасибо, Эрих! Не смогу, занятия в университете.

Поезд тронулся. Павел и Майя долго махали вслед отъезжавшему. На площадке около машины «Жигули» их поджидали совершенно седая, но все еще чернобровая аккуратная старушка с большим букетом поздней сирени и высокий загорелый подросток в теннисной, очень похожий на Майю.

- Цветы! - вопросительно взглянул на старушку Павел. - Откуда, мама?

- Только что купила. Завтра воскресенье, хочу съездить на кладбище. Вот Гора меня проводит, - кивнула она на подростка. - Он давно не навещал дедушку.

- Так зачем откладывать на завтра, - предложила Майя. - Давайте сейчас все и съездим. Как ты, Павлуша?

- Я согласен. Садитесь!

Был конец рабочего дня, по шоссе густо сновали машины, и только миновав центральную часть города, за постом ГАИ Павел прибавил скорость. Миновав мясокомбинат, «жигуленок» легко взлетел на пологий холм, густо покрытый памятниками и крестами. Поставив машину на площадке, они прошли по аллее участников войны и «афганцев». За последние годы она заметно растянулась. У могилы Алексея остановились. По-старушечьи медленно Анна наклонилась, положила букет на холмик около гранитной плиты с выбитыми и позолоченными буквами, так же неторопливо выпрямилась и задумчиво проговорила:

- Как быстро за последние годы уходит мое поколение. Особенно мужики... Один за другим... Сначала Алексей, а совсем недавно в Тольятти вот Георгий Степанович... Угораздило же нас родиться в такое время: революция, гражданская, Отечественная, лишения, подозрительность, репрессии... Может быть, Павлуша, хоть тебе с Майей повезет больше, - взглянула она на сына.

- Ой, вряд ли, - покачал он головой. - Одну войну мы уже пережили. Правда, холодную, но все же войну. А сейчас в России заварилась такая каша, что впереди сплошной туман...

- Вся надежда теперь на них, - сказала Майя, обняв за плечи сына. - Очень хочется верить, что они будут умнее и счастливее нас. Как сын, постарайся?

- Постараюсь, - слегка улыбнулся паренек. - Ну что вы в самом деле загрустили? Все будет хорошо...

- Дай-то Бог! - серьезно проговорила Анна.

Gonsanlawa 2000

«МУЗА-2000»

«Черемшан» предоставляет свои страницы победителям городского молодежного литературного конкурса «Муза-2000».

В нашей подборке вы сможете познакомиться с творчеством как самых маленьких школьных «литераторов» - от 8 до 15 лет, так и их старших коллег: выпускников школ, студентов лицеев, колледжей, вузов.

КУЛИКОВА Виктория

2 курс, юрфак, Современный гуманитарный институт. Автор книги «Печальная мелодия любви», г.Нефтеюганск, 1996г.

Гран-при конкурса.

ИСПОВЕДЬ

- Ты на исповедь, удрученная?
- Ты на исповедь, обреченная?
- Ты на исповедь? А крещеная?
С непокрытой головой вхожу.
Не грехов прошу отпущения,
Не сочувствия и утешения,
Не молитвы и не забвения -
Я совета, отец, прошу.
Все, что долго в душе копилося,
Все желания, что не сбылись.
И любовь, с которой простилась,
Боль рыдает в сердце моем.
Ах, за что мне одни страдания?
Ах, за что одни испытания?
Пусть пришла не на покаяние -
Я поведаю обо всем:
«Запылила дорога вечная,
И к нему я не первой встречной,
Не упавшей звездой млечной,
А любовью земной пришла.
Различила в глазах два солнышка,
Беспредельности две без донышка,
И кружила вокруг лебедушкой,
Песней нежной его звала.
Он меня словно тень преследовал.
Он отказов земных не ведал
И глазами о том проводывал,
Что хотелось ему узнать.
Мы на миг лишь были счастливыми -
Не гуляли путями длинными,
Он меня не назвал любимой,
Я «люблю» не смогла сказать.
Принесла нам зима свидание,
А весна затем расставание.
Осень - память и ожидание
И безумный танец листьев.

Сколько было обид и горестей,
И у нас не хватило твердости,
Из упрямства или из гордости,
Все с терпением пронести.
Я измены считать измучилась,
Но его глазам я соскучилась.
Все вокруг невзначай ухудшилось,
Что мне делать, отец святой?» -
«Ты самим ведь Творцом крещеная,
Для высокой любви рожденная,
Будешь Богом в канун спасенная.
С миром, дочка, иди домой».
- Ты из церкви идешь, счастливая?
- Ты из церкви идешь, красивая?
- Ты из церкви ли, молчаливая,
На удачу или на беду?
Всем прохожим улыбка светится,
Моя радость любым заметится.
Все дивятся - все, с кем не встречусь я. -
Я с надеждой в душе иду.

«Ты грешница, каких не видел свет», -
Мне говорят поклонники, как судьи,
Их беспокоит только мой ответ,
Мое признание. Но его не будет!
Я грешница? Но я в душе верна,
Тому, кого любить я буду вечно.
Пусть я порой бываю не одна,
Пусть я в грехах погрязла бесконечных.
Я грешница! А сами ль не в грехах?
Они завлечь пытаются цветами,
А у самих в душе лишь только страх
Перед моими грустными стихами.

Зима 1995 г.

ТЕЛЕФОННОЕ МОЛЧАНИЕ

Молчание, шорохи странные:
«Алло, говорите, пожалуйста!»
Звонки необычно-нежданные
Ко мне абсолютно безжалостны.
Хватает, наверное, смелости
Лишь только на это молчание.
Что это? Порыв откровенности
Иль просто немое признание?
Неужто у этого призрака -
Незримого, в трубку молчащего,
С дыханием как дуновение,
Нет прошлого и настоящего?

ВСПОМНИТЕ

Мукой святой утраты
Вновь на кресте распята - это я.
Ветром степным овеяна,
В мире большом потеряна - это я.
В даль или в бездну гонимая
Или всеми любимая - это я.
Может, свечу несущая,
Может, с душой потухшей - это я.
В платье роскошном, в золоте
Или в рубаше, вспомните, - это я.

С посохом бедной странницы
Иль во дворце избранница - это я.
И в вознесенье страждущих,
И у истока жаждущих - это я.
Вся от любви горящая
Иль о добре молящая - это я.

КАЗНЬ

Мне снится сон: я вся в слезах
Иду на эшафот.
В душе какой-то смутный страх,
На площади - народ.
Вот за спиной встает палач:
В руке его топор.
Я говорю себе: «Не плачь...»
Читают приговор.
Осталось жить всего лишь миг,
Что делать мне теперь?
Тревог, сомнений рой возник -
Не сбросить мне цепей.
Палач подходит, я смотрю
В глаза его, и вдруг -
В них с кем-то сходство я ловлю,
И поняла - испуг.
Тут маску сам снимает он:
Лицо твоё... О! Нет!
И на губах невольный стон:
«За что?». И вот ответ:
«За то, что ты меня ждала,
Молилась в тишине.
За то, что все простить смогла,
Мои обиды все.
За то, что мысли все твои
Лишь были обо мне.
Не отказалась от любви
Наперекор судьбе.
И слез своих, прозрачных слез,
Не показала ты.
Поклонников лишила грез
И не брала цветы.
За то, что будешь век любить
Ты одного меня.
Зачем тебе в страдании жить?
И я казню тебя».
«Да, справедлив твой приговор,
С тобой согласна я.
Я заслужила свой позор,
Так что ж, казни меня!»
И на колени пред тобой
Упала в забыты,
Сказала только: «Милый мой,
Прости меня..., прости!»
Весна 1994 г.

Не на Земле, в ином краю,
Где суждены душе полеты,
Где сами души есть пилоты,
Я песни чудные ловлю.
О, как прекрасен этот мир!

Там мысль сама слышна без слова.
И влиться я уже готова
В тот лучезарнейший эфир.
Осень 1994г.

ТОСТ В ЧЕСТЬ МУЗЫ

Муза, почему ты снова
Слезы надо мною льешь?
Терпкий вкус греха земного
Губ чужих подарит дрожь.
Но бокал с вином багряным
Я на платье не пролью,
Потому что утром ранним
Грех свой сладкий разлюблю.
Будешь ты, моя святая,
За меня молитвы петь,
Чтоб пред витязями рая
Все грехи с души стереть.
Шелком бюст мой стройный схвачен,
А в глазах - любви восторг.
Муза, милая, не плачь же,
Пока голос твой не смолк.
А иначе песни просто
Не воспримет мир всерьез.
Муза, ты достойна тоста
В покрывале чистых слез.

ИИСУСУ

Твои глаза смотрели на меня
С огромной позолоченной иконы:
В них был восторг - и улыбалась я,
В них было солнце света неземного..
Я в этом мире не нашла любовь,
Мой дорогой, мой милый, мой далекий,
Но знаю: обрету ее я вновь,
Лишь все иссякнут этой жизни сроки.
Сквозь океаны вечности души
Я отыщу тепло твоё родное.
И вот однажды надо мной в тиши
Вновь засияет солнце неземное.

Мелькали цветные витрины,
Прохожие, парки, причал.
Мой спутник, как Ангел с картины,
Сидел за рулем и молчал.
Глаза его были туманны,
Улыбка - как льда полотно,
Но с ним - Боже мой! - как ни странно,
Все было значеньем полно.
Снежинки в окно залетали,
Глаза застывая мои.
О, люди, вы даже не знали
О новой рожденной любви!
Осень 1995 г.

Да, я была твоя в чужих объятьях.
С пустым признанием в ледяных устах,
В душе моей жило одно проклятье -
Любить тебя, превозмогая страх,
Идти к тебе сквозь весны и сквозь зимы,
Сквозь суету и беспросветный мрак,
И знать, что ты - клеймо мое, любимый,
Ты к Богу в небо мой высокий шаг.
Да, я была твоя в тоске беспутной,
Живая, неживая иль в бреду,
Гулящая - порыв сиюминутный
Меня тянул к чистилищному дну.
Я предавалась только страсти грубой.
А от нее, увы! - ни дать ни взять,
В мирах печатью стыли твои губы,
Шепча молитвы за меня опять.
Но только в руки я брала распятыя,
Превозмогая суеверный страх,
Ты мне дарил бесплотные объятья,
С бесплотным поцелуем на устах.
Осень 1995 г.

ИСПОВЕДЬ ЛЮБВИ

...А когда с головою склоненной,
Ты вошла, победившая страх,
Молодая, тоской истомленная,
С красотой отреченной в глазах.
И такая печальная, кроткая
Вдруг сказала: «Простите меня,
Я люблю вас!» - та исповедь горькая
Возопила у ног Бытия...
Он молчал, но рука в рясе дрогнула.
Он молчал, но кричала душа.
«Боже мой», - и в глазах Преподобного
Заблестела алмазом слеза.
«Я грешна! Нет прощенья мне горестной.
Я молилась - любовь не убить!
Я люблю вас! О, как я бессовестна!
Бог не в силах меня вразумить».
А потом, как усталая путница
Смотрит в небо на звезд торжество,
Так и ты - молодая послушница
Вдруг глаза подняла на него.
И сказала: «Хотите, уеду,
Чтобы вас не смущать без нужды.
Я несчастная, грешная, бедная!»
Он ответил: «Нет, сильная ты!»
...И ушла. Он стоял словно каменный,
Позабыв о молитвах своих.
Без тебя, без любви твоей пламенной
Он остался лишь в сводах пустых.
И кровавыми горькими муками,
Как живые святые кресты,
Рдели свечи, ведь их пред разлукою
В этом храме поставила ты.

АБРАМОВА Алена

*начальная школа №26, 2 «в» класс.
Гран-при конкурса.*

СЛУЧАЙ С ДЮНИКОМ БЫЛЬ

Жил-был мальчик по имени Дюник. Мама его была домохозяйка, а отец работал на заводе. Дюник был мальчик спокойный, никого не задевал, справедливый, умный, в общем, хороший мальчик. Ему было тогда 6 лет. Кстати, семейство жило в деревне Новая Майна. Папа Дюника ездил в город на работу. Маму мальчика звали Нелисия, а папу Джон. Но вот раз уехал отец на работу, а мать с сыном остались. Вдруг папе кто-то позвонил. Папа взял трубку, а там мамин голос кричит: «Скорее приезжай, наш сын заболел щекоталкой, у него в животе шарик, и шарик этот создает щекотку». Вскоре папа приехал и привез яблоки. Мальчик съел фрукты, но ему легче не стало. Дюника начало рвать, и шарик выкатился. Мама, папа и Дюник закричали: «Ура-а!!!» Все остались счастливыми.

САВИНОВ Георгий

*Городская гимназия, 7 «а» класс.
1-е место.*

ОДНАЖДЫ...

Однажды летом я совершил самое настоящее паломничество. С родителями. В действующий мужской Санакарский монастырь! Паломничество - это путешествие по святым местам. Хотя мы не очень-то верующие, но нас нельзя назвать атеистами. Мы скорее всего агностики, потому что допускаем существование Высшего Разума, так как наука на данном этапе не может объяснить суть вещей, а объясняет лишь явления. В монастырь мы поехали, потому что это интересно. Дорога была довольно дальней. Сначала на поезде ехали, потом на автобусе. Последнюю часть пути мы шли пешком. Через луга, вдоль речки. Издалека монастырь выглядит как-то бледно, но чем ближе к нему подходишь, тем краше он становится. У него красивые голубые купола с золотыми крестами, высокая звонница. Он похож на маленькую крепость. У него мощные стены (правда, наполовину разрушенные). Его основали в 1659 году именно для того, чтобы защищать Московское царство от нападения врагов. Здесь я увидел Время! Смотришь на монастырь и чувствуешь, что прошли века с момента его возникновения. Ведь сейчас так уже не строят. Да и разрушения говорят о течении времени. А с другой стороны, время здесь будто остановилось. Ведь монахи живут по тому же уставу, носят такую же одежду, как и 300 лет назад. В монастыре долгое время никто не жил. Только 5 лет назад сюда опять пришли монахи. Сейчас они восстанавливают свою обитель: реставрируют храм, обустраивают кельи. 82 монаха уже многое сделали: они восстановили кухню и красиво расписали стены и сводчатый потолок трапезной, много работают в своем подсобном хозяйстве. И оно у них богатое: большое стадо коров пасется на лугах, в протекающей рядом речке Мокше плавают монастырские гуси, есть еще куры, свиньи, овцы, огороды, машинный двор, на котором есть трактора, комбайны и другая техника для обработки полей. Монахи много работают и молятся. Мне кажется, что монастырь - это какая-то другая планета. Там нет телевизора, монахи читают только религиозную и философскую литературу. Там нет многого из того, что есть в нашем мире, но зато там много доброты. Монахи предоставляют всем приют и всех

кормят. Бесплатно! Мы были в монастыре в праздники. Паломников была тьма. Тысячи две. А трапезная вмещает всего 140 человек. И чтобы накормить всех, монахам-трапезникам пришлось работать до 2 часов ночи, а в 5 часов утра они опять встали, чтобы, помолясь, снова взяться за работу. И так каждый день. Говорят, что в голодные годы монастырь кормил до 50 тысяч людей в день...

Окрестности монастыря очень живописны. Луга, поля, изумительная речка Мокша, прекрасные леса, где есть плакучие березы, могучие дубы, корабельные сосны. Исреди этого великолепия пробился родничок. Люди считают его святым. Его вода целебна. Монахи обустроили его так, что там можно брать воду для питья. Немного в стороне сделана купальня. Я там тоже купался, хотя вода там холодная - всего 4°. В Мокше плавать приятнее, вода теплее, но сильное течение, с которым трудно справиться даже взрослым мужчинам...

Я много путешествовал, но это путешествие было самым необычным. Мне кажется, что все происходило во сне...

АБРАМОВ Сергей

*Городская гимназия, 7 «в» класс.
1-е место.*

А БЫЛ ЛИ ПУШКИН...

*Пустеет пляж, ведь солнышко все ниже.
Дорожка узкая желтеет на реке.
И только пара белоснежных чаек
Качается от нас недалеке.
Проходим парк, музей уже закрыли,
Взметнулся конь, Чапай занес клинок,
А сбоку, так любимый здесь, в Самаре,
Театр драмы, терем-теремок.
Звон мелодичный изнутри раздался,
Валит толпа - наверное, антракт:
- Давай пойдем, Сережка, вместе с ними, -
Мне предложил Андрей - мой старший брат.
И вот с людьми, ступающими чинно,
Попали с братом мы в тенистый сквер.
Вокруг стоят дубы, большие липы,
Стоят никак не меньше сотни лет.
За кружевной чугуною оградой
Сбегает к Волге резкий косогор,
Засеянный зеленою травой, а дальше...
Здорово! Какой везде простор!
Все видно: Волгу, горы, пароходы.
Какой-то парусник качается вдаль.
Вдруг слышу, брат зовет меня:
- Серега! Иди сюда, здесь памятник, смотри!
Я подбежал и Пушкина увидел.
Он в форме лицеиста, молодой,
На парпет чутунный опирался,
Смотрел на Волгу, тонко улыбался,
И, кажется, встряхнул вдруг головой.*

ВИШНЯКОВ С.

Многопрофильный лицей №5.

3-е место.

ТЕРРОРИСТ

I
Черные помыслы зла и тоски
Черную душу рвут на куски.
Черные чувства обмана и лжи
Вывались пулей из черной души.
Нету ни сердца в тебе, ни ума -
Ты грабишь людей и взрываешь дома...
И вот твоё тело лежит на песке,
Сжав автомат в почерневшей руке.

II
Черное тело лежит под землей,
А черная тропка заросла уж травой.
Вся в черном к могиле Она подошла
И надпись на ней прочитать лишь смогла,
Что здесь лежит под землей
Парень её, что покончил с собой...
Никто не ответит и Ей на вопрос,
Тайну свою он с собою унес.

КУРНОСОВА Ирина

Городская гимназия, зам. директора по воспитательной работе в школе III ступени. 1-е место.

СКАЖИТЕ, СКОЛЬКО СТОИТ МЕЧТА?

Скажите, сколько стоит мечта? -
И я вам её продам.
Скажите, какая она?
И сколько в ней килограмм?
А может, она цветок,
В проталинах - солнца лучи?
Или ночной мотылёк,
Застывший в воске свечи.
А может, она - лишь она,
С восточным разрезом глаз.
А может, наша мечта
Просто мечта для нас.
Может, её и нет? -
Только лишь слово... и всё.
И на вопрос ответ,
Как золотое шитьё.
Просто потеха для тех,
Кто, создавая мир,
Много ещё не успел -
Нам же мечта, как эфир.
Вроде мечта мечтой -
Только живём мы ей.
Из-за мечты порой
Гоним своих коней.
Из-за мечты в огонь -
Если же разобьём,
То умираем порой,
Горе залив вином.
Может и жизнь у нас
Только ради мечты?
Жизнь продают сейчас... -
Сколько же стоишь ты?

Я возвращаюсь в город, милый мне.
Не тот, что на волнах стоит, качаясь,
А тот, где снегом вишни по весне,
Где мы с тобой когда-то повстречались.
Я возвращаюсь на один денёк
В мир детства, где хороним мы печали,
Но примет ли меня мой городок,
С восторгом тем, с которым ожидали.
Мне близок стал приволжский ветерок,
Я обрела покой на Гончарова.
И как-то по-родному стал далёк
Тот город, где с тобой расстались снова.
И дом, что смотрит на родной причал,
Где с пристани мы детству помахали,
Меня с тоскою в путь мой провожал,
И с радостью друзья все провожали.
Оставив там печалей горький мёд,
В большой я город от себя бежала.
Но всякому есть в жизни свой черёд,
И я вернулась в детство у причала.

Навстречу ветру - полетела...
Навстречу жизни - сорвалась...
А как желала, как хотела.
А как стремилась, как рвалась.
Ну вот и все, теперь утихнут
В стакане бури - ты одна.
И голова, как после тифа,
А вроде не была больна.
И голоса, как в зазеркалье,
То слишком громки, то тихи.
И чуть светясь, глаза сверкали,
Как на болоте огоньки.
В них засосать могло любого,
А выбраться не всем дано.
И вот опять за словом слово
И все в глазах плясать пошло.
Как будто мозг, как шар, раздулся,
И голоса, их не понять.
От них избавиться так трудно,
Ну а еще трудней унять.
Они заполняют все, что можно, -
И вдруг опять лишь пустота...
Кровать... и белая, как простынь,
Перед тобой дыра окна.

Маленьким поскребышем
Память на листе.
В голубое небушко -
Голубь в вышине.
Крыльями затмение
Перекрыл Икар.
Это же знамение -
То, что не упал.
Значит, каждый птицею
Может стать теперь.

*И сверкать зарницу,
Распахнувши дверь.
Только безобразною
Пылью от дорог
Затянуло небушко,
И Икар промок.
Крыльями он, падая,
Подметал шоссе.
Вот оно - могучее
Притяжение.*

ПАВЕЛКИНА Елена

*учитель русского языка и литературы средней школы №6.
2-е место.*

ПРОЩАНИЕ

Ты. Меня. Бросил. Во время последней нашей встречи ты сказал: «Милая, потерпи, я несколько дней буду занят, а в пятницу мы встретимся» В пятницу! Но до пятницы целых четыре дня!

Они показались мне вечностью. Несносный, противный понедельник! Прошел... Вторник, среда... Я считала минуты. Четверг, уже четверг! И... боже мой, пятница! Я летала, неужели пятница? Наконец-то, долгожданный вечер! Но... но ты не пришел. Ты не пришел и в субботу, и в воскресенье.

А потом потянулись недели. Тоскливые, длинные, серые. Без тебя...

Стоя на автобусной остановке, я пристально вглядывалась в поток проезжающих мимо машин в надежде, что одна из них будет твоею.

Надежда, не зря говорят, умирает последней. И моя с каждым днем превращалась в дряхлую старуху с едва слышным дыханием и слабым биением сердца.

Эта старушка... Она не хотела покидать мою душу. А я всячески подпитывала ее жизнь любой ка леи информации о тебе. Жадно вслушивалась в чьи-то слова: «Видел его сегодня. Довольный такой, в машине ехал». «Пришла бы пораньше минут на сорок - повидалась бы», - ножом по сердцу.

Но старуха-надежда всё-таки тихонько умирала, сжимая мою бедную душу, словно тисками.

А однажды... Я выходила от подруги. И вдруг из-за поворота показалась твоя машина. Для моей надежды это был глоток, глоток свежего воздуха. Но перед смертью. Я подняла руку и махала, махала. А ты... Ты мимо проехал. Не увидел? Не узнал? Не захотел? В общем, мимо проехал.

Моя рука медленно опускалась, и облачко надежды, так бережно мною хранимой, уносилось высоко-высоко. Слезы застилали глаза, тело била мелкая дрожь. Прощай, надежда! Ноги совсем не слушались. Прощай, милый! Ты. Меня. Бросил.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ПОЕЗДКА

...Эта мысль пришла к нам с Ириной в голову как-то вдруг. А не съездить ли с ними нам на природу? Самое интересное, что когда это предложение мы вынесли на суд наших мужчин, оказалось, они думают о том же.

Итак, назначен день, назначено время. Нам не верится, что целый день мы четверо на берегу, и больше никого...

Дорога туда показалась очень длинной, но это нисколько не угнетало. В лесу вдруг перегрелся мотор, и нам пришлось ждать, пока он остынет. Как бы хотелось сейчас вернуть эти минуты!

Лето ведь уже прошло, и все то, Далекое и прекрасное, как тогда его глаза, которые я рассмотрела, стоя с ним рядом возле машины, кажется нереальным,

будто это были вовсе не мы, будто я читала какой-то любовный роман, который сейчас просто растаял. Нет, не закончился, а именно растаял. Грустно...

А все-таки, это был рай! Солнце, волны, ветерок, ласкающий волосы, и щемящее спокойствие...

Боже, какой это был обман! Потом этот покой нам только снился. А от поездки остался загар и воспоминания... И слова Ирины: «Вы излучали какое-то тепло...» Хотелось бы его сейчас!

Пройдет осень, наступит зима, но я никогда не смогу забыть этого лета и дня, когда я побывала в раю.

ЛАВРОВА Юлия

Городская гимназия, 11 «а» класс.
2-о место.

Какого черта?! Что! Опять!!!
Я спать хочу, зачем вставать?!
Уже неделю я не сплю.
Уймись, будильник! Растопчу!
...Теперь мне больше не заснуть...
Что, мам? Вставать? Ну хоть чуть-чуть
Могу я утром полежать
Минуток десять... ладно... пять!
И так всегда, так каждый день
С утра проснется моя лень,
Со мною ляжет на кровать
И скажет мне: «Давай-ка спаты!»
Но вот за ленью совесть встала,
С меня стащила одеяло
И, громко крикнув в ухо: «Встаты!», -
Заставила кровать убрать.
Что дальше делать буду я,
Вы догадаетесь, друзья.
Одно скажу, что рано утром
Подъем назвать мой можно мукой!

Я иду по ветвящейся ленте шоссе
Надо мной небеса - как вы дороги мне!
Подо мною лежит золотая земля
Эта страна для тебя, для меня.
Я бродил и скитался, и оставил свой след
В бриллиантовой пустыне, излучающий свет,
И в воздухе нежном звучали слова:
«Эта страна для тебя, для меня».
Я продолжил свой путь, когда солнце взошло
Ветер играл, колыхая хлеба.
Из тумана зари я всё слышал слова:
«Эта страна для тебя, для меня».

ЛЕТУНОВСКАЯ Светлана

Городская гимназия, 8 «а» класс.

Первая премия.

ЛЕС

Уж год назад здесь вырубали лес,
И жалко было мне его до слез.
О, сколько было в нем чудесных мест,
Осин, сосенок, стройненьких берез!
Но вырубил лес весь вдоль опушки,
Не пожалел деревьев человек.
А ведь чтоб вырасти от корня до верхушки
Понадобился лесу целый век!
Кто виноват, что леса больше нет?
Рубили лес вы выполняя волю чью?
Но тишина. Кто может дать ответ?
Гляжу сквозь слезы на опавшую хвою.
Особо не виню тех, кто пилил -
Того виню, кто приказал
И махом все деревья погубил,
Дома на месте леса строить стал.
Теперь дома здесь забелели.
А год назад смотрела я сквозь слезы,
Как боль невыносимую терпели
Осинки, сосны и березы.
И помню я огнем сосна пылала.
Никто ее не спас.
Я плакала, рыдала,
Огонь жестокий не погас...

ЕЛЬ

Ночь наступает,
Вьюжит метель.
Уже засыпает
Зеленая ель.
Снег серебрится под фонарем,
Что ей приснится
Сказочным сном?
Может мечты карусель?
Или пышный и радостный бал?
Тихо дремлет прекрасная ель.
Ведь мир снов - он не так уж и мал.
Ей послышатся птиц голоса
И журчание звонких ручьев.
Засверкает на травах роса,
Зацветет поле белых цветов.
И заснет на всю зимушку елка
Ей брильянты подарит мороз.
И метель и пурга без умолка
Будут петь про букет алых роз.
А когда вновь придет к нам весна,
И настанет уж месяц апрель,
То растут цветы из льда,
И проснется чудесная ель.

ФРОЛОВ Александр

Городская гимназия 10 «б» класс.

Поощрительная премия.

КРАСИВАЯ ТИШИНА

По красивой тишине
Люди бродят скучно.
Им в красивой тишине
Почему-то душно.
Если б видел кто из них,
Сколько в мире мести,
То красивой тишине
Радовались бы вместе.
По красивой тишине
Ты пойдь один.
Долго будешь ты бродить,
Но ее найди,
Ту, что любит тишину,
Бродит под дождем,
Ту, с которой сердце бьется
Под седьмым ребром.
Ты смотри ей душу не разбей
В этом мире шумном.
Много ты понять не сможешь
В этом мире умном.
Если любишь ты кого,
То пойдите вместе,
Ведь в красивой тишине
Нет ни зла, ни лести.
Если любишь ты ее,
Ту, что под дождем,
То в красивой тишине
С ней пройдишь вдвоем.

ШУЛДРИН Дмитрий

Школа №10, 8 «г» класс.

Специальная премия.

РАССКАЗ ОБ ЯБЛОКАХ

Сердцу каждого из нас дорог праздник Победы. Дорог памятью о тех, кто ценою своей жизни отстаивал свободу. Мы должны помнить о людях, отдавших свои жизни за свободу и светлое будущее нашей страны.

И те люди, которые остались в живых, теперь живут среди нас. С каждым днем их становится все меньше и меньше. Дают о себе знать годы, старые раны и переживания, которые сейчас выпадают на долю стариков.

Такой старичок, ветеран войны, живет со мной по соседству. Я летом часто бегаю к нему за яблоками, он всегда угощает детей. Однажды он рассказал о себе, что было с ним на войне.

Это было осенью 1942 года. Когда их отряд вышел из окружения, они набрели на большой сад. Хоть и было очень холодно, но во время боя стало всем жарко. И они решили вместо воды поесть яблок. Яблоки были такие вкусные, что захотелось брать впрок. Даже забыли о ранах и боли.

Все разбрелись по саду, от дерева к дереву. Но вдруг дядя Ваня увидел раненого немца. Он был в сознании, но идти не мог и стрелять не мог: у него кончились патроны. Немца арестовали и обыскали. У него оказались секретные доку-

менты. Доставили пленного в штаб. По этим документам узнали о захвате города, там был и план. Вовремя наши войска смогли предотвратить уничтожение города. Были потери, но победа была нашей. Дядя Ваня был награжден медалью.

После боя вспомнили как с немцем принесли яблоки. Все рассмеялись, ведь они ели эти яблоки после боя и вспоминали свое детство.

Дядя Ваня иногда рассказывает мне истории, которые происходили во время войны. Хоть он и хочет рассказать, чтобы было интересно и забавно, но на глазах всегда выступает слеза.

Годы Великой Отечественной войны не забудутся никогда. Что для солдата значит Победа? Это величайшее счастье, сознание того, что помог своему народу победить врага, отстоять свободу Родины, вернуть ей мир.

Александр НИКОНОВ

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

БЕЗДУШНЫЙ ТИТ

Жил-был мужик по имени Тит. Как и положено человеку, была у него душа, которая, как известно, дается Богом от рождения. И от того, как человек с ней ладит, так и жизнь его проходит, так о человеке и судят. Ведь известно, что душа - не сосед, ее не обойдешь, не объедешь. О плохом человеке скажут: «Души у него нет! У него душа, что лес темный! Покрывил он душой!» О хороших людях другое говорят: «Душа-человек. У него душа всему мера. Душа в душу живут. Видать, сердце у него - пестун, а душа - дядька».

Был Тит мужик хозяйственный, домовитый, семейный, да не всегда в ладах с душой своей жил. Иной раз Тит мог и блаженного обидеть, и нищему не подать, и слабого ни за что обидеть, а когда и словцо обидное вслед запустить. Посмотрят на него люди и лишь скажут: «Черствая у него душа. Бездушный, видно, Тит человек».

Долго душа терпела его выходки, пока не случилась с Титом большая беда. Поехал он однажды на базар седло для своего жеребца покупать. Полдня проходил по рядам, ничего подходящего найти не может: то мало, то велико, то клешнями сделано. И вдруг видит, в самом дальнем углу сидит невзрачный мужичишка и седло продает. Как увидел Тит эту красоту, будто в беспамятство впал - такого седла он никогда в жизни не видывал. Игрушка, а не седло! Подошел, спрашивает мужика:

- Почему продаешь?

А как услышал цену, то и вовсе обомлел: стоило седло в два раза дороже самого жеребца. Да и по правде сказать, стоило оно того - не седло, а лебедь! На гремучей черной толстой коже светилась золотая вязь; лука была сделана из слоновьего бивня в виде орла с распахнутыми крыльями; подпруга укреплена витой серебряной цепью. А к седлу еще прилагалась алая попона из крепкого неведомого сукна, расшитая блестящим черным шелком.

Загорелись глаза у Тита, да вот беда - не было у него с собой таких денег. Если домой за ними бежать, то седло упустишь. И занять не у кого. А его словно бес в бок толкает: «Не упускай, Тит, своего счастья. Когда ты еще найдешь такое седло». Крутится, крутится Тит вокруг продавца и, наконец, дождался, когда тот куда-то отлучился. Снова его бес наущает: «Ну что же ты, Тит, такого момента больше не будет!» А душа его уговаривает: «Не бери, Тит, грех на меня, на седло ты еще заработаешь, а славу и честь свою потеряешь». Не послушался ее Тит, схватил седло в охапку и - бежать. Да не тут-то было: поймали его, голубчика, привели в участок, спрашивают:

- Зачем, Тит, седло украл? Ведь грех это.

А Тит руками разводит:

- Сам не пойму, видно, бес попутал.

Ну, дали ему наказание плетьюми. Стегает его палач и приговаривает:

- Помни, Тит: душа у тебя Божья, тело - государево, а спина - моя.

Ну, выдали Титу по первое число и отпустили, а люди ему вслед:

- Видно, мужик свою душу черту продал.

Снова корит его душа:

- Нехорошо, Тит, получилось. Не послушался ты меня, за то тебе и кара.

Надоело душе слушать от людей такую несправедливость - она-то чем виновата? - терпела, терпела и решила от Тита уйти: пусть живет как знает. Однажды поднялась и улетела.

Проснулся утром Тит, хотел потянуться да встать с постели, а ничего не получается - тело чужое, будто удар хватил. «Что это со мной?» - думает Тит. И невдомек ему, что душа из него вон. Хотел жену на помощь позвать, а голос-то совсем пропал. «Никак умер? - завопновался Тит. - Вроде, не болел ничем, ну разве что с похмелья. С чего бы вдруг умирать-то?» Потом все же догадался, потихоньку спрашивает:

- Эй, душа, ты здесь?

Молчок.

- Чего молчишь, где спряталась? Ну, ладно, поиграли и хватит. У меня еще столько дел на сегодня...

И снова в ответ тишина.

- Ну, погоди, - злится Тит, - вот ужо встану, я тебе покажу, как хозяина на произвол судьбы бросать!

А чего там покажет, когда ни рукой пошевелить, ни глазом моргнуть не может. Что делать? Лежит Тит, ждет, что дальше будет. Вошла жена, толкает его:

- Эй, лежебока, вставай утренничать. Сегодня сено докосить надо, пока погода хорошая стоит.

Тит по привычке будто ей отвечает:

- Отстань, холера, дай бокам пообмякнуть.

А сам понимает, что она его не слышит. Жена почувствовала неладное, снова его толкнула, потом наклонилась, в лицо посмотрела да как закричит, как запричитает:

- Ой, детушки мои, сиротинушки бедные, оставил вас родной батюшка!

Скоро все соседи сбежались, стоят вокруг него, вздыхают, вполголоса между собой разговаривают:

- Вот и отдал Тит Богу свою грешную душеньку.

А другой отвечает:

- Видать, нагрешил много, оттого Господь его и наказал.

Тит про себя кричит:

- Да не отдавал я никому ничего! «Наказал, наказал!» На себя-то оборотись! Вот ты, Фекля, с Дарьиного огорода огурцы воруеть, а ты, Дарья, с Феклиного стога сено дергаешь!

Тита раздели, обмыли, обрядили и стали в гроб укладывать.

- Караул! - заорал Тит. - Господи! Образуешь ты этих сумасшедших! Ведь не умер же я! Да что же это такое, или души у них совсем нет!?

Ну, положили Тита в гроб, простышкой белой накрыли, на грудь иконку прикрепили, а между пальцев воткнули зажженную свечку. Соседская бабка молитвы почитала, перекрестилась и тяжело вздохнула:

- Видать, его грешное телодушу светлую съело. Аминь!

- Я те, чертова кочерга, дам «Аминь!» - кричит Тит.

А тем временем Титова душа летела, летала по белому свету и нигде не могла найти своего пристанища. Ведь у каждого человека уже есть своя душа, даже у новорожденных младенцев. Однажды встретила она другую одинокую душу. Сидела та у свежей могилы и сильно горевала. Титова душа ее спрашивает:

- Что же ты так горюешь, подруга? Небось, отмаялась, отмучилась и ладно. 45

- Нет, - грустно отвечает чужая душа. - Хороший был человек, жили мы с ним в ладу целых восемьдесят лет. Всякое случалось за это время. По молодости-то и у него глупости хватало: и обижал, и сквернословил, и озоровал. Но я ему спуску не давала: если что не так сделает, укорами его изведу, а своего добыюсь. А потом он женился, остепенился, детей народил, тут уж не до озорства - семью поднимать надо. Ох и намучился же он, бедный! По злему наговору пятнадцать лет в тюрьме томился, потом свою землю от врага защищал, получил тяжелое ранение. После войны хозяйство из разрухи поднимал. Так вот и прожили: куда он, туда и я. А теперь вот не стало у меня пристанища. Теперь когда мне Бог даст другого такого хорошего человека и не знаю. Полечу-ка я на небо.

- Возьми и меня с собой, - просит неприкаянная Титова душа.

Ну, прилетели они на небо, а там их встречает сам Господь Бог, спрашивает:

- Ну как, душечки, тяжела на земле работа? То-то. А теперь рассказывайте.

Рассказала чужая душа про свою житейскую долю. Бог ее хвалит:

- Молодец, хорошо потрудились. Хватило у тебя и мудрости, и терпения, и верности. Подыщем тебе новое пристанище, а пока иди, отдыхай.

- А у тебя как дела? - спрашивает Бог Титову душу.

Рассказала она про все свои страдания, ничего не утаила. Бог брови насупил и, подумав, сказал:

- Рано еще Титу с земли уходить, не познал он всех тягот и премудростей, радостей и разочарований жизни, а значит, и не вкусит всей прелести раю небесного. Ступай к нему назад.

А Тита уже на кладбище несут. Жена воем воеет, детишки несмысленные головы повесили, народ следом за гробом идет и тихо перешептывается. Вот уж и лесок недалеко, где ему могилу вырыли. Тит думает: «Вот и конец мне. Эх, дурак я, дурак, не мог жить, как все люди: спокойно, тихо, в согласии да в радости. Нет, дернул меня черт воровать, сквернословить да людей обижать. Правильно душа говорила: за то мне и кара. Господи! - взмолился Тит. Прости меня, грешного. Видно, чему быть, того не миновать, а все-таки облегчи мою душу, дай ей спасение, ведь она-то ни в чем не виновата».

Гроб у могилы поставили, родные с ним простились, вот-вот крышкой накроют, заколотят и - прощайся, Тит с белым светом. И вдруг чувствует Тит, что в гробу вроде как тесновато стало, жар по телу разлился, руки и ноги немать стали. Еще не веря, осторожно спрашивает:

- Душа, ты здесь?

Никто не отвечает.

- Ну что же ты молчишь? Не томи Христа ради!

- Да здесь я, здесь, куда я от тебя денусь.

- Это где же ты шлялась, такая-сякая, - начал ругаться Тит. - Меня вот-вот в землю закопают, а она...

Оборвала его душа;

- Если долго ругаться будешь, так и зарюют тебя, дурака. Мало тебя учили? Мне-то что, я вот возьму и улечу. А ты как?

Тит больше спорить не стал, пошевелил руками, ногами - живой. Потом открыл глаза, оглядел остолбеневших людей и спросил бабу, которая над ним молитву читала:

- Ну что, старая кочерга, поживем еще?

Все от страха разбежались - виданное ли дело, чтобы покойник в гробу разговаривал. А Тит вылез из своей домовины, жену и детишек своих обнял и сказал:

- Ну, мои родные, пошли домой. Обижать да ругать я больше никого не буду. Заживем, как все люди. Так что ли?

Душа поняла, что это к ней Тит обращается, и лишь глубоко вздохнула.

Вот и сказке конец, а жизни начало.

ТИТ И СМЕРТЬ-КНИГОЛЮБКА

Под старость остался Тит совсем одишеченек: жена его померла, а дети по всей Руси разлетелись. Оно-т и понятно - у каждого своя семья, свое гнездышко, каждый свои корешки пускает. Муторно стало одинокому Титу на свете жить. Ну что это за жизнь, когда ни поговорить не с кем, ни поругаться, к тому же пенсия маленькая да и ту вовемя не дают, земля без навоза на огороде родить перестала, а привезти его некому. Одним словом, волчья жизнь, хоть вой.

Однажды сидел так Тит в своей избе, вспоминал о прожитых годах, самого себя жалел да вдруг возьми и ляпни:

- Хоть бы скорее смертушка ко мне пришла, чем так-то вот жить!

Ну, лег Тит спать, сон его стал морить, вдруг чувствует - кто-то за плечо его трогает. Открыл глаза, в темноте ничего не видать, только пятно от луны среди избы колышется. Видать, померещилось, думает Тит, и повернулся на другой бок. А тут его снова кто-то за плечо трясет и спрашивает:

- Эй, Тит, ты меня звал?

Тут уж Тит вскочил, словно кипятком ошпарили, кричит с испугу:

- Кто тут? Чего надо?

А сам видит, что стоит перед ним вроде человека в темном балахоне, а лица не видать.

- Да кто ты такой? Как сюда попал? Если воровать пришел, то знай, взять у меня нечего! - снова кричит Тит.

- Это я, Тит, смерть твоя, - отвечает человек. - Ведь сам же меня позвал, помнишь ты сказал: «хоть бы скорее смертушка ко мне пришла!» Вот я и явилась по вызову. Али что не так?

- В горячках да в отчаянии чего не скажешь, - отвечает Тит, а про себя думает: «Принесла тебя нелегкая. Что же делать? Помирать еще не охота, надо как-то выкручиваться.»

- Ну, пришла так пришла. Да ты садись вон на табуретку, устала, поди. - Смерть вздохнула и села.

- Что верно, то верно, устала. Дел невпроворот. Сам знаешь какое сейчас времячко, - жалуется смерть Титу. - Кругом разруха, войны, голод, холода, болезни. Вот и приходится крутиться, как белке в колесе.

- Так ты что же - на всех одна? - соболезнует Тит.

- Одна, конечно, а попеть везде надобно. Вот и с тобой засиделась. Давай, Тит, готовься, молитвы почитай, покайся перед Богом. Я по быстрому тебя умертвлю и дальше полечу.

- А где же твой инструмент-то? - спрашивает Тит, а сам соображает, как бы от смерти отязаться, ну хоть ненадолго, а там что-нибудь придумает.

- Коса-то? Да я в сенях ее оставила, не хотела тебя пугать сразу-то, уж больно хорошо ты спал.

Встала смерть и направилась было в сени, а Тит ее останавливает:

- погоди-ка, милая! Вот ты меня значит того, а кто хоронить будет?

- Ну уж это я не знаю, - разводит руками смерть. - Мое дело маленькое - вжик, вжик! А уж чего там потом с тобой сделают, меня не касается.

- Как это не касается! - кричит Тит. - Не по-Божески это!

- Мое дело маленькое, - виновато отвечает смерть, а потом повернулась, спрашивает: - Тебя что же и правда похоронить некому? А дети?

- Дети? - вскричал Тит. - Они за тысячу верст живут да впроголодь. По полгода зарплату не получают. Хорошо хоть мне пенсию стали вовремя выдавать, вот и поддерживаю их как могу, чтобы с голоду не умерли. А чтобы на похороны приехать - об этом и говорить нечего, сейчас на дорогу знаешь какие деньги нужны!

- Да-а, - опечалилась смерть, - задай ты мне задачку. Ну а сельсовет, или как это сейчас называется, администрация разве не может организовать погребение?

- Да что ты, что ты, - замахал руками Тит, - какая администрация, у нее щепки на растопку не найдешь, не то что еще чего!

- Ну и как же нам быть? - задумалась смерть.

Почесал Тит пятку, потом лоб и говорит:

- Дай ты мне, Христа ради, отсрочку, ну хоть на неделю. Я сам себя к смерти приготавливаю: гроб сколочу, крест смастерю, могилку вырою, а там уж... Чему быть, того не миновать.

- Ладно, - согласилась смерть, - дам я тебе сроку неделю, да смотри, не обмани. Уж тогда я никаких отговорок не приму.

Да с тем и улетела. Авось, отвяжется, думает про смерть мужик по русской привычке. А дело-то к осени было, урожай пора убирать. Выкопал Тит потихоньку картошку, свеклу, моркошку, капусту срубил, что в погреб спустил, с засолки да и успокоился. Ну все, думает, теперь на зиму запасов хватит, с голоду не помру. А через два дня срок кончается, который он выпросил у костлявой. Что ж делать, надо к смерти готовиться. Снял Тит с чердака несколько тесин, которые он берег на резные наличники, но которые за неимением времени так и не сделал, погладил их, понюхал - ах, как хорошо смолой пахнут! Помираться вовсе расхотелось, а готовиться все одно надо, если не послезавтра, все равно когда-то помираться придется. Снял Тит с себя мерку по дверному косяку и сколотил гроб. Хорошо вышел гроб, как игрушка. Чать не для чужих старался, подумал с усмешкой Тит, а для себя.

На дворе под мусором нашел Тит дубовый кряж, который он берег на столбы для ворот, и смастерил из него крест. Осталось только могилку выкопать. Взял Тит мерку, лопату на плечо вскинул и пошел на кладбище. А кладбище было у старого городища. Присмотрел он место у старой кирпичной стены, на самом сугревке, чтоб не холодно было в земле лежать, и принялся копать. В земле одни кирпичи, пока копал весь измучился. Вдруг лопата на что-то наткнулась, разворошил Тит землю, а там крышка железная, а в ней колечко. Дернул Тит за колечко, крышка открылась, и выскочил из колодца маленький, с кулачок, козленок, только о двух ногах. Испугался Тит, сел на землю и спрашивает:

- Ты кто?

- Я-то? Я черт, - отвечает козленок.

- Свят, свят, - закричал Тит и хотел было перекреститься, да черт его остановил:

- Ты руку-то ко лбу не подноси, а то вот исчезну сейчас, и тогда тебе уж никто не поможет.

Присмирел Тит, смотрит, что дальше будет, а чертенюк спрашивает:

- Чего ты тут делаешь?

- Да вот могилку рою.

- А кому? - допытывается чертенюк. - Уж не себе ли?

- А ты откуда знаешь? - удивляется Тит.

- Ну, откуда - это тебе знать не положено, а вот то, что ты дурак набитый, хоть и старый, и так видно. Нашел кого пугаться - смерти! - засмеялся чертенюк.

- Да как же ее не напугаться - смерть ведь, с ней шутки плохи, а жизнь у меня

- Крутая бабка, ничего не скажешь, - отвечает чертенок, - да только и у самого крутого слабинка есть, надо ее только поискать. Это, дед, целая наука, если хочешь знать.

- Может, подскажешь, - надеется Тит. - Я ведь к ней случайно попал. Притоскнулось мне что-то, вот я по глупости ее и позвал. А она, липучка чертова, извиняюсь! - уж тут как тут. Вот выпросил отсрочку на неделю, и та завтра заканчивается.

- Ладно, - соглашается чертенок, - я тебя научу, а ты мне за это душу отдашь. «Ишь ты, чего захотел, - думает Тит, - душу ему отдай», а вслух спрашивает:

- А на что тебе душенька моя понадобилась?

- Ну, это уж мое дело, - отвечает чертенок. - Захочу погублю, захочу - перепродам, захочу - подарю.

- Согласен, - отвечает Тит, а сам прикидывает в уме, как чертенка обдурить. - Рассказывай, какая у смерти слабинка.

Прошептал ему чертенок что-то на ухо и требует:

- А теперь отдавай свою душу.

Поднатужился Тит да как пукнет, кричит чертенку:

- Лови, да не упусти!

Сморщился чертенок, прыгнул в колодезь и был таков. Тит крышку захлопнул, засыпал ее землей да еще ломом подпер, чтобы чертенок снова не вылез и отправился домой.

В назначенный час пришла к Титу смерть и спрашивает:

- Ну что, Тит, ты готов?

А Тит лежит на кровати, читает книжку и давится от смеха:

- Готов, готов, милая, только подожди немного, я книжку дочитаю.

- Чему же ты смеешься, дурень, ведь я жизнь у тебя отбирать пришла, - говорит смерть.

- Так-то так, - отвечает Тит, - да уж больно сказки хорошие, прямо до слез пробирает. Ты посиди немного, косая, отдохни, а я дочитаю, тут немного совсем осталось.

Читает Тит и хохочет, а гостя сидела-сидела и говорит:

- Я тоже книжки люблю, а вот читать не научилась. Давай, Тит, почитай мне вслух, уж больно я сказки люблю.

А Титу только этого и надо:

- Ну, если интересно, слушаю. Прочитаю я тебе сказочку о том, как мужик Иван пиджак свой продавал. Жил-был мужик Иван, простак да профан. Только сказка-то не об Иване, а об нас с вами. Однажды уехала Иванова жена к матери погостить, наказывает мужу:

- Ты без меня, Ваня, ничего не покупай и не продавай, а то тебя обманут.

- Ладно, - говорит Иван, - я стерплю, если что.

И как на грех, на другой день предложили ему по случаю корову купить. Отказался бы Иван, да уж больно хорошей корова-то оказалась, молодой да удистой. Грех такую выгоду упускать. Вот только беда - семи рублей не хватило. Все-таки уговорился с продавцом подождать, а сам хватить свой новый пиджак и на базар поехал продавать. По дороге встретился ему мошенник, попросил подвезти, спрашивает:

- Зачем едешь-то: деньгу искать или обнову спускать?

- Да вот пиджак хочу продать, на корову не хватает.

Посмотрел мошенник пиджак - хорош: новый, крепкий, ненадеванный.

- И сколько выручить хочешь?

- Семь рублей, - отвечает Иван.

- Того стоит, - уверяет мошенник. - А можно и больше взять.

- Это как же? - удивляется простак.

- Так ведь если подкладку, карманы да рукава с личиной отдельно предложить, то намного дороже можно взять.

И то правда, прикидывает в уме Иван, взял да и разорвал пиджак.

Приехал на базар, мошенник по своим делам ушел, а Иван разложил товар на прилавке и народ зазывает:

- Личину, подкладку, рукава, карманы продаю! Налетайте, люди добрые, бедные да богатые! Подкладку, рукава, карманы!!!

Да только кому лоскуты нужны. Народ над Иваном потешается, пальцами на него показывает: видали такого Ивана-профана!

Тем временем мошенник личину сменил, подходит к Ивану, спрашивает:

- Почем подкладку продаешь?

Обрадовался мужик, что покупатель нашелся - был бы почин, зачин сам придет, - отвечает:

- Два рубля.

- Да ты что, - кричит мошенник, - креста на тебе нет, да за такие деньги я целые штаны куплю. Нет, не надо.

Иван его останавливает:

- А за сколько возьмешь?

- За полтину.

Делать нечего, отдал Иван подкладку за полрубля. Мошенник тем же оборотом опять к Ивану, бороду наклеил, голос изменил, к рукавам приценивается:

- За сколько отдашь? А то мои совсем в локтях прохудились.

Заломил Иван аж целых три рубля с двугривенником.

- Не-е, - отмахивается мошенник, - я уж лучше заплату наложу.

- Эй, погоди-ка, - останавливает его Иван. - Давай поторгуемся, называй свою цену.

Мошенник отвечает:

- Вот кабы костюм целый был, я его за пятерку бы взял. А за рукава больше рубля не дам.

Эй, думает Иван, зря я подкладку-то продал, глядишь, за пиджак хоть пятерку выручил. Да делать нечего, отдал рукава за целковый. Так и выкупил мошенник у Ивана весь пиджак за три рубля. Ладно, думает Иван-профан, скажу жене, что товар ныне не в цене.

Приехал домой. Тут и жена из гостей возвратилась. Ну рассказал ей Иван про корову, а про пиджак-то промолчал.

- Семь рублей мы найдем, - радостно отвечает жена, - поберегла я на черный день. Сейчас принесу.

Через некоторое время выходит из горницы, спрашивает:

- Вань, ты пиджак-то не брал?

- А что такое?

- Так ведь день-то в кармане пиджака были.

Совсем загрустнел Иван, спрашивает:

- И сколько?

- Девятнадцать рублей, - отвечает жена.

- Ах, ты!.. - ругнулся Иван, вскочил на лошадь и помчался снова на базар.

Приехал, кричит:

- Куплю карман от пиджака! Куплю карман от пиджака!

Люди снова над ним смеются:

- Эх, Иван ты, профан! Да кто же тебе карман-то свой продаст?!

А мошенник тут как тут. Иван увидел его, умоляет:

- Слушай, друг, продай карман назад.

- Да как же я продам, он самому мне нужен, мой то совсем прохудился, - говорит мошенник.

- Я тебе вдвое заплачу, - торгуется Иван.

- Да не нужны мне твои деньги, - артачится мошенник, - я из-за дырки в своем кармане семь рублей потерял, а ты у меня за рубль хочешь взять.

- А за сколько отдашь? - надеется Иван.

- За восемь, так и быть, верну твой карман, - отвечает мошенник.

Прикинул Иван в уме - прямая выгода, если он восемь отдаст, то девятнадцать назад получит. Ударили по рукам, взял Иван карман, запустил в него руку, а он пустой. Закричал Иван так, что аж пот его прошиб:

- Держите мошенника! Держите вора!

Да где там, того и след простыл. Так потерял Иван из-за своей простоты и корову, и деньги, и пиджак. И поделом ему, простофиле, скажете вы и подумаете, что, дескать, только в сказках бывают такие иваны-профаны, а мы себе на уме. А сказки для того и пишутся, чтобы поменьше на свете таких иванов было.

Тут бы и сказке конец, да...

По осени поехал Иван с женой новый пиджак покупать. Долго по рядам ходили, долго товар подбирали - нет ничего подходящего. Вдруг жена в бок его толкает:

- Глянь, Ваня, прямо как твой.

Смотрит Иван, и правда, лежит на прилавке точно такой же пиджак, какой у него был. Примерил - впору. Спрашивает у продавца: сколько просишь, купец?

- Десять.

- Дороговато, - сокрушается жена.

- Да ладно, за девять сторгуемся, - предлагает продавец.

Делать нечего, вязли, не с пустыми же руками возвращаться. Надел Иван пиджак, сунул руку в карман, а там дырка. Все понял, только жене ничего не сказал - дома новый карман лежит. А мошенник смотрел на Ивана-профана из-за угла и посмеивался. А ты!

...Закончил Тит сказку читать, а за окном уже рассвет брезжит. Спихватилась смерть, засобиравлась:

- Ты уж извини, Тит, пора мне на работу, дел невпроворот, на Кавказе война идет, народ с голоду мрет да спивается. А я одна, везде успеть надобно.

- Хороша же у тебя работка - души безвинные губить, - говорит Тит.

- Ну, кому-то надо же этим заниматься. Вот ругают меня, мол, смерть во всем виновата, а люди сами виноваты, не ценят свою жизнь, водку пьют, курят, убивают друг друга. Так кто же больше виноват! Ладно, Тит, некогда мне, - да с тем и скрылась.

Долго смертушка не появлялась, видать, и взаправду дел у нее было по самую шею. Тит о ней и думать позабыл, успел пенсию за два месяца получить, к внучатам съездить. И уж не просил он скорой смерти. На белом свете вон как хорошо, дети добрые, внуки ласковые, все дедуля да дедуля, миленький да хороший. Таких ласковых слов Тит за всю свою жизнь не слышал. Вернулся домой, а смертушка его уж дожидается. Вышла из чулана, спрашивает:

- Где ты так долго пропадал, Тит? Я прямо соскучилась.

- Пришла все-таки, костлявая, - проворчал Тит. - Я уж и забыл о тебе. Детей вот своих навестил в кои-то веки...

- Да знаю, знаю, - замахала смерть тощими руками. - Я ведь и к детям твоим приходила за тобой. А как увидела, что тебе там все радуются, рука не поднялась. Уж больно дети и внуки у тебя хорошие. Как представила, какое горе у них будет... Эх, - вздохнула смерть, - работа проклятая! День и ночь ни роздыху, ни покоя. Я ведь, если честно признаться, только у тебя, Тит, и отдыхаю.

- Что так? - с издевкой спросил Тит.

- Даже и не знаю. Понравился ты мне чем-то, - отвечает смерть. - Другие

визжат при виде меня, за травинку цепляются, чтобы жизнь свою спасти. Смотреть тошно! А ты другой, с достоинством, можно сказать, меня встречаешь, понимаешь, что рано или поздно, помирать придется. Вон, - показала смерть в угол, - даже домовину и крест себе приготовил, могилку вырыл, чтобы других не утруждать. За это и уважаю.

- Да ты никак хвалить меня перед кончиной собралась! - закричал Тит. - Делай свое черное дело и уматывай!

- Экий ты нетерпеливый, Тит, - укоряет смерть мужика. - И почему ты так о других плохо думаешь? Ты что же, совсем меня за бессердечную считаешь? А я к тебе отдохнуть пришла, отмякнуть от крови и людских страданий, а ты!!!

- Ну, ладно, ладно, зубастая, - отошел Тит. - Я ведь не со зла. Я, можно сказать, только сейчас, под старость, понял, что значит жить, посмотрел, как веточки да листочки мои растут, порадовался за них, а теперь и помирать неохота.

Вздохнула тяжело смерть:

- Понимаю. Ты бы, Тит, лучше сказку мне почитал, в них так все ладно кончается, не то что в жизни.

- Так и быть, - согласился Тит, - почитаю. А называется сказка «Царская башня». Ну, слушай.

Жил-был царь, всей страны государь. Известно, чего цари делают: народом правят, воюют, пируют, врагов казнят, приближенных милуют, наследников растят. Столько дел в государстве, что о душе подумать некогда. И не заметишь, как жизнь к концу подходит, а там и время о грешной душе подумать.

Под старость занемог царь, да так сильно, что ни рукой, ни ногой пошевелить не может. Какие только лекари ни брались его лечить - и свои, придворные, и заморские - ничего не могут с болезнью поделать. Тогда повелел царь созвать всех своих придворных, чтобы совета у них попросить. Пришли, выстроились перед царским ложем, готовы внимать каждому его слову.

- Умираю, - слабым голосом промолвил царь, - а от какой хворости, ни один лекарь не знает. Вы всю жизнь были моей опорой, может, и сейчас что дельное скажете.

Вышел вперед конюший, поклонился больному, говорит:

- Надо бы тебе, царское величество, на охоту съездить. Охота, она бодрит и молодит. Завали медведя, смотришь, оно и полегчает.

- Какая охота, - морщится царь, - ложку ко рту поднести не могу. А ты что скажешь, воевода?

Генерал выпятил бравую грудь.

- Чтобы кровушка в теле закипела, надо тебе, царь, войной на кого-нибудь пойти, а то войско застоялось...

- А-а, - перебил его царь. - На кого идти, всех давно повоевали, и врагов-то днем с огнем не найти.

Приблизился к ложу министр-казначей и с улыбкой говорит:

- Ваше величество, сделай себе подарок: закажи мастерам новую царскую корону из золота-серебра да невиданных редких камней. Ее блеск и тяжесть напомнят о твоём величии и твоей силе. Тогда и душа возродится и воспрянет...

- Дурак! - закричал царь. - Да на кой черт она мне нужна, корона-то, если я скоро помру. Вон отсюда! Все! Чтобы глазоньки мои вас не видели! И за что я вам плачу, и за что я вас к себе приближаю! Царя не могут вылечить! Олухи! Дармоеды!

Устал царь и вроде как бы заснул. Видит, будто у его царского ложа сидит благообразная седая старца в порванной нищенской одежде, с клюкой в морщинистой руке и жалобно глядит на него.

- Чего тебе надобно, старца? - спрашивает царь.

- Да мне ничего не надо, у меня все есть, - отвечает она.

- Да как же все-то? - удивляется царь. - У тебя, видать, ни дома нет, ни семьи, да и одежонка на тебе не царская.

Вздохнула старица, внимательно посмотрела в его глаза.

- Это правда, ничего этого у меня нет, терплю голод и нужду, побои и унижения, но не ропщу. На все воля Господня. А вот у тебя, царь, вроде бы все есть, а меня почему-то позвал.

- Я тебя не звал.

- Как же не звал, когда на судьбу свою жалуешься, на немоготу свою, на придворных. Я и есть твоя судьба.

- Это что же, и я такой безобразный и нищий?! - закричал царь.

- А ты таков и есть. У тебя дворцы и палаты, а душа бездомна, твоими придворными целые города заселены, а друзей у тебя нет, твоя казна доверху набита золотом, серебром и драгоценностями, а духом ты нищ, похваляясь своей силой, ты повоевал всех вокруг, а от этого твое государство стало еще слабее.

Заплакал царь.

- Твоя правда. Так подскажи, что же мне теперь делать?

Долго молчала старица, а потом молвила:

- Ладно, подскажу. Слушай и запоминай. Как в жизни есть две стороны - черная и белая, так в каждом слове два смысла. Жизнь Богом дается, Богом и забирается. Но ты забыл о душе своей, она бездомна и неприкаянна, чтобы она поднялась к Отцу небесному, каждый САМ должен построить к нему башню...

Сказала так старица и растворилась в воздухе.

- Погоди! - закричал царь. - Так что же мне делать-то?

Но никто ему не ответил. Открыл царь глаза и думает: приснилось ему это или въявь было? Хлопнул он в ладоши и приказал слугам:

- Эй, вызовите ко мне всех звездочетов, астрологов, экстрасенсов, магов, ведунов, колдунов, гадалок, ведьм, предсказателей! Да побыстрее!

Со всего света собрались в царских покоях колдуны, мудрецы и всякая нечисть: кто глубокомысленно молчит, кто мудреные книги читает, кто пляшет, кто кружится, кто ногами топает, кто летает.

- А ну, тихо все! - приказал царь. - Чать, не на шабаш собрались. Разгадайте-ка мне вот что. Явилось мне то ли во сне, то ли видение старицы благообразной... - и рассказал царь про свой разговор со старушкой.

Долго спорили собравшиеся и, наконец, вынесли свое решение:

- Ваше царское величество, мы усердно посовещались и решили так: благообразная старица, пришедшая к тебе во сне, говорила о двух сторонах твоей жизни, о земной и небесной. Земную жизнь ты доживаешь, но, чтобы удостоиться жизни небесной, предстоит тебе построить башню до неба, дабы тебе, царское величество, легче было туда добраться.

Царю повелеть - лишь в ладони хлопнуть. Тут же созвали со всего света лучших мастеров. Чтобы наломать камня, с лица земли снесли огромную гору, чтобы яиц на раствор хватило, в стольный город снесли всех кур-несушек. На строительство башни оторвали от дела пахарей, кузнецов, рыбаков, лесорубов, горшечников и всех мастеровых людей.

Строили башню день и ночь, зимой и летом, в жару и стужу. От такого гнета засталон и заголодал народ. Некому стало растить и печь хлеб, пасти скотину, воспитывать детей, поддерживать жилища. Все пришло в упадок. Зато башня с каждым месяцем, с каждым годом росла и росла. Сначала она поднялась выше деревьев, потом выше гор, затем и вовсе за облаками скрылась. И чем выше росла башня, тем все больше хирел царь.

И вот наступил день, когда уложили последний камень, вбили последний гвоздь

и с многокилометровой лестницы спустился последний строитель. Изможденный непосильными трудами и угрюмый стоял вокруг этой махины народ. А царь велел внести его внутрь башни и оставить одного. То ли во сне, то ли наяву явилась к царю благообразная старица.

- Вот и выполнил я твою волю, - радостно сказал царь. - Построил башню, чтобы вознестись к Отцу небесному.

Старица тяжело вздохнула и сказала:

- Башню построили большую. Но вспомни-ка, что я тебе говорила: в каждом слове два смысла, башню к Отцу небесному каждый строит САМ. Разве сам ты ее строил, разве сам камень клал, разве сам раствор месил? А что ты делал в своей жизни? Пил да веселился, воевал, грабил, народ мучил да казну копил. На то казна казной и называется, что она казнит человека жадностью и ненасытностью. Вот и все твои деяния. Но есть у жизни и другая сторона: каждый человек сам строит свою башню к Отцу небесному благими да добрыми делами, чистой совестью и любовью к своему народу. А теперь прощай!

Сказала так старица, подняла с земли камешек, превратилась в горлицу си-зую и поднялась на самое небо. А камушек-то возьми и выпади. Тут задрожала царская башня, зашаталась и стала рушиться. И скоро на ее месте образовалась гора камней, которая погребла под собой нерадивого царя.

Тит дочитал сказку и отложил книгу в сторону, а смерть заметила:

- Странные вы, люди, душа-то вам от рождения Богом дается, а вспоминать о ней начинаете, когда старость да болезни прижмут. Оттого и происходит несогласие с самим собой. А душу надо беречь да лелеять с молодости.

- Можно подумать, что у тебя душа есть, - буркнул Тит.

- Ну, есть или нет, это не так важно. А вот чтобы ее понять, надо в моем балахоне побывать, по свету полетать, людские страдания посмотреть. Ну ладно, Ти-тушка, засиделась я у тебя.

- Никак ты опять мою кончину отсрочиваешь? - спросил Тит, а сам подумал, что, видно, прав был чертенок, когда шепнул о любви смерти к сказкам.

Ничего не ответила смерть, лишь вскинула косу на плечо и была такова.

«Видно, Бог троицу любит, - подумал Тит, - в следующий раз она меня точно приберет». И вспомнил Тит войну, своих погибших товарищей и то, сколько раз смертушка облетала его стороной. Ну ладно, смерть смертью, а доживать как-то надо. Решил Тит навестить своего старого фронтового друга - что-то давно тот писем не писал, может быть, и в живых уже нет. Приехал, нашел дом, постучался, но ему никто не ответил. Торкнулся в дверь, а она открыта. В избе темно, грязно, мышки кругом хозяйничают.

- Есть кто живой? - крикнул Тит.

- Тут я, за занавеской, - ответил тихий голос. - Кого Господь принес?

За занавеской лежал старый, немощный человек. Тит еле признал в нем своего боевого однопольчанина, обнял его.

- Здорово, Тиша, друг мой. Не признаешь?

- Кто это? - спрашивает хозяин.

- Да я это, Тит. Неужто забыл?

- Татка, живой! Ах, ты чертяка. А я вот, видишь, лежу, один остался, воды подать некому. Вот как жизнь-то обломала меня. Жду косую, не дождусь, а она все не идет.

- А где твои дети? - спрашивает Тит.

- А что дети, - со слезами отвечает Тихон, - живут они хорошо, справно, и слава Богу. А от меня радости мало, кому такой нужен.

Ну, посидели друзья, вспомнили свои молодые, тяжелые годы, вместе и по-

смеялись, и поплакали. Тит неделю у друга пожил, убрался в доме, дров наколот, воды принес, еды припас и уехал. А что еще можно сделать для друга, свое здоровье, хоть и аховое, не отдашь.

После этой встречи Тит и сам занемог: руки и ноги ослабли, дышать тяжело стало. С полмесяца валялся в постели, опять думка появилась, не пора ли и взграду косю позвать. Но как только стало пригревать весеннее солнышко, встал, захопотап по дому и постепенно позабыл о своих болячках. Душа радовалась по-прежнему первым ручьям, первым грачам и жаворонкам, а истосковавшие руки уже тянулись к земле, которая парила в полдень от жарких солнечных лучей и лысела на глазах, освобождаясь от снега.

На этот раз смерть явилась прямо посреди дня, когда Тит чинил ворот колодца.

- Совсем сума сошла, - проворчал он. - Люди увидят, что подумают. Ты бы еще на собрание за мной пришла, чтобы все видели, кто ко мне в гости пришел. - Да не ругайся ты, Тит, я к тебе с душой, а ты...

Повернулась смерть и пошла в дом. Почуствовал Тит, что с Косой что-то неладное творится, стал расспрашивать, что, где да как. Сначала смерть отмалчивалась, а потом пожаловалась:

- Устала я, Тит, все мечусь, летаю по свету, а благодарности ни от кого так и не дождалась.

- Благодарность заслужить надо, - ехидничает Тит, - а ты, кроме зла, ничего не делаешь. Благодарят за добро.

- Э-э, - отмахнулась смерть, - что ты понимаешь. Добро, зло! Есть такие людишки, от которых одна пакость, уберу я такого - народу только лучше. А другой сам о смерти молит, чтобы прекратить свои земные страдания. Так где тут зло, а где добро, Тит? - спрашивает смерть.

- Ну, тогда не знаю, - чешет Тит затылок. - Я недавно к фронтовому другу ездил, уж он-то ничем перед Богом не провинился, за Отечество воевал, детей растил, работал честно, а сейчас не живет, а мучается, тебя, чертовку, дожидается. Может быть, сможешь чем по знакомству, а?

- Э-хе-хе, - сокрушается смерть, - одному - счастье, другому - горе. Радуйся, ты еще жить будешь, любоваться белым светом, а твой друг уже не в моей власти.

- Что так! - воскликнул Тит.

- Так меня же, Тит, на пенсию отправили.

- Вот так новость! - Тит присвистнул. - А я думал, что ты, как Кощей из сказки, бессмертна!

- Бессмертна-то я бессмертна, а вот силушки да прыти прежней во мне нет. Сейчас столько работы на земле, что мне трудно стало с ней справляться. Вот и отправил меня Бог на пенсию, а вместо меня другую поставил, молодую, прыткую да веселую. Уж она-то дел натаворит!

- А как же мой друг? - спросил Тит.

- Тут я уже ничего не могу сделать, - вздохнула костлявая, - а тебе повезло - пока я здесь, этой молодой бестии до тебя не добраться. Почитай бы ты, Тит, лучше сказки, а то душенька моя заскорузла вся от людских горестей и страданий.

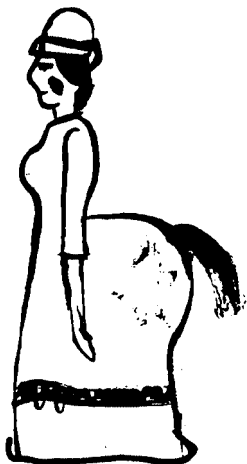
- Что ж, сказку так сказку, - отвечает Тит и берет книжку.

Говорят, до сих пор Тит читает смерти сказки, разговаривает с ней о разных житейских мудростях. Только вот беда: хорошие сказки все кончаются, а новые мало кто пишет.

ТИТ И ДВЕНАДЦАТЬ МОЛОДЦЕВ

После перестройки в Российском царстве решил Тит стать свободным дельцом. А до этого он в колхозном рабстве был. День и ночь пахал, сеял, за скотиной убирал, а получал шиш в кармане, вошь на аркане да палочку в тетрадошке. А тут свобода: хочешь работай, хочешь на печи лежи.

Решил Тит взять землицы побольше и заняться хлебопашеством. Ну, занял он деньжат под проценты, приобрел плуги, бороны, хорошую рабочую лошаду, телеги, сани и всякое-разное, что в хозяйстве необходимо. Скотинку завел, так, по мелочи: с десяток свиней, сотенку кур, пяток бычков да три дойных коровенки. И вот ведь что странно: бывало, на работу Тита жена поленом поднимала, а тут внутри завелся, лишь только солнышко из-за горизонта показалось, а Тит уже на ногах. Через год в карманах, в чулках, в подушках зашелестели денежки. Стал Тит потихоньку обживать, старую избу-развалюху снес, а на этом месте новый дом срубил, да не какой-нибудь пятистенник, а целый терем с петухами, башенками, переходами, кладовыми и каменными погребам. Потом рысак в яблоках купил, а к нему выезд на заказ. Односельчане со стороны смотрят: не то завидуют, не то любят.

Тит не нарадуется, дела идут хорошо, а чтоб не сглазить свое счастье - лишь по дереву стучит. Тут пронеся по селу слух, что появились в округе двенадцать лихих молодцев, и что будто разъезжают они по окрестным деревням целыми ватагами и собирают со всех новых богатеев дань. Прослышал про то Тит, сначала встревожился, а потом по мужицкой привычке почесал голову да и забыл - мало ли какие слухи по свету гуляют.

Надо сказать, что чем больше Тит богател, тем жаднее становился. Бывало, с соседями последним куском хлеба делился, а когда его семье туго приходилось, добрые люди в беде не оставляли. Так и жили - нужда на нужду, а с голоду не умирали. А тут в Тита словно гвоздик какой вбили - клещами из него копейки не вытащишь. Бывало, придет кто, попросит:

- Тит, Христа ради, помоги, выручи до полочки. Совсем поиздержался, дети голодают, а хозяин, рога б ему от черта, никак платить не хочет. Помоги, с лихвой верну!

А Титу не только денег жалко, но и свою спину, потому что знал, что если кланялись тебе занимаючи, то вдвое наклоняешься долги собираючи, оттого и рыло свое воротит:

- Да где же я тебе, шабер, денег-то возьму, сами еле концы с концами сводим, животы подбираем. Одного корма для скотины прорву надо, налог тоже вовремя отдай, не то пенями опутают, да и дом еще не готов, в него тоже рубрики надо вколачивать. Так что и не проси.

- Да ты уж как-нибудь, - хнычет сосед, - а мы ведь вовсе с голоду помираем.

А Тит - нет, и все тут. Ну, ходили-ходили к нему односельчане, а потом и вовсе дорогу забыли.

Ну, ладно. Сидит однажды Тит за столом и потягивает кофе с коньяком. Детки его шоколадками потчуются, жена, вся в золоте с камнями да в халате с кружевами, черную икру ест и чаем сладким запивает. Увидел это Тит, как стукнет ложкой по горбушке хлеба да как закричит:

- Ой, дура деревенская, да кто же это черную икру чаем запивает!
Недаром покойная матушка говорила Титу: хлеб не бей, не кори, не кидай, а то на грех наведешь. Слышат, кто-то в дверь: тук-тук!

- Открывай, хозяин!
- Кто это? - спрашивает жена мужика.
- А я почем знаю, - отвечает Тит. - Небось, опять просильщики пришли. Вот я их!

Да из-за стола к двери. А жена вслед:
- Титушка, ты бы с ними поласковей, ведь нам с ними жить. Не дай Бог беду на нашу голову накличешь.

Открывает Тит дверь, и в нее вваливаются двенадцать бравых молодцов, да все как один: волос в волос, голос в голос, и спрашивают хором:

- Чего надо, хозяин? Что ни прикажешь - все сделаем!

Тит так и брякнулся на пол.

- Да я... Да я, вроде...

- Знаем, знаем, - хором говорят ребята, - что нас ты вызывал. Вот мы и пришли. Слыхали, что тебе крыша нужна?

- Крыша, - удивляется Тит. - Да как же не нужна-то. Без крыши двор, считай, что голый. Крыша и на сарай, и на хлев, и на погребницу нужна, старые-то совсем прохудились. А одному мне их чинить совсем неспособно.

- Плати! - кричат молодцы.

- И сколько запросите? - спрашивает Тит.

- Тысячу рублей!

Тит прикидывает в уме - будто недорого, а все равно хочется хоть рублик себе оторвать.

- Не многовато ли?

- Тысячу рублей! - настаивают молодцы.

- Давайте за восемьсот, - торгуется Тит.

А молодцы на своем настаивают.

- Ну ладно, ладно, - махнул рукой Тит и встает с пола. - Тысяча так тысяча. Значит, так договоримся - завтра и приступайте!

- Деньги вперед! - режут молодцы.

- Да кто же так делает-то! - возмущается Тит.

- Крыша нужна?

- Конечно, нужна.

- Деньги вперед!

- Ну, хорошо, - согласился Тит и отсчитывает им тысячу рублей.

- Ну, хозяин, теперь на тебя месяц и муха не сядет! - гогочут богатыри. - До свидания!

Исчезли молодцы, будто их тут и не было.

- Эй! - кричит вслед Тит. - А инструмент-то у вас свой будет?

Но Титу никто не ответил, лишь громко хлопнула сенная дверь.

- Ну, мать, - радуется Тит, - уж они мне быстро крышу спроворят. Один я до белых мух провозился бы.

Да хлоп себя по лбу - убил муху.

На следующий день Тит ждал работников до самых потемок, но они так и не пришли. Ждет Тит день, неделю, месяц, скоро вот-вот снег ляжет, а работников все нет. Говорят, и у камня терпение лопается. Сидел однажды Тит за столом, недобрыми словами поминал молодцов да как треснет ложкой по хлебной горбушке:

- Да куда же подевались эти сукины дети!

И вдруг раздался грохот, двери растворились, и появились на пороге двенадцать молодцов, да все как один: волос в волос, голос в голос, хором отвечают: 57

- Тут мы! Звал, хозяин? - а у самих плутовские улыбки до ушей.
- Что же это вы, ребятаки, меня подводите! - вскипел Тит. - Мы с вами договорились?

- Договорились! - отвечают бравые молодцы.

- Деньги я вам уплатил?

- Уплатил!

- А где же вы были?

- Мы крышу держали!

- Крышу? Какую крышу? Вы что, надо мной издеваетесь! - кричит Тит. - Там и конь не валялся! Ну вот что, вертайте мне мою тысячу и вон отсюда, чтобы я вас больше не видел!

Молодцы удивленно переглянулись.

- Как же так, хозяин, мы сделали все, как договорились. Хоть одна муха на тебя садилась?

Задумался Тит: и правда, в последний месяц не видел он ни дома, ни во дворе ни одной мухи. Почесал затылок.

- Нет, не садилась.

- Тебя кто-нибудь обижал?

- Да нет, вроде, никто не обижал, - совсем растерялся Тит.

- Ну, вот, - режут молодцы, - значит, мы свое задание выполнили.

Только тут до Тита дошло, что нарвался он на тех самых лихих грабителей, о которых люди говорили, задумался, как от них отвязаться. И так, и этак в уме прикидывал и решил дать им от ворот поворот.

- Ну, ладно, - говорит, - ребятаки, дело свое вы сделали, а теперь мне больше не нужны. Обойдусь как-нибудь и без вас.

- Как это не нужны! - взревели в один голос молодцы. - Ты нас вызывал?

- Да не вызывал я вас! - отпирается Тит.

- Как не вызывал! А кто же ложкой по горбушке стучал!

Только тут Тит понял, что он сам во всем виноват: про матушкины наказания - забыл, людей обижал, хлебом брезговал, а это самые большие грехи перед соседями и своей совестью. Решил он отпереться:

- Это я так, случайно.

- Ну, если случайно, тогда плати за вызов! - требуют бравые молодцы да вытаскивают из-за пазух ножи острые. Тут Тит совсем струхнул, руки дрожат, колени подгибаются.

- Ск... Ско... Сколько?

- Две тысячи! - назначили цену немилосердные разбойники.

Понял Тит, что спорить бесполезно и отдал две тысячи рублей.

- Бывай, хозяин! - гогочут молодцы. - Теперь на тебя целый месяц и дождинка не упадет.

А какая тут дождинка, когда на дворе снег всюю валит.

С той поры от Тита удача отвернулась: за что ни возьмется, все из рук валится, стала скотина дохнуть, в погребе картошка погнила.

Жена его все время плачет, постоянно корит мужа:

- Вот, говорила тебе - накличешь беду на свою голову, так оно и случилось. И поделом - сам во всем виноват.

Тит молчит, понимает, что жена права, сам все прикидывает, как бы от незваных помощников отвязаться. В конце концов понял, что без людей ему с ними не справиться. Делать нечего, решил с шабрами совет держать, а идти к ним совестно, ведь сам же всех от своего дома отвадил, все жадничал, копейку копил, да и та не пошла на пользу - все сбережения пришлось ворам-молодцам отдать.

Наступила весна, а тут и случай представился: решил Тит к концу масляной 58 недели, на прощенное воскресенье, угощение приготовить и соседей созвать,

чтоб не совестно перед людьми было. Забили свинью, хлебов напекли, самогонки нагнали. Жена два дня от печи к столу, от стола к печи бегала. Посреди горницы большой стол поставили, накрыли его цветастой камчатой скатертью, угощения наставили.

Пошел Тит по шабрам - грудь колесом, шапка на макушке - приглашает всех на святой праздник. А отнекиваются - мол, некогда. Народ-то тоже не дурак, понял, что неспроста Тит такое угощение приготовил, видать, приспичило мужика, петушок жареный в одно место заклевал.

Пришел Тит домой хмурый, чуть не плачет. Жена тоже не знает, что делать, кручинится: ведь такую прорву еды наготовила - за месяц всей семьей не съест. Детишки тоже притихли, знать, принимают родителей беду.

Сидят все и горюют. А тут стучится кто-то. Напугались, вдруг незванно-негладно опять двенадцать молодцев явились, хотя, вроде, и не должны - Тит от греха подальше приказал жене хлеб на стол не класть. Тит жене рукой махнул, открывай мол, все равно от них никуда не денешься. Отперла жена двери, и заходит в избу старушка-богомоленка, с холоду вся дрожит, лохмотья на ней грязные висят. Помолилась старушка на передний угол, где иконы висели, и говорит:

- Пусть падет благодать Божья на этот дом. Приютите, Христа ради, люди добрые, совсем измёрзлась и изголодалась я, а Господь вас не забудет за доброту вашу.

А жена будто этого и ждала, вскочила со стула, засуетилась:

- Проходите, бабушка, будьте как дома.

Истопили банку, старушку помыли, накормили, одели - жена ей свою ношеную одежду отдала. Рассказала старушка-богомоленка про то, что на Руси делается: по всему государству разор великий, повсюду голод да нищета, унижение да поборы властей, люди с голоду мрут, подбираются, каждый по-своему свой кусок достает, только один череном, а другие - лопатой. Отвернулись люди от веры, от совести, от Бога, вот он и наказывает их за безверие и бездушие.

Жена Тита тоже рассказала про свою беду, а старушка выслушала и сказала:

- А ты, сынок, спины-то не жалей, ведь люди к тебе с поклоном приходили, а ты их обижал. За то ты им вдвое должен поклониться, да не забудь прощения попросить, тогда все и сладится.

На следующий день старушка ушла, с собой лишь кусочек хлеба взяла да трижды поклонилась, а с порога сказала:

- Будет день, будет и пища, ведь мир не без добрых людей.

Жена говорит Титу:

- Знать, не простая была богомоленка, а провозвестница. Иди, окаянный, проси у людей прощения, да спины-то не жалей.

Пошел Тит опять по шабрам, трижды всем кланяется да прощения за обиды просит. А русский человек, известно, не злопамятен, да и день сегодня такой, что не простить нельзя - прощенное воскресенье.

Ну, собрался народ у Тита, пирует, хозяев славят да благодарит за хмелье и угощение. А Тит снова встает, снова кланяется, да защиты от разбойников-молодцев просит. И порешили тогда всем миром наказать грабителей, чтоб другим неповадно было.

Наступил день расплаты. Тит положил хлеб на стол и ударил по нему ложкой. И тут подлетают к подворью три тройки, одна другой краше: первая упряжка гнедая, вторая - караковая, а третья - в яблоках. Пляшут тройки, копытами землю роют, из ноздрей пламя пышет, того и гляди улетят сейчас! Выходят из саней двенадцать бравых молодцев, да все как один: волос в волос, голос в голос. В двери уже не стучатся, а отворяют их пинками. Заходят в дом и хором грозно кричат:

- Здравово, хозяин! А вот и мы, за заработком пришли.

А Тит с женой и детишками за столом сидит, чай гоняет и ухом не ведет, буд-59

то не слышит. Переглянулись молодцы - что это с хозяином - уж не оглох ли, и снова кричат:

- Пришла пора расплачиваться, хозяин, а не то... - и вытаскивают топоры острые.

- Ну, расплачиваться, так расплачиваться, - отвечает Тит. - Не тяжела крышато, ребята? Небось, притомились.

- Нет, не притомились, - с улыбками отвечают молодцы. - У нас силы еще много, надолго хватит.

- Ну-ну. И сколько же вы хотите за свою работу? - спрашивает Тит.

- Три тысячи! - хором отвечают разбойники.

- А не дороговато ли? - рядится Тит. - В прошлый раз вы всего две тысячи просили.

- Три тысячи! - опять кричат двенадцать молодцев.

Один из них вышел вперед - видно, старшой - и говорит:

- Сам знаешь, хозяин, деньги обесцениваются не по дням, а по часам, а жить хорошо хочется. Так что гони, а не то...

- Ну что ж, - соглашается Тит, - сколько просили, столько и получайте, с процентами.

- Эй! - кричит Тит, - мужики, а ну, отсчитайте им три тысячи деревянных, да смотрите, не обсчитайте.

Тут выскакивают изо всех углов мужики с дубинками и давай обхаживать непростых гостей. А Тит посмеивается и считает:

- Один, два, три, четыре, пять...

Взмолились двенадцать молодцев:

- Убавь, хозяин, уж больно цена крута!

- Ну зачем же себя обесценивать, по работе и плата, - отвечает Тит. - Да и не привык я отступать: договор дороже денег.

Так мужики и отсчитали разбойникам три тысячи. Разбежались они кто куда и тройки свои побросали. Народ Масленицу провожал, на этих тройках ребяташек и девок катал да и сам тешился.

С тех пор Тит своих односельчан не обижает, кто идет к нему за помощью с поклоном, с поклоном и помогает. А мужики при встрече с усмешкой напоминают:

- Что, Тит, не расплатиться ли нам еще с кем-нибудь, говорят, в соседней деревне еще двенадцать молодцев объявилось!

ОТВАЖНЫЙ ЖАВОРОНОК

Наступила весна. Веселое, жаркое солнце растопило последние снега, трава выпустила первые робкие зеленые ростки, а с юга потянулись колонии и стаи птиц, заселяя пустовавшие всю зиму гнезда.

Самыми шумными и беспокойными новоселами оказались, как всегда, грачи, которые находили свои прошлогодние жилища и устраивали такой грай, что вся округа глхла от их несмолкаемого крика. Не отставали от них и скворцы. Многие гнезда оказались занятыми сороками, воронами, галками и воробьями. Грачи и скворцы выгоняли нахалов с большими скандалами и яростными драками, да такими жестоки-

ми, что повсюду летели пух и перья. Наконец, выпроводив самозванцев, чернецы успокоились и начали очищать гнезда от мусора и благоустраивать их для высиживания птенцов.

Ястребы-перепелятники возвращались в свои постоянные гнездилища на скалах и вершинах высоких деревьев, которые напоминали скорее не гнезда, а огромные вязанки хвороста. Они знали, что их жилища никто не посмеет занять. Гроза птиц и мелких зверей, воздушные волки не боялись никого. Подолгу паря в воздухе, они охраняли свои владения, наводя здесь ужас и смирение.

Суетливые, вездесущие стрижи облагораживали и обживали на склонах обрывов свои норки. Они выкидывали из них кусочки неоттаявшего льда и снега, рыли новые норки с запасными выходами, чтобы в случае опасности можно было спастись от своих постоянных и непримиримых врагов - хорьков.

Маленький жаворонок со своей спутницей долго искали прошлогоднее гнездо, но так и не смогли его найти. Та небольшая опушка у леса, где в прошлом году они построили свое уютное гнездышко и высиживали своих птенцов, оказалась перепаханной.

- Ну и пусть, - безразлично махнула крылышком жаворониха, - проживем как-нибудь. Еще не успели вывести птенцов.

- Да, да, да, - поддержал ее жаворонок, - еще успеем. Давай попоем, давай полетаем! Сегодня такая прекрасная погода.

Они вспорхнули и, взвывая в голубое бездонное небо, запели свою первую весеннюю песню. В ней слышалось журчанье ручья, звон веселой капли и легкий шепот весеннего степного ветра. От этого завораживающего пения вся округа словно замерла, наслаждаясь прекрасными, чарующими трелями.

Прошло несколько дней. Однажды подруга сказала жаворонку:

- Послушай, дорогой, пение - это прекрасно, но уже пора подумать о домике, где мы будем высиживать своих птенцов. Не пришло ли время спуститься нам на землю? Скоро крестьяне закончат свои работы, и мы можем без боязни выбрать подходящее место для гнездышка.

- Да, да, да, - ответил жаворонок, - уже пора, уже пора. Делу время, а пению час.

Они долго искали место для нового пристанища и, наконец, приглядели раковый кустик на берегу прозрачного озера, где было вдоволь корма и воды. Они сплели каркас из прошлогодней травы, облепили его грязью, утеплили пухом и перьями и стали дожидаться потомства. Пока самка сидела в гнезде, откладывая и высиживая яйца, жаворонок приносил ей в клюве еду и питье и веселил свою подружку пением.

Как-то он устал и присел на ветку дуба, росшего на краю опушки. Ниже сидели грач, ворона и сорока и о чем-то оживленно беседовали. Грач, увидев жаворонка, искоса взглянул на него и насмешливо воскликнул:

- Смотрите, кто к нам пожаловал, сам господин солист степного театра!

Сорока и ворона замахали крыльями и захохотали. Жаворонок хотел улететь, чтобы не слушать насмешек и оскорблений, но потом раздумал и с достоинством спросил:

- И кто же дал мне такое почетное звание?

Птицы враз примолкли, а ворона, помявшись, ответила:

- Ну, тебя все так зовут.

- Разве в этом есть что-то плохое? - снова спросил жаворонок.

- Не знаю. Но целыми днями виться над полями, над степью и выводить свои дурацкие рулады, это, знаете ли... Ну, не очень прилично.

- Что же в этом неприличного? - удивился жаворонок. - Разве наше пение кому-то мешает? Ведь если вы каркаете или стрекочите, к вам никто не предъявляет претензий.

- Это так, - подхватила сорока. - Но в то же время от вашего пения нет никакой пользы. Так, один шум. Вот, например, господин грач подбирает на пашне и в лесу червей, жучков, гусениц и других вредителей, мы с вороной клюем зерна, разную падаль и остатки пищи, оставленные человеком. А ты! Постоянно свистеть и ничего не делать полезного, когда другие трудятся в поте лица - это безнравственно.

- Но что плохого в том, что все слушают прекрасное пение! - воскликнул жаворонок. - Жизнь становится радостнее и светлее, когда поет соловей или канарейка! Может быть, дело в другом: не каждый в этой жизни может видеть прекрасное.

- Ну не знаю, - ответила ворона, - возможно, для тебя это безобразное треньканье что-то и значит, но для других! .. Ты извини.

Распалаясь от спора, жаворонок ответил:

- Вы, вы не понимаете! Пение спасает от уныния, от одиночества, оно очищает ваши души от ржавчины повседневности и делает нашу жизнь веселей, дружнее, богаче. Если хотите, пение спасает жизнь!

- Жизнь?! - удивленно затрещала сорока. - Уж не хочешь ли ты сказать, что если на вас кто-то нападет, то пение спасет жизнь?!

Все трое захохотали так, что чуть не свалились с ветки.

- Да, именно так, - гордо ответил жаворонок.

- Ха-ха-ха, значит, - с издевкой сквозь смех говорил грач, - если на твою семью нападет ястреб, то ты своим мужественным пением спасешь жизнь близких?

- Да! - еще тверже ответил жаворонок, выпятив грудь. И тут же испугался своих слов. Но гордость и уверенность в своей правоте уже не позволяли ему пойти на попятный, он еще больше выпятил свою маленькую серую грудку и добавил. - Именно так вы меня и поняли - наше пение дает не только радость, но и защиту от злейших врагов!

Ворона, грач и сорока с недоумением посмотрели друг на друга, мол, ну что еще можно ждать от такого хвастуна, снялись с ветки и улетели. А жаворонок еще долго обдумывал свои слова и, взвесив все «за» и «против», пришел к выводу, что сделал правильно: пусть знают, что даже у самой маленькой птички есть гордость и достоинство.

А на следующий день к их гнезду стали прилетать пеночки, иволги, ремезы, камышовки и сообщать о том, что якобы сорока подкаким-то благовидным предлогом нанесла визит ястребу и сказала, что будто бы жаворонок грозился с ним сразиться.

- Но это же неправда! - возмущался жаворонок. - Об этом и речи не было. Я говорил, что...

Но птицы спешили улететь, не дослушав его оправданий и с опаской поглядывали на небо. Жаворониха, сидя в гнезде, сначала молчала, а потом не вытерпела и осторожно укорила его:

- Не надо было, дорогой, вмешиваться в дела больших птиц. Ты же знаешь, как они бывают несправедливы к нам, мелким птицам. Ведь у них своя жизнь, а у нас - своя.

Жаворонок вздохнул и виновато ответил:

- Да, милая, возможно, ты и права. Но я ни сном ни духом не собирался драться с ястребом. Это все чьи-то козни! Может быть, нам сменить гнездовье? - с надеждой спросил он. Но жаворониха, подняв свою прелестную головку, со вздохом отчаяния ответила:

- Ты, наверно, прав, дорогой, но увы, уже поздно о чем-то рассуждать - он ищет нас.

И верно. Взглянув на небо, жаворонок увидел парящее в вышине крестооб-

разное тело. Ястреб то опускался, то набирал высоту, кого-то выискивая. И в том, что он искал именно их, сомнений не было. Жаворониха в страхе затрепетала и хотела покинуть гнездо, но жаворонок твердо сказал:

- Не волнуйся, дорогая, тебе не о чем беспокоиться. Высиживай наших прекрасных птенцов, а я скоро вернусь.

Чтобы ястреб их не заметил, жаворонок улетел как можно дальше от гнезда и взмыл ввышину. Чтобы привлечь внимание своего врага, он запел песню. Она, слабая и завораживающая, полноводьем залила всю окрестность. Песня поднималась все выше и выше, как бы отрешаясь от всего низкого и земного. И как ни мал был этот порхающий, поющий в небе комочек, ястреб зорким взглядом отыскал его в необъятной небесной синеве и издал торжествующий клекот. Сложив могучие крылья, он стрелой полетел к своей жертве. Казалось, спасения нет! Но жаворонок стремительно спустился к земле и еще яростнее и отчаяннее запел. Чтобы не разбиться о землю, тяжелому ястребу в самый последний момент пришлось раскрыть крылья. Он опять набрал высоту и стал выискивать свою жертву.

Так продолжалось несколько раз: жаворонок припадал к земле, а неповоротливый ястреб, зловеще клекоча в бессильной ярости, снова упускал, казалось, такую близкую добычу.

Наконец, наступил момент, когда уставший от неравной борьбы жаворонок почувствовал, что враг вот-вот сразит его своим кинжальным клювом. Он стал набирать высоту, пытаясь найти спасение в бескрайнем небе. И чем выше взвивался жаворонок, тем победнее и торжественнее звучала его свободная песня. Ястреб поднимался вслед за птихой, не спуская с нее кровожадного взгляда.

Вот и облака остались внизу. С огромной высоты они казались легкими пушинками, выпавшими из оперения птенца. Серый хищник почти достиг жертву, и вдруг удушье сжало его горло. Он несколько раз вдохнул, пытаясь найти в разреженном пространстве хоть каплю живительного воздуха, но, задохнувшись камнем полетел вниз.

А в его ушах все еще звучала прекрасная песня врага, она все еще манила его туда, вверх, в небо, за жертвой, за кровью...

Жаворонок тоже был мертв. Певец и хищник лежали рядом на молодой зеленой траве, а вокруг собирались птицы, населяющие эти места, и рассуждали о том, как могло случиться, что мелкая пташка погубила грозного хищника. И только мудрый столетний ворон смог ответить за всех:

- Видно, отважная душа вложена в это маленькое тельце. Так свободная и гордая птаха становится сильнее самого страшного и сильного врага.

СЕРДЕЧНАЯ ТРАВА

СКАЗАНИЕ О КУПЧЕСКОМ СЫНЕ ЯРОСЛАВЕ ВОЕВОДИЧЕ И БЕДНОЙ КРАСАВИЦЕ ЛЮБАВЕ.

Звенит медноголосыми колоколами, шумит ярмарками, гудит весельем господин Великий Новгород - православный народ вольного города прославляет Рождество Христа Спасителя. После долгого заговенья и постных молитв народ жирует, веселится, радуется по-русски широко на всю ивановскую. Повсюду смех да потеха: парни катаются на санях с крутых горок, прижимая к себе невест да молодичи; до самого синего неба взлетают расписные качели, а мужчины на льду реки ведут кулачную ратву - себе в радость, другим на потеху; на широкой площади идет битва за снежную крепость. Стайки ребятишек бегают от дома к дому с рождественской звездой на шесте и поют колядки, возносят славу Христу и собирают дары от щедрых хозяев. Народ постарше после вносных молитв толпится у церквей, раздавая милостыни нищим, сирым и убогим.

Купцы да лабазники открыли свои лавки и разложили на прилавках свои това-63

ры. Недешево отдают, знают, что ради святого праздника народ не поскупится. А на широких прилавках чего только нет: тут тебе и парча заморская, и пряники печатные, и шелка китайские, и шали кисейные, и пряности индийские, и жемчуга раскатные, и угощения со всего света. Бери! - не хочу, а мощной побренчу! А меж купцов довольный и самоважный похаживает сам Афанасий Никитин - знатный купец. Все только к нему:

- Здравия желаем, Афанасий Никитич. С Рождеством вас, Афанасий Никитич! Добро пожаловать к нам, Афанасий Никитич.

Афанасий не успевает благодарить, только поклоны отвешивает. Ныне Афанасий Никитин самый изветсный в Великом Новгороде да и по всей Руси человек, ведь ходил он за три моря да семь земель, бывал во многих диких странах, где круглый год стоит лето, где растут неизвестные тут, на севере, растения и плоды, и живут цветные люди. Привез Афанасий из тех дальних стран столько богатств, что их на весь волыный город хватило бы. Да он и не жадуется: кому за бесценок отстать, а кого и так одарит.

Вокруг веселье, смех, гомон, радость, шутки да прибаутки. Лишь один молодец ходит с наволочью на лице, будто черная туча заслонила яркое солнышко. То купецкий сын Ярослав Воеводич думы свои горькие обдумывает. Не в радость ему ни бои потешные, ни сладости заморские, ни вино хмельное. А виной всему красавица Любава, дочь бедного кузнеца, который жил с больной женой и единственной дочерью в окраинной мастеровой слободе в полуразвалившейся курной избе. И уж так сильно полюбил Любаву Ярослав, что белый свет без нее не мил, не стало сердцу молодцекому покоя, а мыслям - простора. Условились было сыграть свадьбу широкую, а тут беда: у отца Ярослава потонули торговые корабли, и он вконец разорился. Какая уж тут свадьба, самому хоть с протянутой рукой иди, не то что невесту к венцу вести. Недаром в народе говорят: бедность не порок, да сердечным делам пригуба. Оттого и стынет сердце молодцеком, туманятся очи ясные, виснут плечи саженные у Ярослава Воеводича. Другие дивятся - и чего присох такой парень к нищенке. Сам-то молодец хоть куда: высок, смолочудр, одет в парчовое платье, золотом расшитое, на ногах сапоги кожи яловой, не только отцом богат, но и сам до дел тороват. Уж какие лебедушки на него заглядывались да с ним игрались - выбирай любую, а ему кроме Любавы никто не нужен.

После святочных гуляний собрались у Ярослава отца сотоварищи, а с ними и сам Афанасий Никитин. Сидят за столом, под хмельную чарочку свои торговые дела обсуждают, похваляются друг перед дружкой своими прибылями, разумеют, как бы еще богаче стать. Сам хозяин Воеводич, не гляди, что все свои барыши потерял, тоже куражится, в гулкую грудь стучит, похвывается:

- Погодите, други-сотоварищи, лет через пяток я снова на ноги встану, корабли новые построю, снова буду за товарами ходить. Вот тогда посмотрим, кто со мною вровень встанет!

Лишь Ярослав в стороне сидит, глаза об землю точит, свои горькие думы ворочает. Подошел к нему Афанасий, хлопнул по плечу.

- Что, небось маятнопять лет-то ждать, ведь к тому времени и невеста состоится. А ты, милоч, не жди чужой судьбы, свою в рог заворачивай, так-то оно быстрее да сподобнее будет.

- Я бы с радостью, - отвечает Ярослав, - да только как и на какие шиши?

- А ты их посвищи, - шутит Афанасий. - Эх, неук ты! Гореваньем горю не поможешь. Хватит тебе за батюшкиной спиной отсиживаться, пора и самому дорожку торить. Вон какой вымахал пень - артелью не срубить, - хлопнул Афанасий по его богатырскому плечу. - Бывал я смолоду в таких краях, где за один день на всю жизнь набогатеть можно, да еще и детям останется. Лето там круглый год, растет все, как на хмелю. Растения и пряности там дикие, о которых мы и слыхом не слыхивали. Яхонту, изумруду, рубину да жемчугу там столько, что им даже дети как в камушки играют. А обменять их можно на безделушки, кои нам не в редкость.

Вздохнул Афанасий.

- Кабы не годы, еще раз сходил бы в те края неведанные.

- А каков и как далек тот путь? - загорелся Ярослав Воеводич. - Небось и живу-то не дойти.

- Ну, по проторенной тропке идти всегда легче, - Афанасий обнял юношу и зашептал на ухо. - А идти надо на остров Цейлон, через Шемаханское и Персиянское царства, через прекрасную страну Индию, через горы высокие, через пески живые, через моря великие, против коих наше Ильмень-море будто лужица. Люди там все черны и наги ходят, даже сором не прикрыт. А уж оттуда морем-окианом надо на остров Цейлон плыть. Эх, не пришлось мне там побывать! Говорят, есть посреди острова огромная гора по прозванию Черный Глаз, в которой родятся разные камни драгоценные, и там их видимо-невидимо, будто галечника в нашей реке.

- Эх, вот бы мне куда! - мечтательно вздохнул Ярослав.

- Вздох - не Бог, сам не будь плох, - ответил Афанасий. - На перво время я тебе помогу, так и быть. Знаю, сердцу молодецкому не только надежда, но и опора нужна.

Сказано-делано. К весне снарядил Ярослав Воеводич лады расписные да крепкие, собрал дружину охотную и приготовился в далекий путь. А перед тем пришел к своей ненаглядной Любавушке, прижал ее крепко к груди широкой и сказал:

- Собрался я, ясь моя, в дали заморские за славой да за богатством. Как только возвратюсь, так и свадьбу сыграем, да такую, что затрясется от плясок и веселья вся земля Великоновгородская и выплеснется из берегов наше Ильмень-море.

А Любава не посмотрится в ясны очи жениха своего, заливается горячими слезами и говорит:

- Ох, тяжело у меня на душе, сокол мой ясный, чует мое сердечко, что не увидимся мы с тобой на этом свете. Зачем нам эти богатства несметные, когда любовь наша дороже всех земных богатств, зачем нам веселье всесветное, когда нам и вдвоем хорошо? Справили бы мы свадебку скромную да жили бы как все люди, в мире да спокойствии, растили бы своих детушек, себе в радость, старикам на забаву.

- Да что ж я замуж такой буду, - закричал Воеводич, - если не сумею семью содержать! Ты уж погоди немножко, Любавушка, вот возвратюсь с богатством, и будешь ты у меня ходить царицею, в шелках да в бархате. Не воль меня слезами горячими, дай отпуск сердцу молодецкому, чтоб не страдало оно в краях неведомых.

- Ох, тягостно мне, любый мой, отпускать тебя в края неведомые, не знаемые, ведь чужая сторонushка немила, будто злая мачеха - ни ласки от нее, ни привету, - тяжело вздохнула Любава. - Но коли ты решился, пусть будет твоя дорога ровной скатертью, ветер всегда попутным, а любовь моя незабудной останется.

И подала Любава жениху своему нареченному полотенце льняное, узорами расшитое, колечко медное, родным батюшкой кованное, платочек шелковый с горячих девичьих плеч да одолень-траву с озера новгородского.

- Как придет беда, - говорит Любава, - брось перед собой мой подарочек, прижми к своему сердцу одолень-траву и скажи: «Одолень-трава, помоги одолеть пути трудные, силу грозную - великую, тропы неторные, горы горящие, пески зыбучие, тоску-кручину по дружку сердечному да по земле родимой» - и вмиг все сбудется.

Попрощался Ярослав со своей Любушкой, с родными и отправился в путь-дорогу. А дорога, как известно, не дрога, ее не повернешь, не попопукаешь, ее саму тянуть надо. И чего только не вынес Ярослав Воеводич со своими товарищами: и нужу, и стужу, тут порог, там ворог. Наконец добрались до Шемаханского царства. Пришел Ярослав со своей свитой к царю шемаханскому, низко в пояс кланялся, сладкие речи говорил:

- Доброго здоровья и благополучия тебе, царь. Пришел я из далекой земли северной с добром и поклоном. Прими от нас скромные подарки да позволь пройти нашей дружинишке через море Шемаханское.

Царь в длинном голубом халате, расшитом золотом, в высокой лисьей шапке принял подарки, пригласил гостей к дастархану да грустно так отвечает:

- За добрые слова спасибо, дорогие гости. Мне моря не жалко, всем кораблям места хватит. Да только который год подстерегает нас беда страшная. Появилась в нашем море великая Осетр-рыба, воды морские пучит, корабли хвостом разбивает, рыбаков заживо глотает. Сколько лет уж не едим мы рыбы, не приходят к нам из дальних стран торговые караваны, нет покоя всему моему народу.

- Ну, этому горю помочь, что в ступе зерно истолочь, - отвечает Ярослав Воеводич.

Вот садится он с дружиной на корабли и направляется в царство Персиянское. День плывут, второй плывут, а на третий день вдруг вспучилось море, заходило волнами стоячими, и из черной бездны всплыла огромная Осетр-рыба, сама с гору, хвостик с домик. Увидала Осетр-рыба корабли Ярославовы, разинула свою пасть и поплыла вдогонку. Гребцы изо всех сил стараются, паруса ветром натянуты, а Осетр-рыба все равно догоняет. Вот-вот проглотит корабли вместе со всей дружиной. Видит Ярослав, что дело плохо, вытащил полотенце заветное, прижал к груди одолень-траву и закричал:

- Одолень-трава, помоги одолеть пути трудные, силу грозную-великую, тропы неторные, горы горящие, пески зыбучие, тоску-кручину по дружку сердечному да по земле родимой!

И в тот же миг встали на пути морского чудовища две великие горы, застряла между ними Осетр-рыба и рассыпалась на множество маленьких рыбок, и поплыли они по всему морю Шемаханскому в Волгу-матушку и другие реки. В тот же миг успокоилось бурное море, стихла буря, и выглянуло из-за туч красное солнышко.

Когда дошли до берега, нанял Ярослав Воеводич караван из малых лошадок, которых местные жители называли ослиами, запаса пивем и едой; чтобы ладны не разорили оставил здесь четвертую часть своей дружинишки храброй, а сам дальше пошел. Места на Кавказе диких: кругом леса богатые, речки быстрые, луга тучные, много живности и пернатости, вокруг горы небо подпирают, а на них шапки снежные нахлобучены, днем здесь палево несусветное, а ночью холодно, как на Руси весной.

На третий день пути встали перед караваном две горы горящие, вершины их огнем адским горят, по склонам текут горячие черные реки. Горы те то сходятся, то расходятся, вот-вот раздавят-пожгут дружину Ярославову. Нет пути ни взад, ни вперед! Тогда достал Ярослав Воеводич медное колечко, отцом невинным кованное, прижал к сердцу одолень-траву и закричал:

- Одолень-трава, помоги одолеть пути трудные, силу грозную-великую, тропы неторные, горы горящие, пески зыбучие, тоску-кручину по дружку сердечному да по земле родимой!

В тот же миг успокоились горы ходячие, погас огонь на их маковках, застыли реки текущие. Прошла дружинишка через крутые горы, а на третий день вошла в град каменный. Ходят здесь люди в белых одеждах, ездят на конях горбатых, которых местные жители верблюдами называют. А места вокруг города безводные - каждая капля на вес золота, на улицах варно от солнца, парилце лихое. Люди все больше желты и черны лицом.

Собрал здесь Ярослав Воеводич караван из верблюдов, загрузил его водой да едой и дальше отправился. А кругом, сколько хватает глаз, пески зыбучие и барханы наносные, и движутся эти барханы, словно волны по морю.

Так неделю идут, вторую идут, а пески словно бы только начались. Вот уж и вода кончается, и припасы еды истощаются, люди мрут от безводицы, а воды взять неоткуда. К концу третьей недели явился путешественникам город сказоч-

ный: с домами каменными, с мечетями высокими, с зелеными тенистыми лесами и пастбищами, с реками синими. Казалось, только руку протяни и до города дотянешься. Что есть духу скачут путешественники к чудо-городу, радуются, что наконец-то закончились пустынные тяготы. А город будто и не приближился. Измучилась вся дружинишка, на песок все упали замертво. Вот упало за горизонт раскрасенное солнце, и вмиг исчез сказочный город. Только тут понял Ярослав Воеводич, что это был не город, а видение обманное, и заплакал горючими слезами. Вспомнил он родной Великий Новгород, свою ненаглядную невесту, старых родителей и горько пожалел, что не послушался свою Любавушку и не остался дома. С тем и заснул.

Скоро у путешественников закончилась и еда, а сколько предстояло впереди пути - неведомо. На следующий день поднялась песчаная буря, валила с ног людей и верблюдов, вот-вот занесет песками зыбучими и похоронит заживо. Вынул тогда Ярослав платок заветный, прижал к сердцу одолене-траву и закричал:

- Одолене-трава, помоги одолеть пути трудные, силу грозную-великую, тропы неторные, горы горящие, пески зыбучие, тоску-кручину по дружку сердечному да по земле родимой!

И в тот же миг улеглась песчаная буря, а перед глазами путешественников засверкали купола града сказочного, зазеленели рощи тенистые, засверкали озера голубые.

Вот вошли усталые путники в неведомый град. Утолили жажду, поели и легли спать. А наутро пошли город осматривать. Как и сказывал Афанасий Никитин, жили здесь черные люди, ходили они все наги и босы, а волосы заплетали в одну косичку. Правил ими басурмáнский царь-султан. Из своих золотых дворцов выезжает султан с великой свитой на диковинных огромных животных, у которых хвосты висят спереди. И называют индийцы этих тварей диковинных слонами. Еще в этой стране месяцами льют проливные дожди, по улицам свободно ходят животные, и никто их не трогает, потому что жители ничего этого не едят: ни баранины, ни яловины, ни курятины, ни свинины, ни рыбы.

Много диковинного увидели путешественники в Индии, про время совсем забыли, потому что нет здесь ни зимы, ни лета, год от года ничем не отличается. Лишь через год спохватился Ярослав Воеводич, насколько нанял корабль и поплыл к заветному острову, о котором Афанасий сказывал. Долго добивались дружинники новгородские до желанного острова, через бури и штормы, через голодание и безветрицу, и добрались-таки.

На Цейлоне люди совсем черные, словно головешки из костра, живут они среди непроходимых густых лесов, питаются растениями, а в лесах тех звери невиданные живут. На середине острова стоит великан-гора по прозвищу Черный Глаз, и рождаются в ней разные камни драгоценные: и алмазы, и рубины, и яхонт, и жемчуга раскатные.

Набрал Ярослав Воеводич со своей дружиной столько камней, сколько унести смогли.

Долго ли, коротко ли, вернулся Ярослав домой, в Новгород Великий: через царство Индийское, через пески персидские, через море Шамаханское, через Волгу-матушку. Лишь только на землю родную ступил, побежал он к невесте своей ненаглядной, Любавушке.

И что же он видит! На месте кузнеца дома лишь холодный ветер гуляет да дикая трава колыхается. Дома родители рассказали Ярославу, что тем же летом кузнец с женой померли, а невестушка его, свет-Любава, не вынесла разлуки с любимым и умерла от сердечной тоски.

Узнав об этом, Ярослав пришел на то место дикое, где жила его любимая, пал на колени, зарыдал горькими слезами и превратился в высокое стройное растение с пушистыми листьями. Привезенные из далекой страны драгоценности упали на его верхушку и превратились в розовые цветы. А утром, когда восходит солнце, на листьях его драгоценностями сверкают капли росы. С тех пор люди называют это растение пустырником и пользуют его от всех сердечных болезней.

Антология одной публикации в «Черемшане»

Ирина Сергеева (Ситкина)

Родилась, училась и работает в Димитровграде. Закончила Димитровградский технический колледж. Учится в Тольяттинском техническом университете. Контролер ОТК на ДА-АЗе. Литературное пристрастие ее - лирические и социальные миниатюры.

Сегодня у Ирины Сергеевой дебют в «Черемшане».

ОРБИТА

У каждого тела, имеющего массу, в нашем Мироздании есть орбиты. На них иногда выводятся спутники. И тогда эта орбита становится по-научному - гелиостационарной.

Постоянной иначе. По отношению к Солнцу. Со своими координатами, своей заянтостью...

Вышел Онна мою орбиту и сигналил: прошу стыковки!

А я ему:

- Погодные условия - ноль. Космодром не принимает. И вообще - стартуй отсюда до какой-нибудь Венеры безрукой...

Вот вам и нештатная ситуация в нашем космосе. И ни один орбитальный комплекс не спасет тогда...

Бит ваш ор бесполезный.

Надо же, ор-бита.

Как карта поганая.

БАЗАР

Его много или мало?

Это, когда шумно или тихо?

Здесь - продают или покупают?

А теперь за «базар» еще принято нести ответственность при разборках...

И кому такой базар нужен?

И колготится народ на площадях: то ли митинг, то ли выборы, то ли базар там, не сразу и поймешь.

Но чем бы не прикрывали его, в какие модные политические платья ни рядили - базар - он и есть базар!

А за базар рано или поздно ответить придется.

Радуюсь, что не мне...

ИСТИНА

А кому-то ведь она очень необходима...

Спрашиваю в очереди:

- Кто последний за истиной?

Отвечают:

- Да не последний, а крайний!

И правда, истина-то достается всем: и первому в очереди, и последнему.

Уж так она скроена - сложена.

Уж так мы все задуманы - устроены.

Без нее и дня прожить не можем.

Подайте ее - и все тут!

Аждемся настоящей, экологически чистой истины - и прячемся от нее в свою скорлупку...

ОСКОРБЛЕНИЕ

Оскорбили Мастера. Словом. Злым. Неправедным.

Он-то думал, что знает все слова на свете. Думал, что через его сердце и душу проходят все неправды жизни, все боли. Что он закален этим. Учит других не отчаиваться.

Ан нет. Плохо Мастеру. Слова все - и горькие и сладкие - в груди застряли. Язык не поворачивается. Губы их не пропускают наружу.

Лекари понаехали. Поперхнувшегося словом жалеют.

А помочь не могут - нечем застрявшее извлечь, речь расточить, вызволить...

Оскорбили Мастера слова. Словом. Те, кто от рождения скудоумен и косноязычен. Но... такое исторгнул! И весь мир от этого карканья оглох.

Лишился Мастера. Знаний. Пользы. Радости.

Берегите добрые слова. А особенно тех, кто их изобретает.

Без них в мире будут царствовать Хам и Нелюдь.

Жаль...

СТРАХ

Он разный бывает. Вздрогнет ребенок от стука открываемой двери и - радостно закукает - мама вошла!

Увидит старушка в окне образину инопланетную - екнет изношенное сердечко - не станет бабушки...

Страх большой и страх маленький. Один больше песа, больше слона, объемней «Титаника». Другой - блошки меньше. Но это ничего не меняет, когда жуть и отчаянье в душе человека вспыхивают, гасят его сознание. И только уверенность в себе и смелость одолеть страхи - помогают нам пройти весь путь, отмеренный нам в Мирозданье.

Смелость - она всегда одна и та же. Как я. Или вы. И она сильнее самого ужасного ужаса. Наше Спасение. Наш Бог. Которому молитву творим. А против слова Божьего никакой Страх не устоит.

О КРАСОТЕ

Красота всегда проста. Она всегда рядом с человеком.

Нужно только ее увидеть.

И сорняки-одуваники, и изнеженная садовниками и селекционерами орхидея - одинаково красивы.

Каждый в свой момент.

Момент созвучия с чувствами, настроением, думами человека.

Одетый в звериную шкуру первобытный предок наш, не умеющий еще обрабатывать землю, не добывший железа - кремневым ножом сделал из мосла бизона дудочку. Извлек из нее нежно-щмяющие звуки, создал мелодию.

Откопали костяную флейту археологи. И кто-то из них, разобравшись в этом инструменте, так же заиграл свою мелодию.

Вокруг был видоизмененный за миллионы лет мир. Не летали в небе птеродактили, заливался жаворонок в высоте.

Лилась песня. Сливались времена. Ибо красота вечна. Она всегда рядом с нами. Она в нас. Может быть, на генетическом уровне. Может, в душе, ощущающей ее.

ГЕНЕРАЛЫ

Почему в срок службы Отечеству засчитывают только ратную работу армии и ее солдат?

Ведь понятие «мать солдата» можно считать званием, приравненным к воинскому...

У матери солдата особая служба Отечеству: ждать, поддерживать ребенка письмами, советами, посылками.

В армии маму заменяют старшины - им по штату положено заботиться о солдате.

Хотя... Мама - это и семейный и общечеловеческий генерал!

На маминых плечах лежат все невзгоды жизненные, и свой дом, и наша планета, мир и ласка.

Даже когда генералы спят тревожным недолгим сном, отдыхая от команд и сражений, мама солдата не спит - думает о своем ребенке. О всех детях. Пусть и солдатах... и генералах...

Алевтина ЗАЙЦЕВА

Закончила географический факультет Башкирского госуниверситета, но работать в школе ей пришлось недолго из-за частых переездов по месту службы мужа-офицера. Освоила профессию библиотекаря. С 1982 года живет и работает в Димитровграде, где ее родовые корни. До 1994 года Алевтина Николаевна работала главным хранителем в музее ДААЗа. Профессиональный лектор.

Поэт в ансамбле классической музыки «Лада». А вот стихи начала писать внезапно в 1997 году. Печаталась в «Автостроителе», участница творческих встреч с читателями в заводском музее и городском поэтическом клубе «Эхо». Сегодня первая публикация в «Черемшане».

ПЕСНЯ ЖИЗНИ

Чем живу сегодня я,
Не застыла ли в пути,
Словно мерзлая земля?
Время быстрое летит...

Сколько утекло воды
И отсчитано минут!
В них оставили следы
Шалость детства, зрелый труд.

И осознано сейчас,
Что возврата нет назад.
Но душа, как в юный час,
Не спешит ни в рай, ни в ад.

Я все та же, лишь седа
Да немного устаю.
Если в жилах не вода -
Песню жизни я пою.

ДУЭТ

Берсеновой Н.И.

Две женщины преклонных лет,
В дуэт сливаясь голосами,
Мелодию запели на сонет,
Помолодевши вдруг глазами.

Их музыка несла под облака,
Их музыка возвышенно пронзала.
Рождались звуки нот издалика -
Струей лились под своды зала.

Растаяли седины на висках,
В морщинках не было печали...
Прекрасное рождалось в их устах,
Так голоса и музыка звучали...

ЗАРЯ

Если надо, откажусь от рая,
Лишь бы знать, что за любовь мою,
будет внучек жить, не забывая
Друга - бабушку свою.

Для него я крепостью бываю
И на зов немедленно лечу.
Без остатка сердце отдавая,
Участы другой я не хочу.

Поднимаюсь снова по ступенькам,
Проживая с внуком день за днем.
Думаю с надеждою частенько,
Что судьбу не омрачит дождем...

Для души - он самый яркий лучик,
Жизнь моя сейчас идет не зря.
Лучший в мире, ненаглядный внучек,
Ты - моя взошедшая заря.

Александр ЛАЙКОВ

Родился в Астраханской области в поселке Икряное. Профессиональный журналист. Работал во многих редакциях газет Ульяновска. Сейчас - сотрудник областного пресс-центра. Автор нескольких поэтичек книг. Член Союза писателей России.

Александр - частый гость в Димитровграде, неизменный участник творческих литературных встреч, совещаний и семинаров, проходящих в нашем городе. Сегодня мы впервые представляем его нашим читателям на страницах журнала.

Не затменья ль на души находят,
Много рушим, ворую и пьем,
Не холопская ль кровь колобродит
В обнищавшем народе моем?
Сколько их - иноверцев и татей -
Русых девушек гнали в полон?
Ярославны душою и статью
Нам светили с рублевских икон.
Так неужто не выдать рабства
Из великих славянских кровей?
И проглотит бесследно пространство
Перезвон древнерусских церквей?
Кто мы?
Варвары или манкурты,
Потерявшие память и род?
Расхристосили храм златокудрый...
До Кремля вот доходит черед!
Как аркан захлестнуло на горле, -
Я кричу и глотаю слова:
- Русь, Россия!
Мне страшно и горько,
Что нерусскою стала Москва.
Кто же пртив, чтоб в граде Престольном,
Жил «всяк сущий на свете язык»?
Но вернуть бы тот звон колокольный
И столицы утраченный лик.
Дни затменья?
Иль смутное время?
Блуд. Глумление. Наветы. Раздор...
Кто там целится в русское темя?
Кто на Русь поднимает топор?
Не смешать нас с полынью и пеплом,
Разоренную землю, края...
Возродится из «пламя и света»
Молодая Россия моя!

Геннадий ГЕНЕРАЛЕНКО ЗАКРЫТИЕ МИРА

Кто помнит, где находится Сиам?

Как он теперь называется?

Берег Слоновой Кости.

Родезия.

Формоза.

Бельгийское Конго.

Мир, открытый голландцами, португальцами,
испанцами, русскими, закрылся.

Стояние в посольстве за визой.

Республика Уральский Татарстан.

- Ваше имя...

- Степан Тимофеевич Ермак.

- В визе отказано без объяснения причин.

Испания. Посольство Мексиканской Республики.

- Фернан Энрико Кортес.

- В визе отказано без объяснения причин.

Они любили Испанию.*

Ермаку - Донцы.**

Бронзовый Рузвельт сидит в инвалидной коляске.

У его ног маленький скотч-терьер.

Последний великий памятник Санкт-Петербурга

«Чижик-пыжик на Фонтанке».

Бронзовая птичка размером с кулак.

Чижик-пыжик, где ты был?

На Фонтанке водку пил.

P.S. Правительство Австралии извиняется перед аборигенами за открытие и колони-
зацию континента.

* Надпись на памятнике погибшим в гражданской войне в Испании.

** Надпись на памятнике Ермаку в Новочеркасске.

Виктор СЫСУЕВ

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

(из И.Гёте)

(перевод с немецкого)

Кто мчится так поздно сквозь ночь и туман?

Отец - верховой, с ним сын - мальчуган.

Ребенок замерз, ребенок дрожит,

Отец его греет и к дому спешит.

«Мой сын, ты дрожишь и пугаешься зря».

«Отец мой, я вижу лесного царя,

С хвостом и короной он как великан».

«Мой сын, это просто клубится туман».

«Ты милый ребенок, идем же со мной,

Все время я буду играть с тобой,

Цветами покрыты мои луга,

И мать разодета в парчу, жемчуга».

*«Отец мой, отец мой, не слышишь ли ты,
Мне царь обещает богатства, цветы».
«Мой сын, успокойся, забудь же про страх,
То ветер листвою шелестит на кустах».
«Пойдем же, мой милый, в лесную купель,
Там дочь ожидает тебя и постель,
Дочь будет с тобой в хороводе играть,
Баюкать, укачивать, нежно ласкать».
«Отец, посмотри: на возвышенном месте
Красуется царская дочка невестой».
«Мой сын, мой сын, что случилось с тобой?
То ветлы седые стоят над рекой».
«Фигура твоя мне нравится милый,
Со мной быть не хочешь - возьму тебя силой».
«Отец, погоняй же скорее коня!
Он держит за горло, он душит меня!»
Отец торопливо в испуге спешит,
Ребенок напуган, он громко кричит,
Когда же до дома доехал отец,
В руках его был ребенок-мертвец.*

ОСЕЛ С ДИПЛОМОМ

(Басня в прозе)

В одном СПК председатель Лошадь ушла на пенсию.

Возраст, болезни, изнасилаась на руководящей работе, стало ей не под силу тащить воз. Вот все и собрались, чтобы выбрать нового руководителя.

Бык заявил отвод выдвинутой кандидатуре Медведя.

- В соседнем СПК он купил контрольный пакет акций, все распродал, а деньги перевел в доллары и положил в швейцарский банк. Такой председатель будет на Гавайских островах с длинноногими молодками загорать, а я бесплатно рогом упираться? Нет, так не пойдет.

Встала Коза.

- Хочу предложить общему собранию кандидатуру Волка, он такой корректный, волнительный. Ну а что касается его романа с Красной Шапочкой, то все чистые сплетни.

- Да знаем мы такого корректного, ведь это алкаш, не просыхает, пропьет весь СПК. Давайте Лису выберем, - послышалось из зала.

Слово взял Заяц.

- Сейчас у нас демократия, поэтому хватит, трястись не буду, выскажу открыто свое мнение. Лиса не подходит, потому что она нетрадиционной сексуальной ориентации. Что хорошего, если разные лисицы около нее в правлении будут околачиваться, а никакой работы не будет. Я предлагаю выбрать Осла, он не просто Осел, а с дипломом, как-никак окончил академию. Не пьет, не курит, да и с Ослицей живет дружно.

И все проголосовали за Осла.

Был я как-то в этом СПК. Дела идут плохо, надои и привесы падают, поголовье сокращается, поля заросли. А Осел по-прежнему правит, как ни в чем не бывало. Отсюда и мораль: прежде чем выбрать, надо подумать.

МОСТ

Жили да были звери. Жить бы им и не тужить, да вот незадача: посреди леса протекала речка. Весной она выходила из берегов, и зверям приходилось туго, все дела у них стопорились. Прямо беда - ни в гости сходить, ни в магазин, на работу вовремя не попадешь. Совсем плохо стало, когда, как назло, развалился старый мост, а паромщик Бобр ушел на пенсию. Собрались братья лесные на совет, чтобы решить, как строить мост. Естественно пришли к мысли - нужны стройматериалы для его постройки. Собрание постановило: надо кого-то в столицу посылать, чтобы пробить вопрос. Решили послать Медведя. Ведь Михаил Иванович где кулаком стукнет, где матом выругается, не упустит возможность взятку сунуть, чем дело и уладит. Уехал Медведь в столицу. Прошло две недели, он возвращается не солоно хлебавши. Брюхо у него опало, а голос стал хриплым.

- Я и так, и эдак, и кулаком стучал, и матом ругался, и в ресторан водил, и взятку совал - все напрасно. Фондов нет.

Посоветовались опять звери и решили послать Лису. Она где задом вильнет, где хвостом махнет, смотришь, чего косолапый не добился, она добьется. Уехала Лиса и вернулась из столицы через две недели. Тоже с пустыми лапами - шуба ошипана, хвост опущен, словом, видок у нее был обшарпанный.

- Я и так и эдак, - стала жаловаться она, - и задом виляла, и хвостом махала - все напрасно, фондов нет.

Опять собралось высокое собрание, что делать? И тут Осел добровольцем попросился в столицу. Звери сначала не соглашались, а потом дали «добро».

Отбыл Осел в командировку. Через три дня пришел эшелон с лесом, через другие три дня - еще один. А следом и Осел явился, довольный.

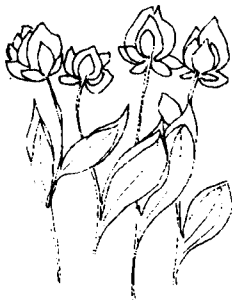
- Зашел я в столице в главк, - похвастался он, - походил по коридорам, почитал фамилии на кабинетах. Елки-палки, что ни фамилия - то родня, то однофамилец, то однофамилец, то родня. Спрашивают меня, лес, что ли, нужен? Тут же наряд оформили. Повел я их вечером в ресторан, чтобы sprysнуть сделку, угостил их коньяком, шампанским, они меня и спрашивают: а как вы будете строить мост - вдоль реки или поперек? Я сказал, что вдоль. Они говорят, тогда эшелона мало, надо послать еще один.

Таким образом стройматериалы для моста добыли. А стройка все равно на мертвой точке. То проектный институт, которым руководит Ишак, не может составить проектно-сметную документацию, ведь по проекту мост строится вдоль речки, то бригада наемных рабочих - Слон, Лошадь и Бык - голодовку объявляют. Время трудное - перестройка, переходный период, зарплату не платят по погоде, вот они и бастуют.

У всякой басни есть мораль, а вот к этой автор придумать не смог.

У этой басни нет морали,

Ее давно перемарали.

Дмитрий СМОЛЬНИКОВ

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Драма в 3-х действиях, 4 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Толстой Лев Николаевич - граф, писатель,

Софья Андреевна - его жена,

Лев Львович,

Александра Львовна,

Татьяна Львовна - их дети.

Сухотин Михаил Сергеевич - помещик, муж Татьяны Львовны.

Маковицкий Душан Петрович - словак, врач семьи Толстых.

Гусев Николай Николаевич - секретарь Л.Н. Толстого.

Булгаков Валентин Федорович - секретарь Л.Н. Толстого.

Чертков Владимир Григорьевич - издатель.

Бирюков Павел Иванович - издатель.

Долгорукий Павел Дмитриевич - князь, председатель Московского общества грамотности.

Шанкс Мария Яковлевна - английская художница, последовательница учения Л.Н. Толстого.

Короленко Владимир Галактионович - писатель.

Лопатин Николай Петрович - журналист.

Грибовский Вячеслав Михайлович - юрист, профессор кафедры права.

Хорда Тацуку - японец, философ.

Трояновский Борис Сергеевич - известный музыкант.

Печорин - корреспондент из Петербурга.

Рабочий-революционер, исправник Крапивинского уезда, становой пристав, студенты, прохожие, слуги.

Действие первое

Картина первая

Действие происходит в Ясной Поляне. Летнее солнечное утро. Зеленая поляна перед домом Толстых. Клумбы с цветами. Александра Львовна поливает из лейки цветы. Из-за кустов появляется Короленко. Александра Львовна прекращает работу, идет навстречу незнакомому ей человеку.

Короленко: Здравствуйте, милая барышня.

Александра Львовна: Здравствуйте. Вы, вероятно, к Льву Николаевичу?

Короленко: Вы не ошиблись. Я Короленко.

Александра Львовна: А я Александра Львовна, его дочь. Мы ждали вашу телеграмму, а вы заявили неожиданно. Мы не смогли даже встретить вас. Как вы до нас добрались?

Короленко: Для меня эта прогулка сущие пустяки. Я вот этими ногами всю Русь измерил. так что пусть это вас не беспокоит, уважаемая Александра Львовна.

Александра Львовна: Папа ждет вашего приезда. Сейчас он на прогулке с одним из своих близких. Скоро должен вернуться.

(Из дома выходит Софья Андреевна и подходит к ним.)

Александра Львовна *(к матери)*: Маман, сегодня у нас важный гость - Владимир Галактионович Короленко. *(к Короленко)*: А это наша мама и хозяйка этого дома Софья Андреевна.

Короленко *(кланяется)*: Рад вас видеть, Софья Андреевна.

Софья Андреевна: Гостям мы всегда рады. Но вам, Владимир Галактионович, особенно. Будьте у нас как дома. Может, отдохнете с дороги?

Короленко: Благодарю вас, Софья Андреевна. Я побуду пока здесь. Как ваше драгоценное здоровье?

Софья Андреевна: Спасибо, пока не жалуюсь.

Короленко: Вот и прекрасно. А Лев Николаевич?

Софья Андреевна: Стареется, бодрится. Но годы берут свое. И недругов у него много. Все это отнимает у него уйму сил.

Короленко: Об этом и я слышан. Особенно травил его обер-прокурор. Я не ошибаюсь?

Софья Андреевна: Этот вообще стоял на пути Льва Николаевича как столб. Даже я не смогла его урезонить.

Короленко: Вы имеете в виду покойного Победоносцева?

Софья Андреевна: Да, я о нем говорю. Лев Николаевич был намерен издать полное собрание своих сочинений. Цензура несколько лет морочила ему голову, не давала разрешения. Тогда я отважилась, поехала к самому Победоносцеву, рассчитывала, что женщине он не откажет.

Короленко: С вашей стороны это был действительно достойный поступок. И каков же был результат?

Софья Андреевна: Никакие мои доводы убедить его не смогли. Знаете, что он мне сказал?

Короленко: Любопытно услышать.

Софья Андреевна: Я, говорит, графиня, в вашем муже ума не вижу. Ум - гармония. А у него одни углы.

Короленко: Оригинально.

Софья Андреевна: Я так оскорбилась за своего мужа, что тоже была вынуждена ответить ему в его же духе. Позвольте, говорю ему, Константин Петрович, напомните вам изречение Шопенгауэра: «Ум - фонарь, который человек несет перед собой, а гений - это солнце, освещающее всю вселенную».

Короленко: И это не помогло?

Софья Андреевна: Такого разве можно было убедить. Это же была холодная скала а не человек.

Короленко: Очень прискорбно. Зато сколько в них песни!

(К ним подходят Лев Николаевич и Лопатин.)

Софья Андреевна: А вот и они.

Лев Николаевич: Здравствуйте, Владимир Галактионович. Очень рад видеть вас в наших краях.

Короленко: Я за тем и приехал, чтобы утолить свою жажду встречи с гордостью России, дорогой Лев Николаевич. Как ваше драгоценное здоровье?

Лев Николаевич: Хвалиться особенно не чем. Но я не ропщу. Готов ко всему. Но пока, как видите, жив. Вроде и здоров. Хотя, как пишет мне один мой корреспондент, меня уже давно на том свете с фонарями ищут.

Короленко: Надо думать, с его стороны это была не более чем шутка.

Лев Николаевич: Я это так и воспринял. Незлобивую народную шутку я люблю. Получаю, конечно, послания и посерьезнее, а подчас и злобные. Да что об этом. Мы вот с этим молодым человеком (указывает на Лопатина) после прогулки заходили в сад. Яблоки начали поспевать (достает из кармана своей блузы яблоки и кладет на стоящий рядом столик). Угощайтесь, Владимир Галактионович, особенно вот эти, мои самые любимые.

Короленко: Спасибо (берет яблоко, откусывает). Аромат отменный. Таков же и вкус.

Лев Николаевич: Кстати, знакомьтесь, Владимир Галактионович (указывает на Лопатина). Это мой молодой друг, единомышленник, Николай Петрович Лопатин, журналист. Недавно вернулся из мест не столь отдаленных. Был присужден к трем месяцам отсидки за публикацию моей статьи о смертной казни.

Короленко: И как же вы, уважаемый Николай Петрович, определились на будущее? На новую отсидку согласны? Положение журналиста вас обязывает.

Лопатин (смеясь): Я себе место там застолбил. Ведь я теперь меченый, в особом почете.

Короленко: А если серьезно?

Лопатин: Можете мне верить, Владимир Галактионович, только за одну возможность побывать в этом доме можно согласиться даже на большее. Люди идут в эту сокровищницу духовной силы вереницей, и каждый уносит с собой частицу этой силы. И все это хотят задушить.

Короленко: От этих живодеров другого не дождешься. Сажать людей, а то и казнить - их главное занятие. Другому они не обучены.

Лев Николаевич: Не считите за лесть, дорогой Владимир Галактионович, но я безмерно рад тому, что и в этом вопросе вы наш единомышленник. Читал вашу статью о недопустимости смертной казни. Статья выше всяких похвал. Не нахожу слов, чтобы выразить вам мою благодарность за эту статью. Ее надо перепечатать, распространить в миллионах экземпляров.

Короленко: Это благодаря вашему письму, Лев Николаевич.

Лев Николаевич: По статье чувствуется, что вы много повидали.

Короленко: Я много исходил по Руси и насмотрелся на этот произвол. Это какой-то ужас.

Лев Николаевич: Время действительно ужасное. Репрессии кошмаром навалились со всех сторон. Нельзя говорить, тем более писать. Правительство в невероятном страхе, словно перед бурей. Запрещается любое мало-мальски свободное слово.

Короленко: Им достаточно одного вашего имени, дорогой Лев Николаевич, чтобы наложить запрет.

Софья Андреевна: Они давно подбираются к Льву Николаевичу, готовы на все, даже объявить сумасшедшим, лишь бы избавиться от него.

Короленко: Лев Николаевич, видимо, основательно насолил им.

Лев Николаевич: Больше всего меня поражает в них этокое тупоумие. Они же прекрасно знают, что пекусь я не о себе. У меня болит душа за Россию, за ее народ.

Короленко: В этом вся наша трагедия. Те, кто печется только о себе, у них в особой чести. Такие давно состоят при почетных должностях и хорошем пенсионе. На Россию же и ее народ им наплевать. Вас же они к тому же и боятся. Ваше слово для этих господ страшнее пули.

Лев Николаевич: И все же я не понимаю, почему не дадут свободы печати? Было бы больше доверия к печати, а революционная пресса, высказываясь свободно, договорилась бы до таких крайностей, что многие благоразумные люди отвернулись бы от нее.

Софья Андреевна: На это они никогда не пойдут.

Короленко: Они прекрасно понимают, что запретный плод всегда сладок, даже если этот плод - отравя.

Лев Николаевич: Цензура удерживает слово и людей в нужных границах. Им важно прожить один день. А там хоть потоп.

Короленко: Так оно и есть, Лев Николаевич.

Софья Андреевна: У вас еще будет время поговорить. Владимир Галактионович, Николай Петрович, милости просим к нашему столу.

Короленко: У вас тут так прекрасно. Не сравнишь ни с какими хоромами.

Лев Николаевич: Но почему вы пришли пешком, не известили нас о дне приезда? Мы послали бы за вами.

Короленко: Не беспокойтесь об этом, Лев Николаевич. Я люблю пешую ходьбу. Она меня укрепляет. В молодые годы я мог отшагать за сутки до ста верст.

Лев Николаевич: В былые годы я тоже много ходил. Трираза прошел от Москвы до Ясной Поляны. И сейчас люблю пешие прогулки.

Короленко: Вам надо беречь себя, Лев Николаевич.

Лев Николаевич: Пешие прогулки и здоровее и более нравственны. Бывает, из-за погоды или плохого самочувствия сажусь на лошадь, а сзади еще кучер. Можете представить мое самочувствие? Я еду баринном, а на меня смотрят оборванные нищие или крестьяне, те, кто в поте лица добывает свой хлеб. Мне особенно стыдно в таких случаях.

Софья Андреевна: Тебе ли говорить об этом? Ты и косил, и пахал, и другую работу исполнял. Да и сейчас большей частью без слуг обходишься. Какой же ты барин, если последнюю полушку отдаешь людям?

Лев Николаевич: Так должен поступать каждый.

Софья Андреевна: Не дожدهшься. Это один ты только выдумал такой образ жизни. А ходишь в чем? Мужичья блуза да сапоги собственной работы - вот и все твоё одеяние. Да тебя от простого мужика не отличишь.

Лев Николаевич: То мне и в радость, на душе спокойнее. А все равно совесть не чиста, мы пока баре, господа.

Короленко: Полно вам, Лев Николаевич, вы и без того от многого отказались. Вам не в чем себя упрекнуть.

Софья Андреевна: Хватит вам об этом. Стол уже накрыт. Прошу всех к чаю. (Появляются двое прохожих, низко кланяются Льву Николаевичу).

Прохожие: Желаем здравствовать, Лев Николаевич. Доброго здоровья всем.

Лев Николаевич: Здравствуйте, люди добрые. Куда путь держите?

1-й прохожий: К тебе, Лев Николаевич, за милостью идем. Мы вот с напарником в уезде были, правду искать ходили. Теперь домой идем, по пути к тебе вознамерились завернуть. Не откажи, Лев Николаевич, выдели нам сколько ни твоих книжек.

Лев Николаевич: Значит, за книжками?

2-й прохожий: За книжками, Лев Николаевич. Мужики наказывали, чтоб без книжек не вертались.

Лев Николаевич: Какие у вас строгие мужики. А какую правду вы искали?

1-й прохожий: По земельному делу. Оттяпали у нас сосед. Более двадцати десятин. Земля добрая, то и жалко.

Лев Николаевич: Как это оттяпали?

1-й прохожий: Нашли какие-то старые бумаги и оттяпали. Да ежели бы в общину пошла. А то купец отхватил.

Лев Николаевич: Купец тоже из соседнего села?

2-й прохожий: Прежде в нем проживал, апосля в Тулу перебрался.

Лев Николаевич: А земля ваша?

1-й прохожий: Наша, Лев Николаевич, исконная, вот те крест *(крестится)*.

Лев Николаевич: И что же, нашли правду?

2-й прохожий: Какая там правда? Одна кривда кругом живет. А правду и днем с огнем не отыщешь. Какая уж там правда.

1-й прохожий: У нас, Лев Николаевич, мощна супротив купеческой больно тоща. Где нам с ним за правду тягаться?

Лев Николаевич: Так, значит, и оттяпали?

1-й прохожий: Выходит, что оттяпали. так ты уважь нас, Лев Николаевич, не откажи в книжках.

(Пока шел этот разговор с прохожими, Александра Львовна принесла стопку книжек, подала их отцу).

Лев Николаевич *(берет книжки, на одной из них что-то пишет, подает прохожим со словами)*: Вот вам книжки. Читайте. Если вы уверены, что земля ваша, советую обратиться в окружной суд, в Тулу. Там у меня хороший знакомый, адвокат. Он вам поможет. Покажете ему вот эту книжку.

1-й прохожий: А фамилия ему как?

Лев Николаевич: Его фамилия Гольденблат. Я ее вот тут написал. Поняли? Скажите ему, что от меня пришли.

1-й прохожий: Как не понять, все поняли. Благодарствуем тебя, Лев Николаевич. И за книжки большое спасибо.

Лев Николаевич: У вас найдутся грамотные? Есть кому читать?

2-й прохожий: Да почитай, все на твоих книжках натерели. Ежели который не разумеет, мальцы читают.

Лев Николаевич: Будет путь, заходите.

1-й прохожий: Премного тебе благодарны, Лев Николаевич.

2-й прохожий: Здоровья тебе, Лев Николаевич и долгих лет жизни.

Лев Николаевич: Спасибо. А вам доброго пути.

(Прохожие уходят).

Короленко: Поразительно, Лев Николаевич, какое у вас большое и доброе сердце.

Лев Николаевич: Я по-другому не могу.

Софья Андреевна: А теперь прошу всех к столу.

(Появляются исправник и становой).

Исправник: Кто здесь господин граф Лев Николаевич Толстой?

Лев Николаевич *(подходит к нему)*: Толстой перед вами. Кто вы и что вам от меня нужно?

Исправник: Я исправник Крапивенского уезда. Скажите, господин граф, в вашем имении проживает некий Гусев Николай Николаевич?

Лев Николаевич: Живет он на хуторе в Телятинках, а служит у меня здесь.

Исправник: Он сейчас на службе?

Лев Николаевич: Он должен быть здесь в доме. Но по какому поводу он вам понадобился? Человек он тихий, мирный. Службу несет исправно.

Исправник: Не нам с вами судить об этом. Я прошу послать за ним.
Лев Николаевич (к дочери): Саша, пошли за Николаем Николаевичем.
Александра Львовна: Я сама схожу (уходит в дом и вскоре возвращается с Гусевым).

Гусев: Кто меня звал?

Исправник: Вы господин Гусев?

Гусев: Да, а в чем дело?

Исправник: Вы арестованы.

Гусев: Я арестован? Но помилуйте, за что?

Исправник: Вот ознакомьтесь. Вы арестованы по постановлению министра внутренних дел за распространение недозволённых к обращению литературных произведений.

Лев Николаевич: Здесь какая-то ошибка, господин исправник. Если кого-то и нужно арестовывать, так это меня. Гусев ни в чем не виноват. Он всего лишь мой служащий. Как секретарь он писал ответы на письма под мою диктовку, а обращавшимся ко мне людям по религиозным вопросам высылал мои книжки, причём книжки общеизвестные. Скажите, в чем его вина?

Исправник: Пока речь идет о господине Гусеве. (К Гусеву). Вы ознакомьтесь? Извольте следовать с нами.

Гусев: Я прошу вас заехать в Телятинки к моему месту жительства, чтобы я мог взять с собой самое необходимое.

Исправник: Заедем.

Лев Николаевич: Это какое-то недоразумение, господин исправник, если не сказать, произвол. Арестовывают невиновного.

Исправник: Вы можете ходатайствовать, господин граф, перед министром. Но я не могу изменить его постановление. Я всего лишь исполняю его.

Лев Николаевич: Что же это такое творится? (К Гусеву): У меня нет слов для возмущения. Но я пока ничего не могу поделать, Николай Николаевич. Мы вас так не оставим. Постараемся помочь, чем сможем.

Гусев: Спасибо вам, Лев Николаевич, за добрые слова, за все. Спасибо всем и прощайте.

Софья Андреевна: Пишите нам, Николай Николаевич. Мы должны знать, где вы находитесь. Простите и прощайте и вы.

Гусев: Прощайте, прощайте. (Поочередно прощается со всеми. Лев Николаевич его обнимает, мужчины жмут ему руку. Он кланяется женщинам. Исправник, становой и Гусев уходят).

Лев Николаевич (обращается к Короленко и Лопатину): А ведь мы только что говорили об этом произволе. Но доколе все это будет продолжаться?

Картина вторая.

Кабинет Л.Н. Толстого. Александра Львовна раскладывает на столе бумаги, про себя мурлычет мотив какой-то песни.

Маковицкий (входит): Александра Львовна, вы не подскажете, где сейчас Лев Николаевич?

Александра Львовна: Лев Николаевич ушел в деревню. Сказал, что ему нужно к какому-то мужику.

Маковицкий: Передайте ему, пожалуйста, что я срочно еду к больному.

Александра Львовна: А это далеко?

Маковицкий: Как я понял, верст за двадцать.

Александра Львовна: Хорошо, я передам. Но перед такой дорогой хоть закусите как следует.

Маковицкий: Спасибо, пока не хочу. Я же с вами вместе за столом сидел.

Александра Львовна: С чашки чаю вы долго не продержитесь.

Маковицкий: Меня это вполне устраивает, Александра Львовна.

Александра Львовна: Хоть в дорогу с собой что-либо возьмите. Подождите меня минутку, я прикажу приготовить.

Маковицкий: Александра Львовна, вы всегда так обо мне печетесь, мне даже неудобно. Ходите за мной как за ребенком.

Александра Львовна: Душан Петрович, вы самый близкий наш друг. Ходите за всеми нами, печите всех. Позвольте и мне хоть немного услужить вам. *(Направляется к выходу, в дверях встречается с Булгаковым).*

Булгаков: Здравствуйте. Льва Николаевича нет? Не скажете, где он?

Александра Львовна: Лев Николаевич сказал, что ушел в деревню. Он вам срочно нужен?

Булгаков: Хотел посоветоваться с ним по некоторым письмам.

Александра Львовна: Подождите его, он скоро должен вернуться.

(Александра Львовна и Маковицкий уходят. Входит Лев Николаевич).

Лев Николаевич: Здравствуйте, Валентин Федорович.

Булгаков: Доброго здоровья, Лев Николаевич.

Лев Николаевич: Был сейчас в деревне. Заходил к бабке-знахарке. Меня поразила в ней глупость и высшей степени самоуверенность. Свидание с ней лишний раз убедило меня в том, что любой успех достигается глупостью и наглостью.

Булгаков: А как в таком случае объяснить ваш успех, Лев Николаевич?

Лев Николаевич: О каком успехе говорите? Это не больше, чем недоразумение. Как-то я получил письмо от одной дамы - жены благочинного. Она так расклепала меня, что от меня одни клочья остались. Думала, что я то и то, а я, оказывается, ни то и ни то!

Булгаков: Стоит ли обращать внимание на такие письма, Лев Николаевич?

Лев Николаевич: К слову вспомнил. Да бог с ней, с этой женщиной. Ваши как дела, осваиваетесь на новом месте?

Булгаков: Стараюсь, Лев Николаевич, надеюсь быть вам полезным.

Лев Николаевич: Я несказанно рад вашему приезду и вашему согласию работать со мной, Валентин Федорович. После ареста Гусева я остался буквально как без рук. В какой-то мере выручала дочь Саша с подругой, но все равно это не то. Что же касается вас, я чувствую, что внутреннее основание у нас с вами одно и то же, что мы стоим на одной почве. Так что я всецело рассчитываю на вас.

Булгаков: Я рад услышать это от вас, Лев Николаевич. А что с Гусевым, где он сейчас?

Лев Николаевич: Николай Николаевич сослан на поселение в Пермскую губернию на целых два года за распространение недозволенных книг, то есть сочинений вашего покорного слуги.

Булгаков: И он действительно распространял недозволенные книги?

Лев Николаевич: Сам я в запрещенных издательствах никаких книг не печатал. Все мои книги прошли цензуру и получили разрешение печататься. Разве какие статьи.

Булгаков: А в чем же тогда его вина?

Лев Николаевич: Это не его, а моя вина. Все или почти все мои сочинения находятся под негласным запретом. И сам-то я, возможно, поставлен вне закона. Вы в курсе истории с моим отлучением от церкви? Я действительно в разладе и с государством, и с его покровительницей - православной церковью.

Булгаков: Представляю ваше положение, Лев Николаевич.

Лев Николаевич: Но если бы только это. Решив работать со мной, вы вольно или невольно будете посвящены и в мою семейную жизнь. А здесь нисколько не лучше.

Булгаков: Лев Николаевич, я буду стараться не позволять себе такого любопытства.

Лев Николаевич: Тут дело другого порядка. Вы так или иначе будете свидетелем определенных сцен. Больше того, вас будут стараться втянуть в какие-либо интриги. Поэтому вы должны быть полностью в курсе наших взаимоотношений.

Булгаков: Неужели это так серьезно?

Лев Николаевич: К сожалению, это так. А дело вот в чем. Я давно пришел к мысли, что единственное спасение мое и всякого человека в жизни в том, чтобы жить не для себя, а для других. Это одно из моих главных убеждений. А как живет наше барское сословие? Все живут только для себя. И построена эта жизнь на гордости, жестокости, насилии и зле. Семья знает о моих убеждениях. Но все усилия к изменению образа жизни ни к чему не приводят. Хуже того, дурные стороны нашей жизни еще больше усиливаются. От этого мучительно больно. От этого и разлад в семье.

Булгаков: Лев Николаевич, это же непостижимо. Я искренне вам сочувствую.

Лев Николаевич: Вы должны также знать, что почти два десятка лет назад я отказался решительно от всего, что имел. Все наследство, включая дома, право на землю, отдал во владение семье. Я отдал им также право на все свои сочинения, написанные до восьмидесяти первого года. От прав же на последующие работы я отказался вообще. Словом, поступил так, как будто уже умер. Получаю некоторые суммы только за представление своих пьес в императорских театрах. Это весь мой доход. Другого у меня ничего нет.

Булгаков: Значит, вы полностью свободны?

Лев Николаевич: Не совсем так. У меня есть некоторые соображения и по земле. Землю я хотел бы отдать крестьянам, хотя не представляю, как к этому подступиться. Ее надо бы выкупить у членов моей семьи и раздать бесплатно крестьянам. Но у меня нет таких средств. *(Пауза)*. Как же все-таки трудно избавиться от этой пакостной и грешной собственности! Не все решено и с моими сочинениями. Софья Андреевна и двое моих сыновей - Андрей и Михаил хотят получить на мои сочинения право собственности.

Булгаков: Они вас об этом просили?

Лев Николаевич: Были разговоры и не раз. Жене моей такое право ни к чему. Она обеспечена всем необходимым до конца дней своих. В ее фактическом и юридическом владении вся Ясная Поляна с землей и всей недвижимостью. Что же касается сыновей, то я не хочу, чтобы они беззаботно паразитировали на моих сочинениях. Такие вот дела, Валентин Федорович. Теперь вы знаете о графе и писателе Толстом все или почти все. Что будет дальше - не знаю. Будем работать вместе.

Булгаков: Лев Николаевич, среди ваших домашних и вашего окружения есть же и порядочные люди?

Лев Николаевич: Бесспорно. Вы с ними сами постепенно познакомитесь и разберетесь в них. Софья Андреевна всех моих сторонников и последователей, иначе говоря, толстовцев называет темными. Вот вам первый ориентир.

Булгаков: А остальных она как именует?

Лев Николаевич: Естественно, светлыми.

(Входит Софья Андреевна и с нею трое молодых людей).

Софья Андреевна: Лев Николаевич, вот эти трое молодых людей - студенты из Москвы. Говорят, они твои старые знакомые. Ты можешь их принять?

Лев Николаевич: Старым знакомым как откажешь? Проходите, садитесь.

(Студенты проходят, здороваются, садятся. Остается и Софья Андреевна.)

Лев Николаевич *(всматривается в лица)*: Я, кажется, припоминаю, вы из университета, были у меня года два назад. Верно?

Голоса: Верно, Лев Николаевич, правильно.

Лев Николаевич: И что же за эти два года у вас изменилось? Повзрослели - это понятно, поумнели - тоже правильно. А что еще?

1-й студент: А еще, уважаемый Лев Николаевич, мы начали изучать ваше учение и пытаемся жить по нему.

Лев Николаевич: И каковы успехи?

2-й студент: Не все так просто, Лев Николаевич, как казалось тогда, при разговоре с вами.

Лев Николаевич: Легко объяснимо. Молодость, окружение, всякие соблазны. Жить как все гораздо проще. Не надо думать. И пальцем на тебя никто не покажет.

3-й студент: К этому, Лев Николаевич, надо добавить, почти все мы живем в семьях, и наши домашние не очень хотят нас понимать.

Лев Николаевич: Они смотрят на вас как на чудаков. Так ведь?

3-й студент: Вроде того.

Лев Николаевич: Вас всего трое единомышленников?

1-й студент: Если быть точными, то из сидящих перед вами только двое. Третий наш товарищ (*показывает на него*) пока не определился. Что же касается Москвы, то есть еще ребята и немало. Мы вроде делегации от всех от них.

Лев Николаевич: Что ж, рад вас видеть и готов помочь. Первое и самое важное - это то, чтобы вы не только согласились с моими убеждениями, но и прониклись ими как своими собственными. Без этого дальше говорить будет не о чем.

2-й студент: Мы уже на этой ступени, Лев Николаевич. Я имею в виду нас двоих.

Лев Николаевич: Это уже чего-то стоит. От вас же, молодой человек (*указывает на 3-го студента*), я хотел бы услышать, что вас смущает?

3-й студент: Я постараюсь, Лев Николаевич.

Лев Николаевич: Второе - это совершенно не обращать внимание на то, что будут говорить про вас люди. Начинать самосовершенствование нужно с малого. Будут у вас и падения. Но упавши раз, подымись, упадешь второй раз - снова подымись. И так дальше. Здесь нужна настойчивость.

2-й студент: А самоанализ нужен? Как учитывать результат?

Лев Николаевич: Здесь ответ неоднозначный. С одной стороны, человек должен контролировать свое поведение, а с другой - не думать о результате.

3-й студент: Как это не думать о результате? В таком случае теряется весь смысл такого поведения.

Лев Николаевич: Надо сосредоточить свое внимание не на результате, а на деле. К этому трудно привыкнуть. Мне это тоже далось непросто. Делай добро и больше ничего. Лишь бы твоё дело никому и ничему не навредило. Этим и живи. А о результате думать не надо. Живи добрыми делами.

1-й студент: А если тебе причиняют вред, как поступать в таком случае?

Лев Николаевич: Человек должен стоять выше всяких обид. Он в любой ситуации должен явить силу своего величия и беззлобно переносить все выпадающие на его долю невзгоды. Я надеюсь, в будущем люди осознают пагубность многих своих устремлений и деяний и будут жить по учению Христа. Наша задача - приближать такое время.

3-й студент: С этим трудно согласиться. Такая установка противоречит здравому смыслу.

София Андреевна: Это не более чем притворство. Тебе причиняют боль, а ты должен терпеть. Этого я никак не пойму.

Лев Николаевич: Непонимание предмета не опровергает его, уважаемые. Мы многого не понимаем и даже просто не знаем. Но это вовсе не говорит о том, что ничего этого нет. К примеру, композитор Чайковский никак не мог по-

нять дифференциального исчисления. Но он был умный человек и сказал: «Или оно глупо, или я глуп».

2-й студент: Лев Николаевич, как вы относитесь к учению Франциска Ассизского?

Лев Николаевич: Я разделяю это учение и стараюсь жить по нему. Но и у меня не все получается так, как того хотелось бы.

3-й студент: Лев Николаевич, вы можете изложить основополагающие принципы своего учения?

Лев Николаевич: Эти принципы положены в основу большинства религий. Я исхожу из того, что все люди равны, надо только обеспечить им равные условия. Второе. Человек должен жить не для себя, а для других. Следующее. Люби Бога и ближнего как самого себя, не отвечай злом на зло. Наконец, в основу своего мировоззрения я положил бы изречение Шопенгауэра о боге и высшем духовном начале в человеке.

Софья Андреевна: Я во многом согласна с Шопенгауэром, но тут он явно переборщил.

3-й студент: Лев Николаевич, опять неувязка, вас отлучили от церкви, а вы призываете любить Бога. Как это понимать?

Лев Николаевич: Так и понимать, как сказано. Меня отлучили от церкви, но от Бога меня никто не может отлучить. Ибо Бог, в моем понимании, это всемирное существо в нас и вне нас. Бог – это любовь.

3-й студент: Лев Николаевич, извините меня, но это же настоящая ересь.

Лев Николаевич: С точки зрения наших попов это ересь, я с вами согласен. За это меня и отлучили от церкви.

1-й студент: Лев Николаевич, поясните, как вы пришли к такой мысли?

Лев Николаевич: Вопрос о Боге, о бессмертии души занимал меня еще с юных лет. Со временем я стал критически относиться ко всяким чудесам, описываемым в Евангелии, к церкви, к Пасхе. В конце концов я пришел к мысли, которую только что изложил.

3-й студент: А поподробнее можете изложить?

Лев Николаевич: Это займет много времени. Я дам вам мои книжки, вы прочтете.

3-й студент: Лев Николаевич, книги священного писания говорят, что Бог – это существо, что его можно видеть. Вы с этим согласны?

Лев Николаевич: Ни в коем случае. Возьмите первое послание Иоанна, которое никогда не приводит духовенство. Там определенно отрицается Бог как личность, потому что его невозможно видеть. И в то же время сказано: «Бог есть любовь».

3-й студент: Но ведь апостол Павел однозначно говорит о воскресении Христа. Как вы рассматриваете его послания?

Лев Николаевич: Если бы не выдумали воскресения Христа, то из него не сделали бы Бога и религии. Главный выдумщик – это Павел. Все существо вопроса в том, что для одних Христос – это человек, для других – богочеловек.

3-й студент: В то же время, одну из книг вы назвали «Воскресение». Налицо явное противоречие.

Лев Николаевич: В этом романе я пытался выразить то, что уже давно занимало меня. Хотел изобразить несколько родов любви: плотскую, возвышенную и любовь еще высшего сорта, облагораживающую человека. В этой последней любви и есть воскресение. Многого в нашей жизни не согласуется с заветами Христа. Поэтому наша жизнь противна истине из Назарета.

1-й студент: В чем вы видите отступление от этой истины?

Лев Николаевич: Почти вся наша жизнь, а особенно жизнь барского сосло-
«Черемшан». 6-7. 2000г.

вия и прислуживающих ему, сплошное извращение этой истины. Дошли до такой мерзости, что в Москве даже мясную лавку открывают с молебствием. Какая уж тут религия?

2-й студент: Чем можно объяснить такое извращение?

Лев Николаевич: Христос был преждевременен. Учение его настолько противоречило установившимся взглядам, что его нужно было извратить, чтобы втиснуть в рамки существовавших тогда понятий.

2-й студент: Лев Николаевич, мы вас не отпустили?

Лев Николаевич: Говорите, я вас слушаю.

2-й студент: Для вас существует женский вопрос?

Лев Николаевич: А для вас?

2-й студент: Да, такой вопрос для меня есть. Многие женщины забывают о своей главной роли как воспитательницы своих детей. И это приводит к большим нравственным потерям общества.

Лев Николаевич: Я с вами целиком согласен. Берегите нравственную чистоту женщин. Она жена и мать одновременно. Как на воспитателе своих детей на ней лежит особая ответственность. В то же время под видом борьбы за равноправие она далеко ушла от заповеданного Христом. Этому способствуют и мужчины.

1-й студент: А какой вам видится женщина в идеале?

Лев Николаевич: Я понимаю женщину-христианку строгою, исполненной христианской любви к ближнему, строго относящейся к своим обязанностям. Только такая и свободна. В первое время христианства женщина носила платье широкое, скрывающее ее формы. Наши же женщины и барышни, собираясь на обеды и балы, не одеваются, а раздеваются. Я перед смертью выложу все о женщине, что у нее на душе.

1-й студент: Лев Николаевич, вы ни слова не сказали о любви между мужчиной и женщиной.

Лев Николаевич: Если есть духовная жизнь, то любовь представляется падением. Начинается чувство бессознательно, потом возможно подхлестывание разными поэтами, изображающими любовь как какое-то высокое чувство. Да когда старик Тютчев, у которого песок сыплется, влюбляется и описывает это в стихах, то это только отвратительно. Это как был у меня недавно посетитель, говорил о Боге, о религии, а я вижу, что ему водки выпить хочется.

Софья Андреевна: Ты так говоришь, потому что сам не испытал настоящей любви.

Лев Николаевич: Тебе ли об этом говорить?

1-й студент: Лев Николаевич, каким вам видится самый большой грех?

Лев Николаевич: Полагаю, может проститься пьянство, прелюбодеяние, даже убийство. Но нет большего греха, чем прелюбодеяние словом.

2-й студент: Лев Николаевич, над чем вы сейчас работаете?

Лев Николаевич: Задумок у меня много, лет на триста, хотя жить осталось совсем мало. Решил обстоятельно переработать книгу под названием «Детский круг чтения», которым, кажется, заканчиваю свой земной путь. С его помощью пытаюсь привить детям понятие о Боге, религии, правде.

2-й студент: Почему вы отдаете предпочтение именно книге для детей?

Лев Николаевич: Из всех вопросов, волнующих людей, самый важный, я бы сказал, мировой вопрос – это воспитание детей, и главное, их религиозное воспитание. Это мое последнее завещание. Больше, кажется, уже ничего не успею написать.

2-й студент: Вы имеете в виду воспитание в духе вашего учения?

Лев Николаевич: Разумеется, в духе истины из Назарета.

1-й студент: Лев Николаевич, что бы вы пожелали нам в напутствие?

Лев Николаевич: В недалеком будущем вы вступите в самостоятельную жизнь. Помните о высших интересах жизни. Не будьте равнодушными к чужой беде. Не думайте о людской славе. Помните, живя только для тела, вы обретаєте одни страдания. Благо достигается жизнью для духа. Но я против аскетизма. Человек должен представлять одну прекрасную гармонию. В поисках истины не забирайтесь в дебри. Ловите себя на недоброжелательстве к другим, на дурных мыслях, тотчас заглушайте их. Делайте только добро. Будьте правдивыми, скромными. Молодые люди тогда хороши, когда они скромны.

1-й студент (встает): Уважаемый Лев Николаевич, от имени всех студентов большое вам спасибо. Доброго вам здоровья и плодотворной работы на благо человечества.

Лев Николаевич: Спасибо за пожелания. Успехов вам. *(К Булгакову)* Валентин Федорович, вы подобрали для них книжки?

Булгаков: Да, Лев Николаевич *(подаст стопку книг)*.

Лев Николаевич *(берет книги и вручает их студентам):* Берите, читайте. Что не понравится - не взыщите. Пишите мне, пишите обо всем. *(Затем идет к шкафу, достает из него несколько книг и подает их третьему студенту со словами)* А это персонально для вас. Читайте. Было бы неплохо, если бы вы написали мне.

3-й студент (принимает книги): Спасибо, Лев Николаевич. Я обязательно вам напишу.

(Студенты еще раз благодарят Льва Николаевича, прощаются и уходят.)

Софья Андреевна (мужу): Ты сегодня очень неприлично говорил о женщинах. Для меня это оскорбительно.

Лев Николаевич: Я говорил о развратниках.

Софья Андреевна: А скольких ты сам развратил? Забыл?

Лев Николаевич: О делах моей молодости ты читала в моих дневниках. Тебе этого недостаточно?

Софья Андреевна: Не занимайся фарисейством. Разве ты не был на балах и не танцевал с полуобнаженными девицами?

Лев Николаевич: Что было, то было. Но должен тебе сказать, у меня всегда было чувство стыда, и вид женщины, например, с оголенной грудью, был для меня отвратителен даже в молодости.

Софья Андреевна: Ты притворщик.

Лев Николаевич: Мы с тобой никогда, видимо, не пойдем друг друга, хотя прожили вместе всю жизнь.

Слуга (входит): Лев Николаевич, вам телеграмма.

(Лев Николаевич берет телеграмму, читает. Слуга уходит.)

Софья Андреевна: Что в ней?

Лев Николаевич: Чертков сообщает, что с него сняли запрет на свободное проживание. Намерен поселиться поближе к Ясной Поляне.

Софья Андреевна: Этого нам еще не хватало! Я не хочу видеть его здесь. Так ему и ответить.

Лев Николаевич: А если мне нужно будет видеть его?

Софья Андреевна: Можешь ездить к нему сам. Но пускай прежде вернет твои дневники. Они должны храниться у меня или во всяком случае в Ясной Поляне. *(Уходит.)*

Лев Николаевич (Булгакову): Вот видите. Сообщите, пожалуйста, Черткову, как только он переедет, я навещу его. К нам пока пускай не ездит.

Булгаков: Я все понял, Лев Николаевич. О каком переезде Черткова идет речь, и что это за история с дневниками?

Лев Николаевич: Если коротко, Чертков всю свою жизнь посвятил изда-

нию моих сочинений. За это даже преследовался властями. Восемь лет жил в изгнании в Англии. По возвращении ему даже не разрешали селиться в Тульской губернии, чтобы удалить от меня. И только теперь этот запрет снят. Чертков хороший человек, хотя по натуре диктатор. Все мои дневники хранятся у него. Я передал их ему на хранение из опасения изъятия на случай обыска, такой обыск у меня уже был. Теперь эти дневники, и не только дневники, делая Софья Андреевна и Чертков. Но никак не могут разделить. Видеть все это для меня тяжело. Я стараюсь не вмешиваться, хотя невольно оказываюсь между ними.

Слуга (входит): Лев Николаевич, к вам посетители.

Лев Николаевич: Валентин Федорович, узнайте, пожалуйста, кто это?

Булгаков: Хорошо, Лев Николаевич. *(Выходит и тут же возвращается).* Лев Николаевич, это нищие.

Лев Николаевич: Дайте им по несколько копеек, да вот по этим письмам из тюрем пошлите моим единомышленникам по пять рублей.

Булгаков (берет деньги, выходит и вскоре возвращается): Лев Николаевич, к вам приехал какой-то рабочий и хочет с вами встретиться.

Лев Николаевич: Пускай заходит.

(Булгаков выходит и возвращается с рабочим.)

Рабочий: Здравствуйте, Лев Николаевич.

Лев Николаевич: Здравствуйте. Садитесь. Я вас слушаю.

Рабочий: Я хотел бы поговорить с вами без свидетелей.

Лев Николаевич: Говорите. Этот человек - мой секретарь. Он должен записывать содержание нашего разговора и нам не помешает.

Рабочий (садится): Я приехал из Сибири, был в ссылке, решил навестить вас, Лев Николаевич. Вас знает не только Россия, но и весь мир. Ваше учение захватило умы миллионов людей. Мы в ссылке тоже читали ваши книги и обсуждали их. Но поверьте, вы во многом заблуждаетесь.

Лев Николаевич: Любопытно. Говорите.

Рабочий: С вами нельзя согласиться, что человеческие отношения можно исправить одной любовью.

Лев Николаевич: Пожалуйста, аргументируйте.

Рабочий: Так могут говорить только люди вашего круга. А что делать нашему брату, вечно голодному и стонущему под игом тиранов? Любить их? Любовью тут ничего не изменишь. Нам остается только одно - борьба со своими угнетателями, чтобы освободиться от такого рабства.

Лев Николаевич: И какой же видится вам эта борьба?

Рабочий: Говорю вам как человеку, которого называют совестью России, мир еще захлебнется в крови. Такие как я не раз будут убивать и резать не только господ, не разбирая мужчин и женщин, но даже и их детишек.

Лев Николаевич: Даже детишек?

Рабочий: Даже детишек. Сорную траву надо вырывать с корнем.

Лев Николаевич: И вам их не жаль?

Рабочий: А наших детишек кто-нибудь пожалел? Это, конечно, произойдет не сегодня. Жалко, что вы Лев Николаевич, не доживете до этого времени, чтобы убедиться воочию в своей ошибке.

Лев Николаевич: Вы из рабочего сословия?

Рабочий: Да из Питера.

Лев Николаевич: Это чувствуется. Вы революционер?

Рабочий: Да, революционер. И от имени своих товарищей призываю вас присоединиться к нам и своим авторитетом помочь разбудить Россию.

Лев Николаевич: Я должен вас огорчить, я не разделяю ваши взгляды на революцию.

Рабочий: Очень прискорбно. И в то же время это так естественно. Вряд ли можно ожидать от вас другого решения. Вы же совсем из другого сословия.

Лев Николаевич: Дело не в этом. Мне тоже противен круг, в котором я нахожусь и который не могу пока покинуть. Иногда мне кажется, что в тюрьме мне было бы легче, чем в этом доме.

Рабочий: А в чем же тогда дело?

Лев Николаевич: Главное в другом. Мир не может держаться на зле. Если бы мир держался на зле, он погиб бы. Вы не хотите видеть в мире хорошего и видите только дурное. Вы берете петербургскую жизнь, жизнь городскую. Сами загнали себя в трущобы и не видите выхода. Но загляните сюда, в деревню, где маленькая девочка знает закон Христа и делится ягодами с другой девочкой. Город — это болезненный нарыв на здоровом теле. А вы, увидев прыщик, решаете, что все тело гнилое.

Рабочий: Однако без революции, без таких реформ, как восьмичасовой рабочий день, права на стачки и многих других, все равно не обойтись.

Лев Николаевич: Реформ хотят лишь несколько десятков тысяч человек. Но это не русский народ. Русский народ состоит из ста двадцати миллионов крестьян, которые совершенно не озабочены вашей революцией и вашими реформами. Огромная масса людей работает, страдает и желает лишь одного, чтобы земля, источник их труда и лишений, не была предметом торга, купли и продажи, чтобы она не принадлежала государству, а была общественной собственностью всех тех, кто на ней трудится. И ни о какой революции русский народ не думает.

Рабочий: Но позвольте, кто отдаст мужику землю без боя, без кровопролития? А кровопролитие — это и есть революция. Так что ваша карта, уважаемый Лев Николаевич, бита.

Лев Николаевич: Категорически с вами не согласен. Насилие вызовет новое насилие. И так будет без конца. Придет время, и люди прозреют, решат все миром.

Рабочий: Жди у моря погоды.

Лев Николаевич: Отчего же? У меня много последователей. Создаются целые коммуны. И не только в России. Живущие в них люди довольны. Конечно, все новое всегда признается с трудом. Слишком велика привязанность к старому, устоявшемуся. Но я уверен, будущее за мирным решением всех, даже самых острых и сложных вопросов.

Рабочий: Вас бы к нам в Сибирь, хоть на недельку.

Лев Николаевич: На промывку мозгов? Уверю вас, не поможет. Даже в Сибири не все думают как вы. Недавно я получил из Сибири большое письмо от заключенного в тюрьму. Оно все проникнуто радостным настроением и каким-то необычным подъемом. И все так себя чувствуют. В четырех стенах, где больше делать ничего не остается, люди не озверели, а напротив, их духовное сознание пробуждается и растет. И представьте, каторжники, матершинники, во вшах, а духовному сознанию их прямо позавидуешь.

Рабочий: Это, конечно, ваша работа?

Лев Николаевич: Я этого не стыжусь. Приходится лишь сожалеть, что эта простая истина дошла далеко не до всех. Скажите, вы в Бога верите?

Рабочий: Верил в детстве. Теперь от Бога отошел.

Лев Николаевич: Это объяснимо. Вы семейный?

Рабочий: Да. Но какое это имеет значение к нашему вопросу?

Лев Николаевич: Самое прямое. Скажите, пожалуйста, вам и вашей молодой супруге на свадьбе высказывалось такое пожелание: совет да любовь?

Рабочий: Как же, без этих пожеланий на Руси не обходится ни одна свадьба. 89

Лев Николаевич: Вот видите. Благополучие даже одной семьи из двух человек люди не мыслят без любви. Люди давно поняли, что творец всего прекрасного на земле – это любовь. Та самая любовь, которую вы отвергаете, творит и самого человека. Мы говорим о маленькой ячейке общества, о семье. В то же время целое общество, а то и все человечество, вы хотите обустроить с помощью резни. Где же логика?

Рабочий: И в семьях бывают революции.

Лев Николаевич: Верно. Но это исключительные случаи. В целом же каждый народ живет спокойно, все трудятся, растут дети.

Рабочий: А войны? Разве это не противоречит вашему утверждению о роли любви?

Лев Николаевич: Войны нужны только зажавшимся. Народу войны не нужны. Но заметьте, все войны кончаются миром. Словно опомнившись, бывшие противники садятся за стол переговоров, мирятся, нередко становятся добрыми друзьями. Верх берет здравый смысл. Это как раз и соответствует моему утверждению.

Рабочий: Ваши суждения, Лев Николаевич, вызывает уважение. Если бы я не жил в тяжелых условиях и не прошел школу ссылки, мне ничего не оставалось бы как разделить ваши взгляды. Но слишком тяжел груз прошлого.

Лев Николаевич: Я понимаю вас. А вы не спешите с ходу отвергать сказанное. Подумайте. Я дам вам некоторые мои книжки, почитайте на досуге, разберитесь хорошенько во всем и тогда уж решайте. Неплохо, если бы вы мне написали.

Рабочий: Я в любом случае напишу вам.

Лев Николаевич (подобрал несколько книг, подает рабочему со словами): Это вам для начала. Если что нужно, пишите, я вам вышлю.

Рабочий: Спасибо, Лев Николаевич. Здоровья вам, бодрости, успехов в вашем деле. Прощайте.

Лев Николаевич: Спасибо за пожелания. Прощайте и вы.

(Рабочий уходит).

Булгаков: С вами чего только не насмотришься, Лев Николаевич.

Лев Николаевич: Еще до вашего приезда в Ясную Поляну я получил письмо такого же революционера. Просил денег, чтобы купить револьвер. И откровенно пишет, что будет мстить тем, кто арестовал его товарищей за революционную деятельность. Представляете? Это же безумие! Хорошо, что я не доживу, когда они устроят эту резню.

Действие второе

Картина третья.

Столовая в доме Толстых. Слуги накрывают на стол, готовясь к встрече гостей.

1-й слуга: Что-то задерживаются.

2-й слуга: Дело-то нешуточное, библиотеку открывают. Книг вон сколь навезли. В одночасье не управиться.

1-й слуга: Опять Льву Николаевичу забота.

2-й слуга: Ему не в новинку. Сколь я его помню, у него вся жизнь прошла в трудах да заботах. Все читает, пишет, люди к нему без конца идут. Каждому время надо уделить. А то возьмется крестьянскую работу работать. Ничего не чурался. И пахал, и косил, печи сам клал. Даже сапоги, кои и по сию пору носит, тоже своей работы. Передыху он не понимал. Разве когда шахматами или картишками побалуется. А то за фортепьяну сядет.

1-й слуга: Как же это он все успевал?

2-й слуга: Так и успевал. Редкий человек. А уж станет с тобою говорить, никогда не накричит, не обругает, даром что барин. Каждому человеку найдет нужное слово.

1-й слуга: Это я тоже заметил.

Софья Андреевна (*входит, осматривает приготовления*): Как тут у вас, Афанасий Иванович?

2-й слуга: Да будто бы все как надо, матушка Софья Андреевна. Только цветов вроде маловато.

Софья Андреевна (*осматривает вазы с цветами*): И то правда. Что ж это они? (*Молодому слуге*) Филя, ступай, позови Илью Васильевича.

(*Филя бегом направляется из столовой, вскоре возвращается вместе с Ильей Васильевичем.*)

Илья Васильевич (*слуга*): Чего изволите, ваше сиятельство?

Софья Андреевна: Илья Васильевич, прикажи цветов в столовую добавить.

Илья Васильевич: Слушаюсь, ваше сиятельство. Я пока из гостиной займу. (*Входит и вскоре возвращается с цветами, расставляет их по вазам.*)

Софья Андреевна: О, совсем другой вид.

(*Илья Васильевич уходит, за дверью слышится шум, голоса.*)

Софья Андреевна: А вот и они вроде идут.

(*Входят Лев Николаевич, Долгорукий, Бирюков, Грибовский, Сухотин, Александра Львовна, Татьяна Львовна, Шанкс, Булгаков, Маковицкий, Хорда Тацуку, Печорин, Трояновский.*)

Софья Андреевна (*встречает их*): Милости просим, гости дорогие. Прошу всех к столу.

Долгорукий: Это, любезнейшая Софья Андреевна, называется с корабля сразу на бал. Пощадите нас, позвольте хоть отдышаться.

Софья Андреевна: За столом и отдышитесь, Павел Дмитриевич. С делами-то упрядились?

Долгорукий: Все прошло в лучшем виде, все остались довольны.

Лев Николаевич: Как не быть довольным? В деревне - и своя библиотека. Где это видано?

Сухотин (*жене*): Татьяна Львовна, и нам с тобою надо бы то же самое устроить хоть в одном селе.

Татьяна Львовна: И я об этом подумала, еще там, в деревне.

(*Тем временем все рассаживаются за столом.*)

Лев Николаевич: Марья Яковлевна, не откажите мне в такой чести, садитесь со мной рядом.

Шанкс: Я с удовольствием, Лев Николаевич.

Александра Львовна (*подходит к матери*): Маман, может в чем помочь?

Софья Андреевна: Вроде все приготовлено, Саша. Садись и ты.

(*Все уселись, слуги разливают вино, раскладывают закуски.*)

Лев Николаевич: Я уж и не припомню, когда в последний раз подымал бокал. Но сегодня видно без этого не обойтись. Ради такого важного дела готов присоединиться к честной компании. За вашу заботу о нас, Павел Дмитриевич, за большое ваше дело, за вас, князь, предлагаю первый тост.

Долгорукий (*встает*): Открытие народной библиотеки безусловно заслуживает одобрения, и роль Московского общества грамотности тут налицо. Но вы, уважаемый Лев Николаевич, переоценили мои заслуги. В этом деле всему голова - это вы. Я не буду распространяться о ваших достоинствах, они общеизвестны. Желаю вам здоровья и дальнейшего плодотворного труда на благо всего человечества. Предлагаю поднять бокалы за графа и великого человека России - за Льва Николаевича.

Лев Николаевич: В таком случае за нас обоих. За всех.

(Голоса: За Льва Николаевича, за Павла Дмитриевича.)

Грибовский: Павел Дмитриевич, скажите, пожалуйста, как вы пришли к мысли открыть здесь библиотеку?

Долгорукий: Это наша давнишняя общая мечта с Львом Николаевичем. Просто не доходили руки. Нужны были и подходящие книги. Нашему Обществу пришлось даже кое-что специально заказывать.

Грибовский: Вас подбор литературы устраивает?

Долгорукий: В основном - да. Но открытие библиотеки - это лишь половина дела. Важно, чтобы она не замерла на этой стадии.

Лев Николаевич: Об этом можете не беспокоиться. Вы сами видели, какой интерес это вызвало у крестьян. На открытие библиотеки собрались почти все жители деревни. Это говорит само за себя. У людей появилась потребность в чтении.

Грибовский: Это и не удивительно, ваше влияние на местных крестьян огромно.

Лев Николаевич: В какой-то мере это может иметь значение. И я уверен, книги на полках залеживаться не будут.

Долгорукий: Будем надеяться.

Печорин: Позвольте мне, господа. О Яснополянской библиотеке будет сказано и написано еще много. Меня как журналиста интересуют гости из дальних стран, присутствующие за этим столом. Если вы не возражаете, я позволю себе обратиться к представителю Страны восходящего солнца. Господин Тацуку, скажите пожалуйста, какое впечатление вы увезете в Японию из Ясной Поляны?

Тацуку: Многие мои соотечественники знают и ценят сочинения господина графа Толстого. Но мы никак не предполагали, что он так близко стоит к народу. Об этом я буду писать по возвращении на родину. Я также буду поддерживать созданные в нашей стране коммуны в духе учения Льва Николаевича.

Печорин: Благодарю вас, господин Тацуку. А вы, уважаемая Марья Яковлевна, с чем уедете к себе в Англию?

Шанкс: О, мы с Львом Николаевичем старые друзья.

Печорин: Хотелось бы от вас услышать, как вы относитесь к учению Льва Николаевича?

Шанкс: Лев Николаевич - мой учитель. Я не только разделяю его взгляды, но и стараюсь претворять их в жизнь.

Бирюков: Любопытно услышать подробности.

Шанкс: В моей Англии много последователей учения графа. Следуя ему, мы создали целую колонию. В нашем поселении царит полное взаимопонимание. Многие даже завидуют. Сегодняшнее событие в Ясной Поляне еще раз укрепило меня в правильности нашего выбора.

Печорин: Большое спасибо, Марья Яковлевна, за подробную информацию.

Грибовский: И вы полагаете, Марья Яковлевна, что за вами будущее Англии?

Шанкс: Во всяком случае, мы на это надеемся.

Грибовский: А я считаю, что это просто временное увлечение. Будущее я вижу за большими городами. Посмотрите, с какой быстротой они растут. Там можно применить все достижения науки, чего не скажешь о деревне.

Шанкс: Города, замки всегда строились в связи с войнами из целей обороны.

Лев Николаевич: Что же касается науки, то ее целью должна быть человеческая польза. А много ли пользы принесла наука? Пока никакой. Цель науки - изыскание способов оправдания насилия.

Грибовский: Это похоже на какую-то крайность.

Лев Николаевич: Отчего же? Хотите, я на основании вашей науки буду логично защищать всякую мерзость, начиная от отнимания у голодного человека куска хлеба и кончая убийством из-за личного блага?

Софья Андреевна: Это что-то новое в твоих суждениях. До этого ничего подобного ты не говорил.

Шанкс: Я поддерживаю этот тезис Льва Николаевича. Возьмите, к примеру, известный закон моего земляка Мальтуса. Весьма посредственный публицист придумывает закон несоразмерного со средствами питания увеличения населения. Закон встречается в массах огромный успех. В результате в обществе началась настоящая сумятица.

Лев Николаевич: Я скажу о большем. Если этот закон приложить к нашей жизни, то получается, что умирание с голоду есть самая законная вещь, а евангельский призыв, отдать бедному рубашку с кафтаном, является не более чем абсурдным.

Грибовский: Закон Мальтуса - лишь частный случай.

Лев Николаевич: Я признаю истинную научную и художественную деятельность. Но она тогда плодотворна, когда она не знает прав, а знает только обязанности. У нас же пока все наоборот.

Грибовский: Поясните, пожалуйста, свою мысль.

Лев Николаевич: Наука создает новые средства уничтожения людей, причем на средства этих же людей. Художник же зачастую обольщает их, и все это называют прогрессом.

Грибовский: Но прогресс нельзя рассматривать как широкую столбовую дорогу. Неизбежны зигзаги, ошибки, компромиссы.

Лев Николаевич: Тут важно, чтобы идеал был ясен человеку, чтобы он искренне и твердо к нему стремился. Жизнь сама внесет свои коррективы в этот прямой путь к идеалу. В деятельности же нашей науки я вижу лишь одно - служение сброду заблудших и развращенных людей, называемых у нас правительством.

Печорин: Лев Николаевич, вы неодобрительно отзывались о городах. А как быть с цивилизацией? Разве она не ведет к счастью людей?

Лев Николаевич: Это явное заблуждение. Разве до нас не было цивилизаций? Была египетская, вавилонская, ассирийская, еврейская, греческая, римская наконец. Где они с их городами? Привели они к счастью людей? Все погибли. Туда же пойдет и наша. Останется неизменным только труд земледельца.

Грибовский: Найдете мне хоть одного художника, достойного внимания, вышедшего из деревни. Таких попросту нет и быть не может. В деревне для этого нет нужных условий.

Лев Николаевич: Вы забыли прекрасные образцы народного фольклора, этого фундамента всех так называемых классических искусств. Все, что имеет силу, не валяется в городской пыли. Припомните Христа, Будду, их влияние на низший класс. Так и в искусстве, и в музыке. Я за песню, на которую откликнутся миллионы сердец, а не за Вагнера, который чужд толпе. Не понимаю этой работы на заказ. Какая-то позорная продажность. И девяносто девять сотых возятся со своей половой любовью.

Печорин: Значит, по-вашему, город - это преграда счастью?

Лев Николаевич: Не один город. Нужен и свободный любимый физический труд, а не труд, атрофирующий мозг и мускулы. В городе люди не любят свою работу. Она им ненавистна. А спросите мужика, вспахавшего поле, доволен ли он? Ах, как доволен и с какой любовью смотрит на чернеющие борозды!

Грибовский: И все же я не могу понять, почему в городе нет счастья?

Тацук: Позвольте сказать мне. С проникновением в нашу страну некоторых начал европейской цивилизации у нас, как и в других странах, заметно возросло число городов и городского населения. К сожалению, параллельно с этим начался процесс деградации нравственных ценностей народа, выработанных за всю его историю. Потребностями людей стали новые ценности, ничего общего не

имеющие с их истинным счастьем. Достижение же этого иллюзорного счастья стоит людям огромных усилий. Зачастую люди умирают, так и не достигнув желаемого. Но это не жизнь, а сплошной кошмар. В этом вопросе я целиком согласен с учением графа.

Грибовский: Счастье – понятие относительное. Каждый понимает его по-своему. Вправе ли кто-то решать этот вопрос за других?

Лев Николаевич: Уходя в города, люди побросали дома, поля, отцов, братьев, жен, детей, отрешились от всего истинного, думая, что в городе счастье. А что получили взамен? Их оглушают звуки машин, грохот экипажей, они дышат испорченным воздухом, едят все несвежее и вонючее. Они не общаются с землей, растениями, животными. Это настоящая жизнь заключенных.

Печорин: Выходит, истинное счастье в городе невозможно?

Лев Николаевич: Да откуда же ему там быть? Счастье невозможно без света солнца, при полном нарушении связи человека с природой. Труд человека должен быть свободным. Человек должен иметь возможность общения с близкими по духу и образу жизни, жить обязательно с семьей. Разве в городе это возможно?

Грибовский: Почему же в таком случае крестьяне массами бегут в города? Выходит, там все-таки лучше?

Лев Николаевич: Те, кто стремится в город, думают, что там дают неразмennyй рубль. Но это самообман. С другой стороны, жизнь наших крестьян далека от той, какую они заслуживают.

Грибовский: Чего же им не хватает, если все ваши условия для счастливой жизни в деревне налицо?

Лев Николаевич: Кто знает о деревенской жизни не понаслышке, тот видит: мужицкое хозяйство разорено, мужик затаскан, затравлен, забит, опутан долгами. Дайте мужику стать на ноги. Все остальное он сделает сам.

Печорин: Что для этого нужно?

Лев Николаевич: Дайте ему землю и разумный земельный налог и не мешайте ему. Он вам тогда все отдаст.

Софья Андреевна: Ты вечный защитник крестьян. Они этого не заслуживают. Русские крестьяне не оттого бедствуют, что у них земли мало. Крестьяне почти все – пьяницы. Содержание российского войска стоит столько, сколько тратится на вино.

Лев Николаевич: Мужик пьет с горя. А горе оттого, что мы, господа, слишком мерзки, живем отвратительно, как паразиты.

Сухотин: Хотя я и помещик, но целиком поддерживаю Льва Николаевича. Крестьяне действительно бедствуют из-за малоземелья. Они все озлоблены на нас и не только на помещиков, но и на всех господ. Между нами и крестьянами лежит целая пропасть. Время от времени слышишь, то тут, то там мужики жгут помещичьи усадьбы. Того и гляди, запоыхает вся Россия. Если бы крестьянин жил хоть чуть лучше, ничего бы этого не было, и в город он не побежал бы.

Долгорукий: Вы, Михаил Сергеевич, нарисовали такую мрачную картину, что поневоле содрогнешься. Что же вы предлагаете?

Сухотин: Выход я вижу в одном: поделиться с крестьянами, передать им в собственность часть своей земли.

Лев Николаевич: Земля божья и не может быть предметом частной собственности.

Грибовский: А ведь столыпинская реформа именно к этому и направлена.

Лев Николаевич: Чтобы выделившиеся на хутора крестьяне стали такими же грабителями, как и помещики? Я крестьянам советую не выделяться на хутора, от этого будет много греха.

Грибовский: Лев Николаевич, слушая ваши рассуждения, я невольно задаюсь вопросом: почему вы в свое время не поступили на службу в одно из министерств?

Лев Николаевич: Я там долго не продержался бы, давно бы был в ссылке, причём без всякого суда.

Грибовский: Я не разделяю вашего пессимизма.

Лев Николаевич: Вы юрист и смотрите на все с позиций права. Но о каком праве может идти речь, если цензура запрещает издание правдивых книг и статей, производит аресты невиновных? Вот вам свежий пример. Среди нас присутствует очередная жертва этого произвола, Павел Иванович Бирюков. Спросите, за что его привлекают к суду?

Долгорукий: В самом деле, Павел Иванович?

Грибовский: Это серьезно?

Бирюков: Серьезней некуда. Вот и повестка. *(Достает из кармана и показывает лист бумаги - повестку в суд.)*

Грибовский: А за что?

Бирюков: Можно сказать, что ни за что, за здорово живешь.

Грибовский: За это не судят. Что-нибудь недозволенное издали?

Бирюков: За это было бы не обидно. В этот раз гораздо прозаичнее. В мое отсутствие в издательстве был произведен обыск, в моем столе нашли несколько статей. Вот и все.

Грибовский: Статьи Льва Николаевича?

Бирюков: Вы не ошиблись. И статьи абсолютно безобидные. Я вообще не понимаю, что происходит.

Грибовский: Вот те на-а...

Лев Николаевич: А вы говорите про министерство. Таким как я там места нет.

Долгорукий: Вы на своем месте, Лев Николаевич. Лучшего для вас не пожелаешь.

Лев Николаевич: Да я так, к слову. А туда я никогда не стремился.

(Входит Лев Львович, кланяется присутствующим.)

Софья Андреевна: Боже мой! *(Подходит к сыну)* Сыночек! Ты вернулся? *(Обнимаются.)*

Лев Николаевич *(подходит к сыну):* Рад видеть тебя, сын. С благополучным возвращением *(обнимаются)*. *(Поочередно подходят Александра Львовна, Татьяна Львовна, Сухотин, все его обнимают.)*

Софья Андреевна: Садись за стол, друг мой. *(Лев Львович занимает место рядом с сестрой Татьяной, возвращаются за стол и остальные.)*

Лев Николаевич: Господа, позвольте представить, это наш сын Лев Львович, вернулся из поездки по Европе. *(К сыну)* Позволь и тебе представить тех, с кем ты не знаком. Господин Хорда Тацуку, философ из Японии, господин Печорин, корреспондент из Петербурга, господин Трояновский, музыкант и наш секретарь господин Булгаков. С остальными ты знаком.

Лев Львович *(встает, кланяется):* Рад приветствовать вас, господа. *(Садится.)*

Лев Николаевич *(сыну):* У нас еще будет время послушать тебя. А мы тут собрались по случаю важного события. Усилиями Павла Дмитриевича в Ясной открыли народную библиотеку.

Лев Львович: Узнаю тебя, папа. Все продолжается в том же духе.

Лев Николаевич: Я своих идеалов не меняю. *(К присутствующим)* Господа, предлагаю поднять бокалы по случаю возвращения нашего сына, последователя моих убеждений.

Лев Львович *(после того, как выпито вино):* Я должен сказать тебе правду относительно твоих убеждений, папа. Ведь мы никогда тебе не лгали.

Лев Николаевич: А в чем дело? Разве я сказал о тебе неправду?

Лев Львович: Познакомившись с жизнью в европейских странах, я увидел нечто совершенно иное против того, что проповедуешь ты в своем учении.

Лев Николаевич: И что же ты там увидел?

Лев Львович: Европа живет в другом измерении. Естественно-научные знания подняты там на такую высоту, что нам, русским, и не снилось. Наука, прогресс, цивилизация проникли во все сферы человеческой жизни. И без этого они себя уже не мыслят.

Лев Николаевич: А как у них с духовностью?

Лев Львович: У них есть все: искусство, наука, церковь и все прочее. Но все это в разумных пределах и даже в известной степени служит главной идее.

Лев Николаевич: То есть научно-техническому прогрессу?

Лев Львович: Именно.

Шанкс: Лев Львович, прошу меня извинить, а в мрей Англии вы были?

Лев Львович: К сожалению, Марья Яковлевна, в Англии я не был.

Шанкс: Если бы вы посетили Англию, вы убедились бы, что англичане, несмотря на бурное развитие естественных наук, не только сохранили свое духовное наследие, но и преумножают его.

Лев Львович: Об англичанах и говорят, и пишут, что они отличаются особым консерватизмом.

Тацуку: Я позволю себе заметить, что это достойная черта любой нации. В моей стране это качество народа ценится превыше всего.

Лев Львович: Возможно, возможно. Но мы, русские, особая нация.

Грибовский: В чем же, по-вашему, эта особенность?

Лев Львович: Мы, русские, не знаем, чего мы хотим. В этом наша главная беда.

Софья Андреевна: Господа, позвольте на правах хозяйки дома предложить вам новинку. Американский изобретатель Эдисон прислал Льву Николаевичу чудесный подарок - граммофон. Если вы не против, мы поставим пластинку.

Голоса: Пожалуйста, с удовольствием, просим.

Софья Андреевна: Саша, распорядись, пожалуйста.

(Александра Львовна заводит грамофон, слышится музыка - вальс Штрауса. Когда музыка закончилась, гости аплодируют.)

Софья Андреевна: Это одна из любимых пластинок Льва Николаевича.

Лев Николаевич: Я люблю Штрауса. Он искренен и прост как сама правда. Он народный художник.

Лев Львович: При чем тут народ, папа? Ты съездил бы в Европу, тогда заговорил бы о ценностях жизни совсем по-иному.

Лев Николаевич: Ты так говоришь, как будто забыл, что в Европе я бывал и не раз. Не понимаю, чем она тебя приворожила.

Лев Львович: Европейцы давно окружили себя такими изобретениями, что поражают воображение.

Лев Николаевич: О европейцах и их изобретениях я слышан. Плоды большинства из этих изобретений или недоступны простому народу, или даже направлены на его уничтожение. Всякие аэропланы, дирижабли, торпеды - это не более чем самообольщение. Если так пойдет и дальше, то войны могут привести к уничтожению целых народов.

Лев Львович: Ты преувеличиваешь опасность, папа. Каждый народ имеет право на самозащиту.

Лев Николаевич: Так говорят и самые отъявленные агрессоры. А кто победит в войне, еще неизвестно. Зато известно, что пострадает простой народ, призванный играть роль пушечного мяса.

Лев Львович: Начать новую войну не так просто.

Грибовский: В Европе развито мощное движение пацифистов, сдерживающих потенциальных агрессоров.

Лев Николаевич: Они даже приглашали меня на свой конгресс. Но я их хорошо знаю, поэтому и не поехал.

Лев Львович: Напрасно, ты мог бы изложить там свою платформу.

Лев Николаевич: Они меня не услышали бы. Эти господа ратуют за мир, а в то же время голосуют за вооружение своих армий. Это самое отвратительное фактисейство.

Татьяна Львовна: Папа, вы еще поговорите об этом. Сыграйте что-нибудь с Сашей.

Лев Николаевич: Если гостям будет интересно слушать нас, я готов. Дело за Сашей.

Александра Львовна: Я с удовольствием, папа. Но у меня другое предложение. Попросим Бориса Сергеевича что-нибудь исполнить, а то он не произнес еще ни одного слова.

Голоса: Просим, просим.

Трояновский: Я могу говорить только языком своего любимого инструмента. *(Выходит из-за стола, берет балалайку и садится.)*

Александра Львовна: Борис Сергеевич, вы будете солировать, а мы с папа будем вам аккомпанировать. Вы согласны?

Трояновский: Вполне. Для начала предлагаю лирическую песню «Вспомни, вспомни». Сможете?

Александра Львовна: Припоминаю. А ты папа?

Лев Николаевич: Я буду за тобой тянуться.

Трояновский: Тогда начинаем.

(Играют, по окончании им аплодируют.)

Лев Николаевич: Давайте «Светит месяц». У вас, Борис Сергеевич, это особенно сильно звучит.

(Играют, по окончании восторженные аплодисменты. Трояновский возвращается за стол.)

Александра Львовна: А теперь попросим Валентина Федоровича что-либо спеть нам.

Лев Николаевич: Замечательно. Валентин Федорович, как вы смотрите на такое предложение?

Булгаков: Я готов, если, конечно, гости не будут возражать.

Голоса: Просим, просим.

(Александра Львовна и Лев Николаевич, посоветовавшись с Булгаковым начинают играть мелодию русской народной песни.)

Булгаков (поет): Степь да степь кругом,

Путь далек лежит.

В той степи глухой

Замерзала ямщик *(и т.д. до конца).*

(По окончании песни все кроме Льва Львовича им аплодируют.)

Татьяна Львовна: А ты, братец, что хмуришься? Не нравится?

Лев Львович: А я тебя хочу спросить, сестрица, ты в Париже бывала?

Татьяна Львовна: Нет, не приходилось. Я дальше Петербурга никуда не выезжала.

Лев Львович: Очень жаль. Если бы ты побывала в Гранд-опера, то стала бы смотреть на это так называемое народное искусство совершенно другими глазами.

Татьяна Львовна: Ты совсем переменялся, брат. Что с тобою?

Лев Львович: Со мною ничего. Просто я выбрался из той трясины, в которой находитесь до сих пор вы.

Татьяна Львовна: Ты считаешь, что мы погрязли в чем-то неприличном?

Лев Львович: Давай, сестра, прервем этот разговор. Я вижу, он раздражает папа.

Татьяна Львовна: Не только папа, но и мне очень неприятно слышать от тебя подобное.

Лев Львович: Я, кажется, ничего не сказал предосудительного.

Софья Андреевна: Оставьте, пожалуйста, этот разговор. Он ни к чему хорошему не приведет.

Лев Николаевич: Скажу откровенно, сын. Мне неприятно за тебя.

Лев Львович: И все же я остаюсь при своих убеждениях. Россия отстала от Европы в отношении прогресса на десятки лет. Точно также она отстала и от Америки. Возьмите хоть тот же граммофон. Ведь он сделан не в России, а в Америке.

Лев Николаевич: Истинный прогресс зависит от мировоззрения людей. Теperешнее поколение русских людей состоит из бар, с большинством из которых не захочешь и сесть рядом, и из революционеров, которые хотят их уничтожить. Нужно, чтобы оба эти поколения вымерли и заменились новыми. Все новое в детях. Все зависит от воспитания. Но я надеюсь на мудрость русского народа.

(По завершении обеда гости постепенно выходят из-за стола, разделяются на группы, ведут непринужденный разговор. Лев Николаевич от фортепьяно перешел к столу с шахматами.)

Лев Николаевич (Сухотину): Михаил Сергеевич, приглашаю вас на партию в шахматы.

Сухотин: Я с удовольствием. *(Подходит к столу и садится.)*

(Входит слуга, подает Льву Николаевичу лист бумаги. Лев Николаевич читает.)

Софья Андреевна (подходит к мужу): Что это?

Лев Николаевич: Записка от Черткова.

Софья Андреевна: Что он пишет? Что ему надо?

Лев Николаевич: Сообщает, что приехал а Телятинки. Завтра намерен приехать к нам.

Софья Андреевна: Ни за что! Слышишь? Ни за что!

Действие третье

Кабинет Льва Николаевича.

Софья Андреевна одна усердно просматривает бумаги мужа на столе, в ящиках стола, в шкафах.

Александра Львовна (входит): Маман, вы что-то ищите?

Софья Андреевна: Это тебя не касается.

Александра Львовна: Я просто так спросила, может, могу чем помочь?

Софья Андреевна: Я в твоей помощи не нуждаюсь.

Александра Львовна: Вы на меня сердитесь?

Софья Андреевна: Где ты была вчера? Ездила в Телятинки? Что тебе там нужно было? Разносишь всякие сплетни про меня?

Александра Львовна: Что вы такое говорите? Откуда вы это взяли?

Софья Андреевна: Ты, как челнок, носишься от Льва Николаевича к Черткову. Думаешь, я не знаю?

Александра Львовна: Я ездила в Телятинки по делу. И ни с каким Чертковым не встречалась, а тем более ни о чем с ним не разговаривала.

Софья Андреевна: Ты совсем завралась. На тебя неприятно смотреть. Ты не светская барышня, а кучер. Вот ты кто.

Александра Львовна: Зачем вы меня так обижаете? Я этого не заслужила.

Софья Андреевна: Ты мне опостылела до того, что я готова выгнать тебя отсюда. Чтоб и духу твоего тут не было.

Александра Львовна: Если бы я не нужна была папа, сама уехала бы отсюда.

Софья Андреевна: Вот и убирайся!

Александра Львовна: Валентин Федорович поправится и уеду.

Софья Андреевна: Можешь хоть сейчас уезжать. Лев Николаевич без тебя справится. А я видеть тебя не желаю. *(Уходит.)*

Александра Львовна: Ну и маман! Что это она так разошлась? Ничего не понимаю.

Лев Николаевич *(входит)*: Саша, ты к Валентину Федоровичу заходила? Как его здоровье?

Александра Львовна: Он сказал, что через день-два должен приехать.

Лев Николаевич: Это хорошо. Что еще нового?

Александра Львовна: Из Телятинок приехала Варвара Михайловна, сказала, что сегодня к тебе намерен приехать Владимир Григорьевич.

Лев Николаевич: Приезд Черткова пока не желателен. Но теперь, видимо, ничего уже не изменишь.

Александра Львовна: Он вероятно рассчитывает на твоё завещание?

Лев Николаевич: Возможно.

Александра Львовна: Как ты считаешь, он этого заслужил?

Лев Николаевич: В известной степени. Но у меня на этот счет есть другие соображения.

Александра Львовна: Я могу о них узнать?

Лев Николаевич: Обязательно узнаешь. Попозже. Сейчас я не готов ответить.

Александра Львовна: Хорошо, папа. Но я надеюсь, не маман будет наследницей?

Лев Николаевич: Скорее всего, не она. Или по крайней мере не одна она.

Александра Львовна: Я не хотела бы видеть ее в этой роли.

Лев Николаевич: Ты на нее обижена?

Александра Львовна: Дело не в обиде. Хотя и это есть. Главное в другом. Мы с ней слишком разные. Она смотрит на меня с каким-то недоверием и даже пренебрежением.

Лев Николаевич: Ты просто чем-то раздражена.

Александра Львовна: Нисколько, папа. Она постоянно недовольна мною. Говорит про меня разные непристойные вещи. А сегодня сказала мне прямо в глаза, будто я не светская барышня, а кучер.

Лев Николаевич: Так и сказала?

Александра Львовна: Именно так и сказала. Мало этого, она грозилась еще выгнать меня из дома. Как я, дочь графа Толстого, должна после этого к ней отнестись?

Лев Николаевич: Саша, ты прости ее. Она больная. Тяжело больная. Она твоя мать.

Александра Львовна: Я все это понимаю, папа. Но и она не должна так меня унижать.

Лев Николаевич: Возможно, это она тебе в отместку за твои хорошие отношения с Чертковым?

Александра Львовна: Если это так, то это тем более неразумно с ее стороны. Владимир Григорьевич не чужой нам человек. Он очень много сделал для тебя. И сам, к тому же, пострадал из-за этого. Она должна с этим считаться.

Лев Николаевич: Все это так, Саша. Но у нее своя логика.

Булгаков *(входит)*: Здравствуйте, Лев Николаевич и Александра Львовна.

(Лев Николаевич и Александра Львовна отвечают на приветствие.)

Булгаков: Лев Николаевич, извините, что не был у вас целую неделю.

Лев Николаевич: Какие могут быть извинения? Как вы себя чувствуете, Валентин Федорович?

Булгаков: Спасибо, Лев Николаевич. Вроде нормально. Голова не болит, и озноб прошел.

Лев Николаевич: Вот вам вместо лекарства *(подаёт ему несколько яблок)*. Берите и выздоравливайте до конца. Мне в таких случаях яблоки всегда помогают. Надеюсь и вам помогут.

Булгаков *(берет яблоки)*: Спасибо, Лев Николаевич.

Александра Львовна: Валентин Федорович, вы насовсем приехали?

Булгаков: Да, Александр Львовна, я пришел работать.

Александра Львовна (к отцу): Папа, в таком случае я пойду, не буду вас отвлекать.

Лев Николаевич: Поступай, как знаешь, но ты мне никогда не мешала.

(Александра Львовна уходит.)

Лев Николаевич: Что нового в Телятинках, Валентин Федорович?

Булгаков: Главная новость - это приезд Черткова. Только об этом и говорят. Между прочим, Лев Николаевич, я слышал, Чертков намерен в ближайшие дни навестить вас.

Лев Николаевич: Пускай приезжает. Хотя, по правде говоря, его приезд сюда не желателен. не представляю, как воспримет это Софья Андреевна.

Булгаков: Лев Николаевич, за мое отсутствие много накопилось дел? Что нужно в первую очередь?

Лев Николаевич: Мы с Сашей вроде со всем управились. Разве что новое появилось. Да вот на эти письма я не на все ответил *(подает ему несколько писем)*. А пока, если хотите, послушайте, что я получил в свой адрес.

Булгаков: Если вы считаете нужным.

Лев Николаевич: Тогда слушайте. *(Читает):* «Издохнешь ты, враг церкви, и погибнет твоя память, и тебя ожидает смерть лютая». Каково, а?

Булгаков: Дальше уж некуда.

Лев Николаевич: А вот еще одно послание, от некоего Захара Суслова. Советует мне у себя в огороде сделать могилу-склеп и гроб заказать. И какое правопписание! - гроб через «п». Надо же.

Булгаков: Так пишут единицы озлобленных людей. Не обращайтесь на них внимания, Лев Николаевич. Что им ответить?

Лев Николаевич: Я бы сам ответил, да адресов нет. А все же это так тяжело получать такие письма. Особенно когда пишут дамы. Удивительные есть особы. Странное у них отношение к своему долгу: прививают детям ненависть к людям.

Булгаков: Потом сами же будут страдать от собственных детей.

Лев Николаевич: Еще как будут страдать. Ко мне как-то из Москвы приезжала некая дама с двумя дочерьми. Девочки учатся в гимназии, а уже настоящие разбойницы. Мать пришла в слезах, просила воздействовать на них.

Булгаков: Как же она сумела привести их к вам?

Лев Николаевич: С помощью городского.

Булгаков: С чем же они уехали назад?

Лев Николаевич: При мне девочки дали слово вести себя прилично, уважать родителей, а как сложится дальше, сказать не берусь.

Булгаков: Все это, конечно, результат воспитания?

Лев Николаевич: Все зависит от воспитания.

Булгаков (просматривает письма): Лев Николаевич, вот в этом письме молодая девушка, как она о себе пишет, просит вас выслать ей на покупку швейной машинки 80 рублей. Что ей ответить?

Лев Николаевич: Надо ей помочь. Пошлите ее письмо с этой моей статьей в издательство *(подает ему несколько листов бумаги)*. Пусть издательство вышлет ей эту сумму в счет моего гонорара за эту статью.

Булгаков: А вот это письмо вы читали? Здесь к вам несколько вопросов о вашей жизни.

Лев Николаевич: Я его читал. Напишите, что жизнь моя мне не нравится. Не нравится потому, что живу со своими родными в роскоши, а вокруг меня бедность и нужда. Я от роскоши не могу избавиться и бедноте не могу помочь. Нравится же мне моя жизнь в том, что в моей власти любить Бога и ближнего. Любить Бога - значит, делать добро, а любить ближнего - значит, одинаково любить всех людей как своих братьев и сестер.

Булгаков: А еще автор спрашивает, радуется ли чему?

Лев Николаевич: Напишите, радуюсь тому, что могу выполнить по мере своих сил заданный мне урок от хозяина: работать для установления того царствия божия, к которому мы все стремимся.

Булгаков: А вот в этом письме автор критикует ваше отношение к некоторым научным достижениям. Вы успели с ним познакомиться?

Лев Николаевич: Его я тоже читал. Напишите, что отношусь так, потому что естественные науки, достигнув большого прогресса, в то же время устранили человеческую душу и ее воздействие на окружающее. Разум, действуя без участия души, приведет человечество в конечном счете к его гибели. Запомнили?

Булгаков: Я записал, Лев Николаевич.

Лев Николаевич: Прогресс неоспорим. Но он дорого обойдется людям.

Булгаков: А письмо от Черткова вы видели?

Лев Николаевич: Я читал его. Он ожидает от меня, что стану единственным наследником моих посмертных бумаг. Но я не могу этого допустить.

Булгаков: Так ему и ответить?

Лев Николаевич: Я ему уже отписал. Все-таки я надеюсь, что он и моя жена придут к согласию и решат, что оставить, что выбросить, а что издавать.

Софья Андреевна (входит): Я слышала, Чертков прислал письмо. Что он пишет?

Лев Николаевич: Пишет, что поселился в Тетятинках.

Софья Андреевна: Это я знаю. Он добивается от тебя завещания? Так ведь?

Лев Николаевич: В этом я ему отказал.

Софья Андреевна: Теперь он тем более будет держать у себя дневники. Почему он до сих пор не возвратил их? Почему ты не требуешь от него вернуть их?

Лев Николаевич: Всему свое время. Я с ним еще не выделся.

Софья Андреевна: Мог бы написать или послать нарочного.

Лев Николаевич: К чему так унижать человека? Когда надо было спрятать дневники на случай возможного обыска и изъятия, мы сами просили Черткова взять их на хранение. А теперь ты предлагаешь такую неделикатную меру.

Софья Андреевна: Ты со своей деликатностью доведешь до того, что потеряешь дневники.

Лев Николаевич: Если бы ты не вмешивалась, все было бы уже решено.

Софья Андреевна: Почему это я не должна вмешиваться?

Лев Николаевич: Потому что ты противоречишь сама себе. Ты хочешь получить дневники, которые хранятся у Черткова, а с другой стороны, не желаешь этого Черткова видеть здесь. Вмешиваясь таким образом, ты путаешь все наши отношения.

Софья Андреевна: Не я путаю. Тебя окружили недостойные личности, и они опутают тебя против твоей воли.

Лев Николаевич: Никто меня не опутал и не опутает. Ты и Чертков делите между собой мои бумаги и никак не можете разделить. Вы оба вовлекли меня в свою борьбу, и эта борьба и тяжела, и противна мне. Мне противно все: и эта борьба, и вся наша жизнь.

Софья Андреевна: Я не могу понять, чем тебе противна наша жизнь?

Лев Николаевич: Сколько раз я просил тебя упростить наш образ жизни? А ты совершенно безразлична к моим просьбам.

Софья Андреевна: Куда ж еще упрощать? Мы и без того ограничили себя во всем.

Лев Николаевич: Мой принцип - упрощение и умеренность во всем. А мы живем на широкую ногу, по-барски.

Софья Андреевна: Все так живут.

Лев Николаевич: Ты вынуждаешь говорить о частностях. Я помню свое детство. Мы обходились разными киселями, оладьями. Пирожное было только на большие именины. У тебя же на столе каждый день пирожные, языки и прочие деликатесы. Какое уж тут упрощение? Мне стыдно за самого себя.

Софья Андреевна: Что я могу поделать, если никто из сыновей тебя не поддерживает?

Лев Николаевич: Хозяйка дома ты, все начинается с тебя.

Софья Андреевна: И ты не лучше. Когда я читаю в твоих дневниках о твоих увлечениях в молодые годы, я теряю самообладание.

Лев Николаевич: Я даже не нахожу слов, чтобы ответить тебе. Чем так жить, для меня было бы лучше пойти по миру с сумой, чтобы добрые люди подавали мне на пропитание.

Софья Андреевна: Ты теряешь рассудок. Не отдаешь отчета своим словам. (Уходит.)

Лев Николаевич (Булгакову): Это то, о чем я вам когда-то говорил, Валентин Федорович.

Булгаков: Вы сами виноваты, Лев Николаевич, так много написали, что никак не могут поделить.

Лев Николаевич: Моя вина, я виноват. А еще виноват, что много народил детей, и дети все глупые и делают мне неприятности. Вот теперь и мучаюсь с ними. Одна Саша на моей стороне да кое в чем Татьяна. (Пауза.) Если бы не Саша, ушел бы, давно бы ушел.

Булгаков: Все, что вы делаете, Лев Николаевич, и как вы делаете, значит, так и нужно. И если вы даже покинете Ясную Поляну, это тоже так и нужно. Никто не вправе распоряжаться вами.

Лев Николаевич: Когда вы болели, у меня был крестьянин из села Боровково Тульской губернии. Ах, какой умища! Я жалею, что вы не познакомились с ним. Вскоре после его ухода я послал ему письмо, просил подобрать мне маленькую теплую хату.

Булгаков: Это на первый случай?

Лев Николаевич: Я еще и сам не представляю, как это может произойти. Но если случится, надо же иметь какое-то пристанище, чтобы не стеснять хозяев своим присутствием.

Булгаков: Будто все так просто, Лев Николаевич, и в то же время так тревожно.

Лев Николаевич: Да уж к одному концу. (Пауза.) Оставим пока все это, Валентин Федорович. у меня созрела новая мысль: писать для кинематографа. Я всю ночь думал об этом. Как это здорово! Ведь это доступно и понятно огромным массам. Тут не то, что пишешь для сцены, где ограничиваешь себя четырьмя, максимум пятью картинками. Здесь можно написать десять, даже пятнадцать картин. У меня и некоторые сюжеты есть.

Булгаков: Это замечательно, Лев Николаевич. А как с «Кругом чтения»?

Лев Николаевич: Я решил на этом остановиться. Думаю, это окончательный вариант. Возможно, что-то добавите или измените вы. Посмотрите.

Чертков (входит): Рад видеть вас, дорогой Лев Николаевич. Как ваше драгоценное здоровье?

Лев Николаевич: И я рад видеть вас, милый друг. Вы легки на помине. Долго жить будете. (Обнимаются.) Знакомьтесь с моим секретарем: Валентин Федорович Булгаков.

Чертков (подает Булгакову руку): Чертков. (В сторону Льва Николаевича): Мне приятно услышать эти слова. Значит, я вам еще нужен.

Лев Николаевич: Вы для меня столько уже сделали, что я вас никогда не забуду.

Чертков: Для меня это выше всяких похвал. Это видно даже по тому, как незамедлительно вы откликнулись на мое письмо.

Лев Николаевич: Вы мой ответ получили?

Чертков: Я о нем и говорю.

Лев Николаевич: И остались недовольны?

Чертков: Не скрою, Лев Николаевич, я ожидал, что заслужил у вас гораздо большего.

Лев Николаевич: А жена? Она посвятила мне всю свою жизнь. Разве она не вправе рассчитывать на взаимность?

Чертков: Опять жена.

Лев Николаевич: Владимир Григорьевич, вы знаете, как я ценю вас. Но должен сказать вам то, что думаю. Эту борьбу с моей женой затеяли вы.

Чертков: Я? При чем тут я?

Лев Николаевич: Да, вы и только вы! И вы же вовлекли в эту борьбу и меня. Поймите, мне очень тяжело. Но уверен, моей жене тяжелее во сто крат. Именем нашей дружбы прошу вас пожалеть ее и быть к ней снисходительным.

Чертков: Я понимаю вас, Лев Николаевич. Софья Андреевна - ваша жена, и ваш долг - оберегать и защищать ее. Но никакой защиты не требуется, потому что нет и самой борьбы.

Лев Николаевич: А что же это как не борьба? Верните для начала дневники.

Чертков: Я готов сделать это немедленно. Вот вам дневники (*подает пакет*).

Лев Николаевич: Вот и прекрасно. Она успокоится, и мне станет легче.

Чертков: Но дело не только и не столько в дневниках.

Лев Николаевич: Вы имеете в виду мои бумаги?

Чертков: Да, я говорю о них. Софья Андреевна вбила себе в голову, что разберется со всеми вашими бумагами сама. Но разве это ей под силу?

Лев Николаевич: Поэтому я и рассчитываю на вашу совместную работу. Я надеюсь, вы найдете с ней общий язык. Первые шаги к примирению надо бы сделать вам. Она больна, даже жалка. Не жалеть ее в таком состоянии - это просто бесчеловечно.

Чертков: Вы прожили со своей женой всю жизнь и до сих пор не поняли ее.

Лев Николаевич: Что вы имеете в виду?

Чертков: А то, что все ее выходки направлены к одной цели, причем цели гнусной.

Лев Николаевич: Вы хотите сказать, что они направлены против меня?

Чертков: Вот именно. Я не утверждаю, что с ее стороны делается это сознательно. Но факт остается фактом. Она видит, как вы страдаете от этого, и продолжает все в том же духе.

Лев Николаевич: Я ничего умышленного в ее поступках не вижу.

Чертков: Вы просто снисходительны к ней. Скажу откровенно: если бы у меня была такая жена, я застрелил бы ее.

Лев Николаевич: Это в вашем духе. Знаете, что я иногда о вас думаю?

Чертков: Интересно услышать.

Лев Николаевич: Если бы вы были генерал-губернатором, а тем более министром внутренних дел, вы были бы похлеще Столыпина.

Чертков: Столыпин умный человек, но нерешительный. Это его и погубит.

Лев Николаевич: Куда уж решительнее? Он самый настоящий палач.

Чертков: Таковы законы борьбы, Лев Николаевич. Но действовать ему надо было жестче.

Лев Николаевич: Вы говорите жестче. Да уж куда еще? Всю страну кровью залил. Этого Россия не переживет.

Чертков: Никуда Россия не денется. Стояла и будет стоять. Зато революционеры хвосты поподжали.

Лев Николаевич: Я думаю, будет обратное. Зловызовет ответное зло. Только в еще большем масштабе.

Чертков: Я так не думаю.

Лев Николаевич: Я до этого не доживу, а вы увидите. Знаете, как в народе называют Столыпина? Палачом, вешателем. А его виселицы - столыпинским галстуком. Народ этого ему не простит.

Чертков: Без зачинщиков народ бессилен. А революционеры обескровлены. вся верхушка этой банды ликвидирована.

Лев Николаевич: В этой ситуации, в какой оказалась Россия, каждый мало-

мальски грамотный революционер способен повести за собой огромные массы этих озлобленных людей.

Чертков: Вы преувеличиваете их возможности, Лев Николаевич.

Лев Николаевич: Ничуть. Я получаю письма от революционеров. Некоторые из них даже навещают меня. В большинстве своем они неисправимы, как всякие фанатики.

Чертков: Но в основном это выходцы из рабочей среды. По сравнению с крестьянской Россией это капля в море. А эту Россию им не поднять.

Лев Николаевич: Крестьянам чужда идея революции. В то же время не надо забывать: мужик озлоблен. Причина этого одна - малоземелье. Если революционеры пообещают им землю, какая-то часть крестьян может за ними пойти.

Чертков: Тут вы, пожалуй, правы. Но вернемся, Лев Николаевич, к нашему вопросу.

Лев Николаевич: Вы имеете в виду мои посмертные бумаги?

Чертков: Зачем вы применяете это слово?

Лев Николаевич: Какое слово?

Чертков: Ну это, «посмертные».

Лев Николаевич: Без этого слова и песни не будет.

Чертков: Если вам так нравится, пожалуйста, называйте, как вам угодно. Но я хотел бы услышать ваше окончательное решение. Вы же знаете, сколько потребуется времени, чтобы разобратся во всем. А у меня его тоже не так уж много.

Лев Николаевич: Я это понимаю. Но мне надо все обдумать. Решение не должно причинять боль другой стороне.

Чертков: Не лучше ли нам поговорить обстоятельно у меня? Там совершенно другая атмосфера. Приезжайте, Лев Николаевич. Лучше будет, если приедете с Сашей.

Лев Николаевич: За приглашение спасибо.

Чертков: Буду ждать. За сим прощайте.

Лев Николаевич: Вы уезжаете?

Чертков: Не ждать же мне, когда Софья Андреевна меня прогонит.

Лев Николаевич: Прощайте и вы.

(Чертков уходит.)

Лев Николаевич: С этим человеком, Валентин Федорович, связана почти вся моя жизнь как писателя. Каким вы его находите?

Булгаков: Мне трудно сразу ответить, Лев Николаевич. Но кажется, на первый план выступает его черта как человека, который своего никогда не упустит.

Лев Николаевич: Интересные суждения. Но несмотря ни на что, он заслуживает доверия и сегодня, хотя двадцать лет назад он был совсем другим человеком. Тогда ничего подобного в нем не было.

Софья Андреевна (входит): Оком это вы? О Черткове? Чего в нем не было?

Лев Николаевич: Да, мы говорили о Черткове. раньше в нем не было этой нахрапистости, напористости. Он совсем переменялся и не в лучшую сторону.

Софья Андреевна: Я давно тебе об этом говорила. И что же, ты перед ним не устоял? Подписал завещание?

Лев Николаевич: С чего бы это? Я до этого еще не дошел.

Софья Андреевна: А с какой целью он приезжал?

Лев Николаевич: У нас много общих вопросов.

Софья Андреевна: И конечно, говорили о завещании?

Лев Николаевич: Я тебе говорил, что я ему в этом отказал. И другого решения не будет.

Софья Андреевна: Не будет пока ты не поедешь к нему в Телятинки.

Лев Николаевич: И там ничего не изменится.

Софья Андреевна: Я тебе не верю. Если бы это было правдой, ты давно бы написал завещание в пользу жены. Разве я тебе не помогала?

Лев Николаевич: Ты очень много сделала для меня, но и Чертков сделал немало.

Софья Андреевна: Скажи откровенно, на что я могу рассчитывать?

Лев Николаевич: Я не понимаю, зачем тебе эта макулатура? Чтобы во всем этом разобраться, потребуется уйма времени и сил. Стоит ли тебе связываться с этим, тем более, что на твоих плечах такое большое хозяйство?

Софья Андреевна: Я знаю одно: лучше меня со своими бумагами можешь справиться только ты сам. Но у тебя совсем другие заботы, тебе не до бумаг.

Лев Николаевич: Я до сих пор надеялся на ваше примирение и совместную работу с Чертковым.

Софья Андреевна: На это я никогда не соглашусь.

Лев Николаевич: Как же мне в таком случае поступить?

Софья Андреевна: Поступай, как знаешь. Ты совсем перестал замечать меня. Я для тебя хуже любого чужого человека. Ты со всеми стараешься общаться по-человечески, даже как с самыми близкими. Со всеми, кроме меня.

Лев Николаевич: Ты ко мне несправедлива. Мне тяжело все это слушать.

Софья Андреевна *(сквозь всхлипывания)*: Разве я могла когда-либо подумывать, что доживу до такого позора? Даже дневники и те пропали.

Лев Николаевич: Дневники Чертков привез.

Софья Андреевна *(сразу оживляется)*: Привез? Где они?

Лев Николаевич *(берет сверток со стола и показывает)*: Вот они.

Софья Андреевна *(подбегает, протягивает к свертку руки с намерением завладеть им)*: Отдай их мне!

Лев Николаевич: Дневники будут храниться у меня. *(Отстраняет своей рукой руки жены.)*

Софья Андреевна: Зачем они тебе? Отдай их мне! *(Снова пытается завладеть свертком.)*

Лев Николаевич: Дневники будут храниться у меня. Не беспокойся, они никому не денутся.

Софья Андреевна: Ты со мной совсем перестал считаться.

Лев Николаевич: Тебе дневники совершенно не нужны.

Софья Андреевна *(увидев на стене портрет Черткова)*: А это что такое? Ты опять его повесил? Зачем? Ты хочешь убить меня!

Лев Николаевич: Повесил, значит, повесил. Что ж тут такого?

Софья Андреевна: Не место ему тут! *(Срывает со стены портрет, разрывает его в клочки, бросает на пол, топчет ногами)* Вот где его место! *(Выбегает с плачем из кабинета.)*

Лев Николаевич *(Булгакову)*: Чтобы исключить всякие неожиданности и случайности, мне пора на что-то решиться.

Булгаков: Вы имеете в виду завещание?

Лев Николаевич: Да, я говорю о завещании.

Лев Львович *(входит, с гневным криком обращается к отцу)*: Что ты наделал с матерью? Она выбежала от тебя вся в слезах и убежала из дома. Почему ты сидишь такой спокойный?!

Лев Николаевич: Для ее слез не было никаких причин. *(Уходит.)*

Лев Львович *(Булгакову)*: Валентин Федорович, что тут у вас произошло?

Булгаков: Ничего особенного. Сначала у Льва Николаевича был Чертков, потом зашла ваша матушка. Оба просили Льва Николаевича об одном и том же.

Лев Львович: О дневниках?

Булгаков: Дневники Чертков привез. Речь шла о завещании Льва Николаевича.

Лев Львович: И Чертков просил о завещании?

Булгаков: И Чертков. Но Лев Николаевич ему категорически отказал.

Лев Львович: А в отношении маман?

Булгаков: Сказал примерно то же самое, только в иной форме.

Лев Львович: А именно?

Булгаков: Лев Николаевич сказал, что ей одной разобраться в его бумагах будет тяжело. Поэтому Лев Николаевич предлагал ей объединить свои усилия с

Чертковым и работать вместе. Софья Андреевна это предложение отвергла. Вот, собственно, и все, Лев Львович.

Лев Львович: Спасибо, Валентин Федорович. Пойду, узнаю, что там. Папа очень скверно обошелся с матерью. *(Уходит.)*

Булгаков (один): Ну и дела. Они совсем не берегут Льва Николаевича.

Александра Львовна (входит): Валентин Федорович, вы одни? А где папа?

Булгаков: Он вышел.

Александра Львовна (показывая на обрывки портрета, разбросанные на полу): А это что?

Булгаков: Как видите, Александра Львовна. Это остатки от портрета Черток-ва.

Александра Львовна: Откуда они?

Булгаков: Софья Андреевна порвала.

Александра Львовна: Как порвала?

Булгаков: Сорвала со стены и в клочки.

Александра Львовна: При папа?

Булгаков: Да, Лев Николаевич был здесь.

Александра Львовна: Ничего себе, дожили.

Лев Николаевич (входит): Саша, хорошо, что ты здесь. Ты мне нужна.

Александра Львовна: Что у тебя стряслось, папа?

Лев Николаевич: Наши отношения дошли до крайности.

Александра Львовна: И что же ты решил?

Лев Николаевич: Я давно уже оформил завещание, да все медлил, не давал ему ходя. Теперь вручаю его по назначению. Вот оно *(достает из шкафа и показывает)*. Тебе, конечно, интересно знать о его содержании? Слушай. По этому завещанию все мои сочинения, как оконченные, так и неоконченные, переводы, дневники, частные письма, черновые наброски, отдельные мысли, где бы они ни были и ни хранились, переходят в полную твою собственность. В случае, упаси Бог, твоей смерти все завещанное переходит в собственность твоей сестры Татьяны Львовны Сухотиной.

Александра Львовна: Тяжелую ношу ты передаешь мне, папа.

Лев Николаевич: Согласен. Но ты, Саша, тот единственный человек, который способен выполнить мою волю, а именно: сделать мои сочинения всеобщим достоянием. Я верю в тебя и надеюсь на тебя. Это мое последнее и самое главное завещание. Об этом в завещании так и написано.

Александра Львовна: Спасибо за доверие, папа. Я обещаю тебе посвятить всю свою жизнь выполнению твоего завещания. В этом ты можешь быть уверен

Лев Николаевич: Я в этом нисколько не сомневаюсь. Спасибо и тебе, Саша.

(Передает ей завещание): Береги его.

(В кабинете заметно потемнело. Входит слуга, зажигает лампу и уходит.)

Александра Львовна: Уже вечер? Как не заметно пролетел день.

Лев Николаевич: Как и вся жизнь.

Булгаков: Лев Николаевич, я пожалуй, поеду.

Александра Львовна: Вы же еще не обедали. Пойдемте, нас, наверное, ждут.

(Александра Львовна гасит лампу, все уходит. После некоторой паузы входит Софья Андреевна с зажженной свечой в руке.)

Софья Андреевна: Теперь-то я все разужнаю. *(Тщательно просматривает бумаги сначала в ящиках стола, затем в шкафах.)*

Лев Николаевич (входит): Это, оказывается, ты? А я, грешным делом, подумал, опять к нам кто-то с обыском заявился. Ты что-то ищешь?

Софья Андреевна: Тебя ищут.

Лев Николаевич: Что ж меня искать? Я был в столовой вместе со всеми. А тебя почему-то не было.

Софья Андреевна: Не было, значит, так надо. *(Уходит.)*

Лев Николаевич (зажигает лампу): Кажется, пора ставить последнюю точ-

ку. (Берет лист бумаги, пишет, произнося вслух): «Отъезд мой огорчит тебя. Сожалею об этом, но пойми, что я не мог поступить иначе. Положение мое в доме стало невыносимым. Кроме всего другого, я не могу больше жить в тех условиях роскоши, в которых жил, и делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни. Пожалуйста, пойми это и не езди за мной, если и узнаешь, где я. Такой твой приезд только ухудшит твое и мое положение, но не изменит моего решения. Благодарю тебя за 48-летнюю честную жизнь со мной и прошу простить меня во всем, чем я был виноват перед тобой, так же как и я от всей души прощаю тебя во всем том, чем ты могла быть виновата передо мною. Советую тебе помириться с тем новым положением, в которое ставит тебя мой отъезд, и не иметь против меня недоброго чувства. Если захочешь что сообщить мне, передай Саше, она будет знать, где я, и перешлет мне, что нужно. Сказать же о том, где я, она не может, потому что я взял с нее обещание не говорить это никому. 28 октября. Лев Толстой».

Маковицкий (входит): Лев Николаевич, в доме происходит что-то непонятное. Вы не больны?

Лев Николаевич: Душан Петрович, вы один из самых близких моих друзей, и я не могу умолчать перед вами о том, что я принял решение уехать отсюда. Сегодня, немедленно.

Маковицкий: Мне определенно необходимо быть с вами, Лев Николаевич. Вы не возражаете?

Лев Николаевич: Напротив. Буду вам искренне признателен.

Маковицкий: Значит, собираемся?

Лев Николаевич: Наши сборы много времени не займут. Возьмем с собою самое необходимое да кое-что из моих бумаг.

Александра Львовна (входит): Папа, мое сердце полно тревоги. С тобою все в порядке?

Лев Николаевич: Саша, ты должна знать правду. Я решил сегодня же уйти из дому. Вместе со мною будет Душан Петрович.

Александра Львовна: Я этого и ждала как избавления от всех мук для тебя и очень боялась этого дня. (Плачет.)

Лев Николаевич: Не плачь, моя милая девочка. Не плачь, родная. Ты же все понимаешь: так надо.

Александра Львовна: Я все понимаю, папа. Но разве можно с этим смириться?

Лев Николаевич: Мы же не навечно расстаемся. Ты будешь приезжать ко мне. Только помни наш прежний уговор, не говори никому, где я.

Александра Львовна: Все будет так, папа, как ты скажешь.

Лев Николаевич: Вот и хорошо. А завтра утром вот это мое письмо передай матери. Только завтра утром. (Вручает ей письмо.) А теперь будем собирать-ся.

Александра Львовна: Во что ты оденешься, папа?

Лев Николаевич: Что попроще.

Александра Львовна: А вы, Душан Петрович, что возьмете с собой?

Маковицкий: Как можно меньше. Кстати, у меня же всегда наготове мой походный баул. В нем есть все необходимое. Для начала нам этого вполне достаточно. Так что я почти готов.

Лев Николаевич: Саша, распорядись, чтобы коляску заложили. Да предупреди, чтобы шумели поменьше.

(Александра Львовна уходит, Лев Николаевич и Маковицкий продолжают сборы.)

Александра Львовна (возвращается): Коляска скоро будет. Как вы тут? Моя помощь не требуется? (Осматривает собранные вещи): Без слуги донесем? Не тяжело будет?

Маковицкий: Груз не велик, вынесем.

Александра Львовна: Папа, вы меня до станции с собой возьмете?

Лев Николаевич: Как же, обязательно.

Александра Львовна (плачет): Папа, ты береги себя. Душан Петрович, я на вас надеюсь.

Маковицкий: В этом отношении можете не беспокоиться, уважаемая Александра Львовна.

Лев Николаевич: Стоит ли обо мне так беспокоиться, дочка, когда вокруг живут миллионы обездоленных, о которых надо беспокоиться?

Александра Львовна: К чему ты такое говоришь, папа? Ты же все понимаешь.

Лев Николаевич: Выше голову, дочка. Жизнь на этом не кончается.

Александра Львовна: Присядем перед дорогой.

(Все садятся.)

Лев Николаевич: Ну, пора. Саша, погаси, пожалуйста, лампу.

(Встают.)

Александра Львовна (включает электрический фонарик, освещает им кабинет, гасит лампу): Папа, возьмите с собой фонарик.

Лев Николаевич: Нам он ни к чему, дочка. Оставь его себе. Вам он нужнее.

(Направляются к выходу.)

Лев Николаевич: Прощай, Ясная.

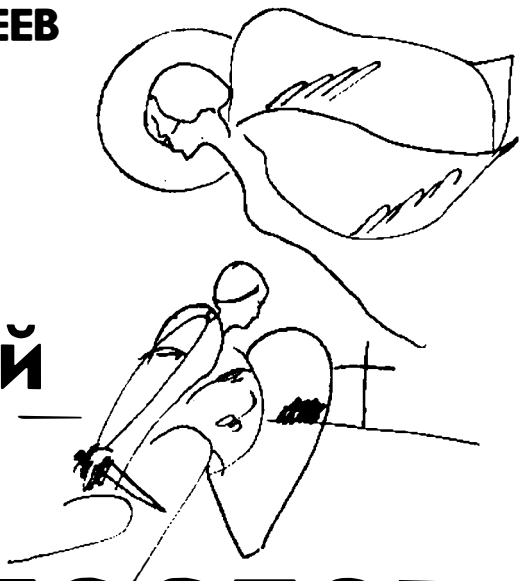
(Полная темнота.)

Конец.

Валерий ГОРДЕЕВ

Из новой
книги
стихов
«БЛАГОСЛОВ»

АПОСТОЛЬСКОЕ

На святой Руси -
Не игрища - беда!
Бес попутал, опоил нас,
Забодал!
От Христова лика
Нас отворотил
И распятому сострадать
Запретил.
На святой Руси
Не сытость - голода!
На морозе индевеют
Города.
Ребятишки,
Словно птицы на ветру,
Под смешок бесноватый
Мрут...
Гой еси по всей Руси,
Славянин?!

Не нырнувший
На повесть,
Под оwin,
Что - рука твоя слаба
Иль прача,
Чтоб влeпить чертям
С размаха «леща»?!
Чтоб святой Руси
Крест сотворить
И просвирую всех сырых накормить?!
Источат две длани кровь:
Кап-кап...
Вновь на крест
Взведут Христа. -
Значит, Прав.

МОНОЛОГ ИГУМЕНА ИОСИФА, ИДУЩЕГО НА ДЫБУ

Веру Правую,
Слово Божие
Словно Истину нес рабам.
Стены волглые, -
Мох в подножии, -
Слава русским монастырям!

- Сан игумена.
Сам - Иосиф я.
Пламя адово - еретикам!
Козни бесовы - словно просеки,
В пастве нашей.
И прав - лишь Храм.
Люд затерянный.
Хляби топкие.
Гаснут свечи на сквозняках...
Только держат нас -
Тропы торные -
Нити истины в еретиках.
Кто б мы ни были:
Ликом - кривичи,
Иль древляне душой своей,
Не снимали мы
Схимы иночьей
Ни за други своих болей!
Обнажаемы Христа-ради,
Иль юродствуя на юру, -
В души наши порочно гадить
Не дозволили никому.

Нашу землю
И наши пажити,
Чад своих или матерей, -
Почитали от Бога нажитым,
Славя Господа
У Алтарей.
Мы с молитвой к причастию, скорбные,
На Помазание стоим.
Русь Святая -
Во Храмы Соборная,
Все же ненависти - не тай!
Стаи воронов, вслух картавя,
Испятнав купола - парит!
Храмы Божии,
Православные,
Словно души, зорить норовит...
Встань с молитвою,
Раб поверженный!
И от ереси - отряхнись!
Да, невежды мы,
Но и в наших вежах,
Божьим Промыслом, -
Наша жизнь.

★

Ей-богу, в этой жизни все не так.
Но ты узнал об этом очень поздно.
Наивный и доверчивый простака,
Считавший не монеты -
Только звезды...

Вот вывездело небо над тобой.
Стоишь ты снова голову задрвав,
Но ни одной звездинки той, ни одной, -
Не попадет к нам, даже и упав...

Кружит страстей земных водоворот.
В нем пропадает даже звездопад.
Наивный и доверчивый народ -
Опять живет, ей-богу, невпопад...

Добра в душе и крохи не скопив,
Он взоры устремляет к небесам.
Нет, не Господь им души оскопил,
А каждый душу оскопляет сам.

*

Густой мар липовый
И таинство сирени,
И яблонева кипень по садам, -
Все свыше нам дано.
Божественною сенью
И потом нашим
Озарено в земных
И праведных трудах.
И этот дол, и бор вечнозеленый,
Стада на водопое у прудов, -
Всем человецам,
Богом одаренным,
Дано на жизнь.
Для праведных трудов...

*

Чтоб душу ощутить и осознать,
Дано мне знать:
Не согреши ни явно и ни тайно.
Откроются грехи твои случайно.

Чтоб Веру ощутить и осознать,
Дано мне знать:
Перед Господом мы все равны и
Чадолюбы.

Чу! Слышите!
На Божий суд всех созывают трубы...

*

Восставшим утром
Нежно и счастливо
Малиновые звоны зачаруют.
Речной залив - в мелодии разливов,
Течение в той тональности
Настроит...
В торжественной
И благостной печали,
В возвышенном
И скорбном нашем деле,
Мы с верой день
И этот мир встречаем,
Где прибавляем, множим, а не делим.
Над рощей - нимб.
Над полем - воссиянье.
В душе - покой.
Но есть еще дела...
Я православный.
Русский россиянин.
Я здесь живу,
Где мама родила.

*

Успокоился.
Выдохнул боли.
Все в порядке.
Душа не болит.
В состоянии псевдопокоя
Мы доверья барьер перешли...
По-крещенски -
Морозно и зябко,
Неуемно и пусто в груди.
Все простил я вчера...
Даже... завтра, -
А сегодня не смог.
Не простил.
У предательства
Нет оправдания.
Не кляни, не верь, не грусти!
Не выдумывай слуху названья
И обиженных Богом - прости!
Успокоился.
Выдохнул боли.
Суп-лапшевник сварил на потом...
Кто-то главного так и не понял:
Правда носится вместе с крестом...

СПАСЫ:

*

Икона - зримый лик!
Напомянать:
Что вера в Господа
Не миг, -
А вечное страданье...

*

Героем дважды
Можно стать в бою:
За Веру.
Или - Родину свою...

*

Оглянулся окрест:
Никого!
Что ж, опять одному
Воевать?
Все равно, что немое
Кино
В Голливуде сегодня
Снимать...

То бездушные толпы
Окрест.
То безликая движется
Рать.
Нет просвета.
Свободных
Нет мест...
Только не с кем идти
Воеваты!

*

Уже вчера прошли дожди в России.
Уже сегодня ясен небосклон.
- Ну что ты ищешь? -
Вдруг меня спросили,
Ответить мог, но есть ли в том резон?
... Ну вот, дожди покинули Россию
И ветерок продул уже поля, -
Так стали мы от этого счастливей?
Так стала чище черная земля?
Уже вчера откаркали вороны.
Лист облетел с загаженных берез...
Из неба, что подперли сосен кроны, -
Ни капли больше ядовитых слез.
Пишу стихи.
Угрозы больше нету?
Счастливая пора для слов и снов?
Так почему же душно вновь поэтам
От злых наветов, стиснутых оков?
Россию омрачили лицемеры,
Носители предательства и зла,
Цветной фасад из европолимеров
Моя страна сегодня обрела.
И нет границ
Для слова в Интернете,
Но как найти те, русские слова,
Чтобы понятней стало всей планете -
Загажена Россия, но жива!
Она не с теми, кто ей изменяет,
Картаво гавкая
На нас из-за «бугра»,
И нас поганым словом унижает,
Грудь высосав, вскормившую, до дна...
Нам - ни дождей, -
А града или грома!
Предательство, как рак, который век!..

А я пишу в России - значит дома,
 Где чистый лист передо мной, как снег,
 Где Русь люблю я, русский человек!
 Кириллица стиха проста, знакома:
 Холмы, леса, озера, родники...
 Для русских в мире нет иного дома,
 Кроме России.
 В ней мы - земляки.

★

Господь прибирает
 И лучших, и худших...
 Больше первых,
 Меньше последних, -
 Ушедшие души... Ушедшие души...
 Бесследно.
 Бесследно?
 Господь оставляет
 Нам память людскую.
 Щемяще и нежно
 В нас колокол бьет.
 Ушедшие, -
 Что же о вас мы тоскуем?
 Что же давит и щемит душевный
 Нас гнет?
 Отмолили, отпели,
 Отплакали
 Невозвращенных из темных тенет.
 Госпади - верою нас
 Обволакивает.
 Кто-то во храмах
 И нас
 Отпоет...

★

Не торопись испить до дна
 Тебе отмеренную чашу.
 Всему свой срок:
 Не реже и не чаще -
 С рождения у каждого она одна.

Не торопись душой терзаться -
 В ладу с ней жить
 Намного интересней,
 И воспарит она
 Единственную песней, -
 Должна которая с рожденья напеваться.

Не торопи не наступивший срок,
Но не проспи отсчитанное время, -
Все предназначенное -
Благо, а не бремя,
Случившееся все -
Не миг, а рок.

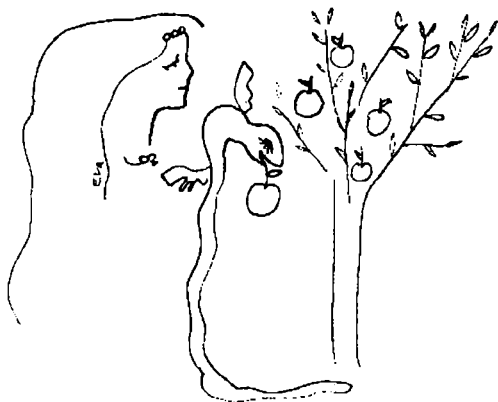
Не торопи последнюю минуту,
Нет, не дано тебе о ней прознать!
Но и не бойся к тризне опоздать, -
Не зря же ночь всегда сменяет утро!

Не торопись стихами захлебнуться,
К тебе не муза -
Женщина пришла!
Строка на вспаханном тобою
Не возшла?
Так и с любовью можешь
Промахнуться!

Но торопись в грехе сознаться Богу, -
Грех страшен, как и помыслы его...
Мы столько натворили здесь всего,
Что к Богу не найдем уже дорогу...

*

Опять хазары тешатся Россией.
Россия - не Россия - каганат...
Вновь весят месяц новые мессии,
Не разум сея, ни добро, - разврат.
Язычество, раздоры и злословье...
За православьем
к грекам вновь идти?
Хазарский знак
у русских в изголовье -
Нам не откроет святославова пути.
Дружину крестит ичкерийский люд
Огнем, мечом,
предательством и градом.
Опять хазары из России вьют
Под этот шум веревки, без огляда.
За что, Господь,
Ты проклял мой народ?
За что лишил обров своих
призренья?
Хазары - крест наш.
Наше искупленье -
За русский грех.
И оскверненный плод.

*

Дитя, нежеланное Богом,
 Ты - книга открытий,
 Нам вышедших боком.
 Ты - пламя страстей,
 Сумасшедших соитий...
 Ты - облака тень.
 Лист, дрожащий на ветке,
 За что в небесах
 не судима ты строго.
 Ты - в райском саду
 Плод лучший и редкий,
 Дитя, нежеланное Богом.
 В молитвах к Нему
 Обрати свою душу,
 Прощенья прося
 За существованье.
 Но только ни яблоком сочным,
 Ни грушей, -
 Не соблазни!
 И - не выдай
 Желанья.

ПОЧЕМУЧКА

Почемучка моя, почемучка!
 Ты растешь не по дням -
 По часам.
 То - наивна.
 То - тертая сучка, -
 Хотя я сам -
 Мед не лью по усам...
 Почемучка моя, почемучка!
 Далека от меня.
 Далека.
 Ты не дочка.
 И даже не внучка -
 Ручеек.
 Нет, скорее - река...
 Почемучка моя, почемучка!
 Волей Господа так уж сошлось:
 Чтобы к старости ревностью мучался
 И решал неизбежный вопрос.
 Почему - ты моя почемучка?
 Потому, что искусство не
 Случка...

СОЗДАТЕЛЮ

Реку -
Так мне повелевает
Сам.
Господь.
Кто воплотил
И
Душу мне.
И плоть.
И наказал -
За все несчастья
Тварей всех
Страдать.
Учить их,
Веселить
И примирять...
Я им реку.
И речи этой -
Течь.
Глаголу - жечь,
А ненависти -
Желчь.
Я каюсь, Господи,
Не думал о
Покое -
Ведь создал
Сам
Нам
Царствие такое...

*

Один. Опять один...
За что, Господь,
Опять меня Ты наказуешь?
И круг магический
Искусно образуешь,
Вокруг светящихся седин?
Один...
... Среди пустынь и льдин:
То - выжжено.
А это - заморожено.
В душе - то жар,
То - зябкость растревожены.
Один.
Себе господь.
И - господин.

СПАСЫ:

★

Слово Человечье -
Божий дар!
Утешение оно.
Оно - пожар...

★

Путь пройден
На Голгофу.
Он всем известен.
Но тяжелей стократ -
Снести оттуда -
И нательный крестик...

ЗАВЕТ

На Успение в Лавре святой -
Ворог Храм подорвал.
Катакомбы осыпались
В этой извечной земле.
А Господь трех священников
В вечность прибрал,
Да иконы огонь пожирал,
Разноцветно рисуясь во мгле.
Никогда еще звоны
Таковыми печальными не были,
Словно плачи в туманной
Дали за Днепром...
А на храмах кресты,
Словно руки простерты к небу,
Все зывали обрушить
На Ворога гром.
И тогда, утаенные мощи
Святых под землю,
Всей иссохшею сутью
Своей трепеща,
Объявили Анафему
Ворогу злему,
Заповедали нам
Даже семя его не прощать!

...Здесь, на месте Крещения
Нашего люда,
Вот уже позабыты
Все вещие вещи.
Груда хлама от Храма
Неубрано в Лавре лежит.
А в заречной дали
И сквозь годы все слышится:

«Юде!»

И - «Фойер!»

А Днепр волною не всплещет,

Да и ворон над Ворогом

Здесь уже не закружит...

Кто от Веры отступится,

Слову святому не внемлет,

Кто забудет завет -

За поруганье Храма - отмстит! -

Не узнает покоя,

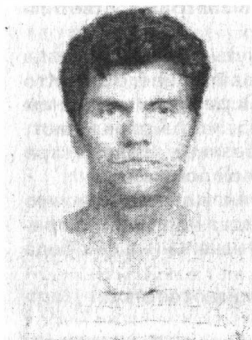
Душою разбившись о землю,

И греха величайшего -

Никогда уже не отмолить...

Владимир ЧАКИН

Родился 5 ноября 1957 году в башкирском городке Ишимбай, где и закончил среднюю школу. В 1975 поступил и в 1981 году закончил Московский инженерно-физический институт, попал по распределению и до сих пор работает в НИИАРе, где постепенно дорос до должности ведущего научного сотрудника, став четыре года назад кандидатом технических наук в области радиационного материаловедения.

С первого по шестой класс, включительно, участвовал в городских слетах юных поэтов и занимал там призовые места. Написал повесть-сказку о Волшебной стране (продолжение сказок А. Волкова об Изумрудном городе) и во времена недолгого редакторства Вячеслава Перлушина в «ДиАМе» начал печатать ее там.

Публикация в «Черемшане» наиболее реалистических рассказов Владимира Чакина - его дебют в димитровградской большой литературе.

ТРИ РАССКАЗА

Кот Базилика

Как известно, переезд на новую квартиру равен по последствиям землетрясению. Николай Иванович Горлов был согласен и на пять баллов по шкале Рихтера, была бы квартира, куда переезжать, да ордер на вселение.

Пятнадцать лет он стоял в заводской очереди на трехкомнатную и был уже десятым. Вроде и близко к финишу, но строительство жилья в ельцинскую эпоху резко сократилось, и вполне могло сложиться так, что ждать еще придется неизвестно сколько. Или вообще возьмут да отменят бесплатные очереди на жилье, о чем давно поговаривают. А где возьмешь такие деньги на доплату за лишнюю комнату? Это абсолютно нереально с сегодняшней нищенской зарплатой. Так и придется доживать свой век вчетвером в двухкомнатной хрущобе, в смежных двадцати семи метрах.

Имея в виду все эти реалии сегодняшнего дня, Николай Иванович, тем не менее, фактически смирился с судьбой и давно перестал бегать в жилищную комиссию, чем занимался еще пяток лет назад. Понял, что этой суетой дела не ускоришь. Появлялся в завкоме только в январе, отмечался в очереди и благополучно исчезал на год. Уже и мечтать о трехкомнатной перестал, даже не вспоминал до января, когда проходила перерегистрация.

Тем неожиданнее и радостнее был сегодняшний звонок из завкома, когда ему предложили угловую трехкомнатную квартиру на последнем этаже старой пятиэтажки, пояснив, что строительства нового дома нет даже в планах на ближайшее будущее и, если он откажется от этой квартиры, следующего варианта придется ждать еще лет сто.

Николай Иванович чесал свою растущую уже не по годам, а по месяцам лысину, и готов был тут же согласиться с предложением, но все же выдержал характер и сказал, что подумает. «Подумайте, но – только до завтра», – ответили ему и положили трубку.

Нина Евлампиевна, выслушав вечером доклад мужа, чуть было не послала его в ту же минуту в завком давать согласие, не дожидаясь завтрашнего дня. Кто их знает, этих завкомовских, у них семь пятниц на неделе. Переиграют – и концы в воду. Управы на них никакой. И уж если предложили что-то, хватай, пока дают, пока оне не передумавши. Старая, новая квартира, какая разница! Было бы три отдельных комнаты, а ремонт закатым такой, что лучше новой получится!

Еле дождались утра, и пошел Николай Иванович лично в жилищную комиссию согласие свое давать. Спросил Самсона Яковлевича, подождет полчаса его прихода, благо, что вечером по телефону отпросился у своего начальника до обеда по причине важности квартирного вопроса.

Старый еврей запустил Горлова в кабинет, назвал по имени-отчеству:

– Что скажешь, Николай Иванович, давай, не темни.

«Ну, слава тебе, Господи, кажется, не передумали», – перевел дух Горлов, а вслух сказал:

– Посоветовались с женой и решили дать согласие.

Самсон Яковлевич кивнул и замолчал надолго, забарабанил ногтями по полировке стола.

– Тут есть одно обстоятельство, Николай Иванович, – медленно начал он, глядя почему-то в сторону, – и я должен донести его до вас.

Горлов обмер. Ну, вот, начинается. Появилось обстоятельство, а попросту очередной, наверняка блатной, которому квартира на данный момент нужнее. И его, Горлова, просят войти в положение, проявить сознательность и пропустить товарища вперед себя. И попробуй откажи, не раз потом пожалеешь, а поздно будет. Нельзя ссориться с завкомом, ох, нельзя.

– Обстоятельство такое. В этой квартире, которая уже без пяти минут тваша... как бы точнее сказать, некоторое время назад было совершено убийство.

Председатель завкома, промямлив эти слова, опять сделал долгую паузу. Он, всегда такой красноречивый, охочий до пустопорожней болтовни, сейчас как будто выдавливал из себя каждое слово с мукой и кровью.

– И не одно, а сразу три, да потом еще и самоубийство, – закончил он безнадлежащим тоном.

Николай Иванович не поверил своим ушам:

– Это семья Милехиных там жила, что ли?

– Да, Милехины – предыдущие хозяева квартиры, – подтвердил Самсон Яковлевич.

Ну, дела. История семьи Милехиных двухмесячной давности еще была жива в памяти горожан. Их жило четверо в той квартире, хозяин, хозяйка, сын-подросток да бабка древняя, лет под восемьдесят. И семья-то дружная, обычная заводская семья.

Горлов знал и хозяина, Гену Милехина, как-то даже на зимней рыбалке сидели рядом на Черемшане, лунки караулили до темноты. Мужик, работал слесарем, спокойный, как удав, и выпить не дурак, если есть возможность. И что же учудил этот тихоня? Уму не постижимо. Встал среди ночи, покурил на балконе, а затем топором зарубил всю семью. Всех, по очереди порешил, жену, бабу и сына тринадцати лет. А, закончив дело, потом и сам в темнушке на ремне повесился. Как писала местная пресса, крови в квартире было по колено, когда ворвался туда наряд милиции, вызванный соседями. Они вызвали наряд, когда услышали, как кричал, а потом и затих в лапах зверя мальчик, за которым отец по

квартире гонялся с топором, Маленький, провинциальный Лугов буквально перевернуло от этой дикой истории. Целый месяц только и разговоров было, что об этой кровавой драме. Обсасывались подробности, уточнялись детали, высказывались версии произошедшего. Но, главное, все терялось в догадках о причинах трагедии. Что толкнуло хозяина на это зверство? Что заставило взять в руки топор и порешить своих близких? В конце концов, сошлись на мнении, что произошло у него временное помрачение рассудка, когда человек себя не контролирует и способен на все. На этой версии и остановилось следствие, и дело было закрыто за очевидностью.

Николай Иванович смотрел на председателя жилищной комиссии и сокрушенно думал о своей несчастной судьбе. Ну почему ему всегда так не везет? Предложили квартиру, которую ждали пятнадцать лет, в старом доме. Куда денешься, согласились. Теперь вдруг выясняется, что квартира эта вся в крови. Не буквально, конечно, все там давно после косметического ремонта, который был сделан сразу после трагедии, вычищено до блеска. Просто сам факт, что где-то рядом с тобой лежали в лужах крови тела, висел на ремне с раздувшимся багровым лицом бывший хозяин квартиры, может отравить жизнь. Но почему именно ему предложили эту квартиру, неужели нет других очередников, нет других страждущих на эти вожделенные квадратные метры? Почему ему всегда так не везет?!

- Ну, как, Николай Иванович, берешь квартиру? - вывел его из прострации голос председателя, который участливо, но уже с легким нетерпением поглядывал на него. И вдруг его лицо как будто расплылось, растеклось, размазалось по пространству перед Горловым, наехало на него и поглотило без остатка. Николай Иванович замотал головой, избавляясь от наваждения, и торопливо что-то согласно замычал.

Прошло три недели, которые ушли на оформление бумаг по квартире, и вот, одним теплым майским вечером, аккурат в пятницу, начался переезд. Как ни крути, а событие неординарное в наше сволочное время. Всего-то и удаётся парутройку раз за всю жизнь переехать семье из квартиры в квартиру, и это нужно сделать достойно.

Подготовка к переезду началась сразу после получения ордера и продолжалась до самого отъезда. Коробки, чемоданы, связки книг, разобранный стенка-нагромождение вещей посреди комнат - создавали впечатление некоего вселенского хаоса, бардака, который вовек не разгрести. Нина Евлампиевна аккуратно носила свое тучное тело между горами вещей и раздавала ценные указания мужчинам, которые в поту отработывали будущий магарыч. Горлов пригласил на помощь с работы четверых знакомых мужиков. Так было принято - помогать друг другу в разных житейских ситуациях, где требовалась физическая мужская сила. А она требовалась, в основном, на новоселье да похоронах. И сам Николай Иванович никогда не отказывал, если просили о помощи. Тем более, что это была прекрасная возможность легальной выпивки в теплой, дружеской компании по окончании мероприятия.

Лена, семнадцатилетняя дочь Горлова, пухлая, в маму, постоянно краснеющая девушка пыталась посадить кота в специально приготовленную для переезда корзину, завешанную сверху плотной материей. Животина была вполне симпатичной наружности, имела темную голубовато-серую шерстку и относилась к породе русских голубых котов. Однако, несмотря на свою врожденную покладистость, кот ни в какую не желал лезть в эту гадкую корзину.

- Базиль, иди сюда, моя крошка, - уговаривала его Лена, смущенно оглядываясь на посторонних в комнате и называя его сокращенным именем от Базилио, знаменитого одноглазого кота-разбойника из «Золотого ключика».

С улицы вихрем влетел в квартиру Леша, младший брат Лены и ее полная про-

тивоположность по характеру. В школе он был круглым отличником, благодаря отличной памяти и врожденной смекалке, а после школы - вожакom местной ребятни. В свои десять лет он уже проявлял явные задатки лидера.

- Лена, заходи от окна, - мгновенно разобравшись в ситуации, сразу принял он командование на себя, и, раздвинув руки, двинулся на кота.

Кот, поняв, что попал в совершенно невыгодную ситуацию, сделал последнюю попытку вырваться из окружения и ринулся напролом, мимо Леши. Но не тут-то было, ведь у Алексея Горлова и по физкультуре была твердая «пятерка». Промонстрировав завидную реакцию, он на полном ходу остановил кота, схватив того за пушистый хвост. Кот обиженно и раздраженно запищал, но вынужден был смириться на ближайший час со своей участью и исчезнуть в недрах корзины.

Новая квартира находилась в западной части города, а это значит, в целых пятнадцать минут езды от старой, благо масштабы в Лугове не московские и даже не ульяновские. Однако погрузка растянулась на пару часов с лишним, и время уже перевалило за восемь вечера. Солнце начало нехотя клониться к закату, но еще оставалось в силе и продолжало обильно поливать живительными лучами остывшую за зиму землю. Стояла середина мая, лучшее время года и зенит весны. Казалось, сама природа начинала дышать полной грудью, очнувшись, наконец, от зимней спячки.

Николай Иванович сидел за рулем старенького «Москвича» и вез свое семейство на новое место жительства. Он глупо улыбался чему-то и бубнил под нос старую песню Аллы Пугачевой про беднягу Арлекино. Рядом с ним, на соседнем сиденье сидел сын-отличник, позади - любимые супруга с дочкой, чего еще желать в этой жизни, не часто выпадает такое счастье нашему человеку - заселение в новую квартиру. Горлов звучно посигналил зазевавшемуся пешеходу, бородатому старику с соседней улицы, и шуточно погрозил ему кулаком. Тот узнал Горлова и ответил ему тем же.

За «Москвичом», срезая углы на поворотах и оставляя за собой густой шлейф фиолетового дыма, тащился неуклюжий «КАМАЗ», огромный фургон, где вместе с бараклом сидели мужики с работы.

Наконец, импровизированная кавалькада прибыла к месту назначения - серому пятиэтажному кирпичному дому, каких было построено в великом множестве по стране в незабвенные хрущевские времена. Таким путем советская страна в конце пятидесятых годов решала жилищную проблему. Некомфортные, тесные квартиры, которые в народе прозвали хрущобами. Но после коммуналки получить и такое (главное, отдельное) жилье считалось за великое счастье.

Точно в таком же доме-близнеце располагалась старая квартира Горлова, и на мгновение ему показалось, что он нигуда и не уезжал. Но, приглядевшись, он увидел, что в новом дворе совсем нет деревьев, а на месте детской песочницы лежит огромная куча мусора. Их старый двор был куда более опрятным и ухоженным.

Николай Иванович уже приходил раз с супругой в новую квартиру, посмотреть качество ремонта и вообще оглядеться на новом месте, но сейчас предстояло въезжать уже окончательно, и следовало соблюсти традиции. Предрассудки, конечно, все это, но зачем рисковать, если народ говорит?

Как хозяйку будущего очага, пустили вперед Нину Евлампиевну, да еще дали ей корзину с котом, который первым, на счастье должен переступить порог заставляемой квартиры. Открыла она ключом дверь, поставила корзину за порог, в квартиру и осторожно так начала приподнимать с нее материю. Но только приоткрыла край, как оттуда раздалось страшное шипение. Она испуганно отдернула руку и оглянулась на мужа. Тот недоуменно пожал плечами, отодвинул супругу в сторону и, протиснувшись в дверь, вытряхнул кота прямо на пол прихожей.

В таком состоянии своего кота им еще не приходилось видеть. Вскочив из корзины, он издал дикий горловой звук - мярррр - и принял оборонительную стойку. Шерсть его поднялась дыбом, спина изогнулась немыслимой дугой, глаза извергали искры. Он исподлобья оглядывал людей, а хвост его в это время отбойным молотком долбил и долбил по полу.

Николай Иванович недоуменно глядел на кота. Домашние животные, кошки или собаки, переезд на новое место жительства часто воспринимают в штыки. Они долго не могут привыкнуть к новой квартире, новой обстановке. Вот и Базильке почему-то здесь не понравилось. Но это только на первых порах. Даже люди ко всему привыкают, а уж животные и подавно. Постепенно пообвыкнет и приживется. Но, все-таки, чересчур уж взволнованным выглядел кот, такого никогда с ним не наблюдалось раньше.

Базиль наконец сдвинулся с места и напряженной, скованной походкой на полусогнутых лапах прошел несколько шагов, озираясь по сторонам, и вдруг метнулся прямо в ноги Нине Евлампиевне, заставив ее вздрогнуть и отшатнуться. В последний момент он изменил направление и скачками понесся в одну из комнат, но на полном ходу развернулся и заметался между ног входящих людей.

- Ты чего, Базиль? - Николай Иванович присел на корточки и протянул руку, собираясь погладить кота.

И тут произошло неожиданное. Кот на мгновение замер, а затем сорвался с места и одним прыжком заскочил Горлову на грудь. Он подобрался к самому лицу своего хозяина и замер, уставившись прямо ему в глаза. Николай Иванович почувствовал напряженный кошачий взгляд, которым Базиль как будто хотел сообщить ему нечто важное, поделиться тем, что его так беспокоило здесь, на пороге нового жилья.

Николай Иванович взял кота на руки и почесал того за ухом, как обычно делал дома, в минуты отдыха. Но тот недовольно и как будто с укором, вывернулся, оцарапав ему руку, и прыгнул на пол.

- Ах, ты, скотина, - рассердился Горлов и, наклонившись, быстрым движением снова подхватил кота на руки, - будьешь мне тут выскобениваться. Иди, дружок, отдохни и не путайся под ногами, а мы тут пока делом займемся.

И пройдя на кухню, выпустил кота на балкон и запер за ним дверь.

Пролетело два часа. В комнатах громоздились сваленные кое-как вещи, а на кухне уже стоял пир горой. Святое дело, еще одна народная традиция: не отпразднуешь новоселье, не отгуляешь при переезде, как следует, от души - не будет жизни в новой квартире.

Уже пошла в ход четвертая бутылка водки, и лица гостей все больше оживали и свежели.

- Предлагаю выпить за хозяйку этого дома, - поднял стакан Валера, громадный мужчина, своими габаритами напоминающий платяной шкаф, - где ты, Нина?

- Допивайте и закружляйтесь, - раздался из соседней комнаты недовольный голос Нины Евлампиевны, - мы уже спать ложимся.

- Так, мужики, сворачиваемся, - мгновенно среагировал Валера и опрокинул полный стакан водки в рот.

Выдохнув, он понюхал краюху хлеба и похлопал ословевшего Горлова по плечу:

- Коля, квартира тебе досталась - класс. Сделаешь кой-какой ремонт, заменишь сантехнику и живи - не хочу. Кстати, а куда кот пропал, вроде под ногами путался?

- Да, вон, на балконе дрыхнет, - Николай Иванович, неустойчиво поднялся из-за стола, чуть не столкнув пустую бутылку на пол, - и заглянул в темное оконное стекло, приложив обе растопыренные ладони к вискам и пытаясь разглядеть что-то на балконе, - там, куда ему деться.

Вслед за хозяином поднялись гости и, галдя, потянулись в прихожую, к выходу.

Алексей лежал, закрыв глаза, на своей кровати. Он был в комнате один. Мать и сестра расположились на ночь в другой комнате, вход в которую находился на другом конце прихожей, а отец придет спать к нему, места на кровати хватит. Переканутемся одну ночь, а завтра разместимся окончательно, по своим законным местам, так сказал отец.

Мальчик находился как бы в полусне. Он уже начал засыпать, но доносящийся из прихожей гомон приподнявшихся гостей, усталость, накопившаяся за день переезда, непривычная обстановка на новом месте не отпускали его полностью во власть царства сна. В этом состоянии его органы чувств чрезвычайно обострились, он слышал малейший шорох, посторонний звук, и, удивительное дело, несмотря на прикрытые глаза, мог видеть комнату, в которой находился старый диван у стены, на котором свалены тюки с бельем, стенка в полуразобранном состоянии у окна, перевязанные бечевкой стопки книг на столе, - обстановка зала ожидания на железнодорожном вокзале или городской свалке, кому что больше нравится. Неверный, мерцающий свет фонаря, стоящего у подъезда, падает на потолок, по нему бегут тени, из которых складываются фантастические фигуры, напоминающие ужасных чудовищ из романов Стивена Кинга.

Наконец, гости разошлись, в прихожей все стихло, и на квартиру опустилась плотная, вязкая тишина. Отец вернулся на кухню и зашелестел там газетой. У него была привычка, которой он не смог противостоять даже на новом месте и в хорошем подпитии, заполночь читать местную сплетницу - городскую газету «Знамя труда». И действительно, если ее не читать, о чем говорить завтра с мужиками в курилке?

Леша слушал тишину, которая иногда нарушалась тихим стуком из-за стены, поскрипыванием окна, глухим шумом спускаемой в унитазе воды - звуками, которые обычно всегда присутствуют в ночной квартире многоэтажного дома-муравейника, и медленно погружался в сон. Перед его внутренним зрением проносились воздушные, призрачные видения, обрывки впечатлений сегодняшнего дня, плоские бледные лица людей и, наконец, выплыла откуда-то из глубины и придвинулась вплотную голова кота. Это был Базиль, он печально смотрел на мальчика, и его глаза, казалось, излучали сострадание.

Внезапно на экран внутреннего зрения набегала рябь, картинка помутнела и до неузнаваемости искажалась. Какой-то отвратительный, липкий черный туман обрывками полос постепенно пропитывал пространство и заполнял его плотной, жирной массой. Движение полос все более ускорялось, и, наконец, приняло лавинообразный характер. Черная масса сплошным потоком хлынула в сознание мальчика и затопила его мозг. Мальчик вздрогнул всем телом, рывком сел на постели и открыл глаза.

Николай Иванович сегодня изрядно перебрал, и это было вполне оправданно. Сегодня он был по-настоящему счастлив. Ему хотелось подольше растянуть время уходящего дня, поэтому он и не лег спать сразу после ухода гостей. Завтра - это будет уже завтра, со своими новыми заботами, суетой, связанной с освоением нового жилища. А сегодня, сегодня - день его триумфа, сегодня он - победитель! Состоялся переезд в трехкомнатную квартиру! Пусть вещи лежат в полном беспорядке, пусть в ванной течет кран, а в унитазе неожиданно обнаружилась приличная трещина, пусть кое-где, а, скорее всего, везде придется переклеивать обои после бесшабашного казенного ремонта - не в этом суть. Это такие мелочи, о которых и вспоминать не стоит, по сравнению с главным итогом сегодняшнего дня - У НИХ ТЕПЕРЬ ТРЕХКОМНАТНАЯ КВАРТИРА!

Кухня, в которой сидел Николай Иванович, была совсем небольших разме-

ров, какой и положено быть кухне в хрущевской квартире. Лампочка, сиротливо висящая под свежевыбеленным потолком, освещала на столе пустые бутылки из-под водки, недоеденную закуску, беспорядочно разбросанные ножи и вилки. Горлов сидел на старенькой табуретке, полусогнувшись и опираясь локтями на колени. Он держал в руках развернутую газету, но взгляд его был устремлен в темное окно, откуда на него смотрело собственное отражение. Блаженное, идиллическое выражение расплылось на его лоснящемся, горящем от изрядности выпитого лице. Не так уж плоха жизнь, черт ее возьми! И на нашей улице иногда бывает праздник! Тут его локоть неловко сорвался с колена, и газета, выскользнув из рук, шестая, опустилась на грязный, затертый линолиум серо-зеленого цвета. Горлов нагнулся за ней и не увидел, как в дверях кухни появился его сын.

Лена то же не спала. Нина Евлампиевна, разогнав гостей, постелила себе и дочери на семейной кровати, которую муж заранее собрал в комнате, которой как раз и предназначалась в будущем роль спальни. Намотившись за эту беспокойную пятницу, она почти сразу уснула, хотя весь вечер направо и налево твердила, что на новом месте всю ночь точно не сомкнет глаз. Возможно, сыграла все же свою положительную роль таблетка цитрамона, выпитая час назад, когда у нее разболелась голова, но факт остается фактом: ровно через минуту после того, как она опустила голову на подушку, Лена услышала сначала легкое посвистывание, а потом и настоящий храп. Она лежала рядом со спящей мертвецким сном матерью, а мыслями была далеко отсюда. На носу выпускные школьные экзамены, но она думала отнюдь не об этих, важных, конечно, но таких прозаических вещах. Что может волновать девушку семнадцати лет, пусть не красавицу, но вполне оформившуюся симпатичную пышку, робкую, вечно краснеющую по любому поводу, но имеющую уже свое мнение о многих важных вещах в этом мире и свои вкусы? Конечно же, ее волновали дела сердечные. Лена уже давно была тайно влюблена в Олега из параллельного 11-В, солисташкольной рок-группы «Желтый туман» и предмета тайных вздыханий еще многих девчонок 5-ой средней школы. На школьных танцах она все время смотрела на него, когда он исполнял с импровизированной сцены песни Шевчука, но даже в мыслях не допускала возможности подойти и заговорить с ним. Белобрысый, худенький, но с уже пробивающимися темными усиками, Олег был для нее небожителем, существующим совсем в ином измерении, которое никак не соприкасается с нашим миром. Она боготворила его, во многом придумав себе его образ, весьма далекий от реальности, как это часто случается с девчонками ее возраста. И вот сегодня, на большой перемене он подошел к ней и попросил принести в понедельник в школу билеты по химии. Подошел ни к кому-нибудь, а именно к ней. Подошел так и вежливо попросил: «Лена, принеси, пожалуйста, билеты по химии». Она от неожиданности страшно растерялась и что-то промямлила в ответ. А он улыбнулся, кивнул головой и растворился в толпе школьников, спешащих по своим классам.

Лена вспоминала этот сегодняшний случай, и с уже нарождающейся женской хитростью планировала понедельник, как она подойдет к нему, отдаст билеты и что-нибудь спросит. Возможно, завяжется разговор, только нужно собрать в кулак всю силу воли и не смущаться, болтать о всяких пустяках, как это делают с парнями ее одноклассницы. Лена в мечтах унеслась далеко-далеко, полностью ушла в свой воображаемый мир и не сразу услышала сдавленный крик, доносившийся из кухни. Второй крик был уже глуше, но как раз он и вернул ее к реальности, заставил прислушаться повнимательнее. На кухне явно что-то происходило и происходило нехорошее. Какая-то возня, посторонний шум, которого не должно быть в ночной квартире. Она толкнула локтем спящую мать, но та лишь отозвалась недовольным ворчанием и повернулась на другой бок. Нельзя сказать, что Лена сильно испугалась. Для этого, в общем-то, не было особых оснований.

Посторонний в квартире появиться не мог, двери отец за гостями запер, это она сама слышала. Значит, единственное, что могло произойти, это стало плохо с отцом, и, возможно, ему требуется помощь. Поэтому Лена спустила ноги с кровати, надела любимые мамины черные плюшевые шлепанцы и потопала на кухню.

Николай Иванович, наклонившись за упавшей газетой, конечно, услышал какие-то звуки за спиной, но по пьяному делу не придал им значения. И напрасно. Быстрая тень промелькнула по кухне, и на его шее затянулась сложенная петлей бельевая веревка.

В первый момент главными его чувствами были ошеломление и растерянность, но затем сработал инстинкт самосохранения. Горлов схватился за шею и попытался просунуть пальцы под веревку, чтобы ослабить ее нажим. Но петля затягивалась все туже. Он почувствовал, как его лицо наливается тяжелой теплотой, и перехватывает дыхание. Он пытался звать на помощь, и ему удалось пару раз вскрикнуть до того момента, когда петля плотно затянулась на его шее. Затем он только мычал от боли, раскачивая головой и моргая выпученными глазами, из которых на линолеум капали крупные клыксы слез. Горлов пытался развернуться и перехватить руки душившего, но хватка нападавшего была железной, и злодей ни на мгновение не ослаблял усилий. В конце концов, Горлов смирился со своей участью и опустил руки. Его сознание, из которого уже выветрился весь алкоголь, начало меркнуть, и со всех сторон на него надвинулся мрак. Глаза его закатились.

Лена шла по прихожей к освещенному проему кухни и явственно слышала глухие стоны, раздающиеся оттуда. И это был голос отца, полный невыразимой боли и страдания! Голос его все слабел и превращался в еле слышимые стоны. Она совсем забыла про страх, про то, что и ей ведь то же может угрожать опасность, и по зову сердца рвалась на помощь отцу.

Она заскочила на кухню и остановилась, ошеломленная. Спиной к ней стоял человек и веревкой душил отца! Она, не колеблясь, бросилась вперед и толкнула незнакомца вбок, о стену. Тот от неожиданности выпустил веревку, потерял равновесие, но устоял на ногах и повернулся к ней лицом.

Это был даже не взрослый мужчина, а мальчик, подросток, одетый в голубой тренировочный костюм. Физиономия у него была искажена невероятно злобной, отвратительной гримасой, но все равно, через нее проступали такие знакомые черты, черточки, приметы... Все они складывались в одно, единое целое, и это было страшным, совершенно не укладывающимся в голове фактом. Перед ней стоял ее младший брат.

- Леша, это ты! - она поддалась первому порыву чувств и, шагнув навстречу, протянула ему руки. Но, натолкнувшись глазами на его пустой, нечеловеческий взгляд, из которого изливалась лишь бездонная тьма, она в ужасе отпрянула, но было уже поздно. То существо, которое прежде было ее братом, с размаху швырнуло ее на пол. Она больно ударилась о косяк дверного проема и закричала от боли и унижения. Она никак не могла до конца осознать, что перед ней не Леша, ее любимый и добрый брат, а жестокий и кровожадный маньяк с его внешностью. Что могло с ним произойти, откуда накатила на него эта волна сумасшествия? Сейчас не было времени искать ответы на все эти вопросы, ведь на картах были поставлены их жизни.

Существо смахнуло со стола тарелки с остатками еды и схватило хлебный нож с длинным лезвием и почерневшей от времени деревянной ручкой. Лена, лежа на полу, с ужасом увидела, как оно шагнуло к ней, держа нож в вытянутой руке прямо перед собой. Подняв глаза на его лицо, она увидела, что существо улыбается, раздвинув губы в немыслимой гримасе и обнажив оба ряда зубов. Это было

нелепое и одновременно зловещее зрелище, от которого у нее кровь застыла в жилах, и она снова закричала тонким, срывающимся голосом:

- Мама, мама!

В спальне зашевелилась, постепенно выныривая из мутного омута глубокого сна, Нина Евлампиевна. Она открыла глаза, разбуженная повторным криком дочери, но никак не могла прийти в себя, сообразить, где она находится, и что это за кучи вещей навалены вокруг нее.

А на кухне в это время существо, издавая какое-то низкое, грудное шипение, бросилось на Лену, размахивая ножом. Девушка, лежа на спине, закрыла лицо руками и согнула в коленях ноги, как бы заслонившись ими от нападавшего. В этот момент с ее правой ноги слетел шлепанец из черного плюша и на секунду отвлек внимание существа. Это спасло девушку.

Пока существо тупо переводило взгляд на шлепанец и обратно, за его спиной возник с огромным трудом поднявшийся с пола отец. Вид его был страшен. Багровое, раздувшееся лицо отливало синевой, на шее горела ярко-красная полоса, след от веревки. Всех его сил хватило лишь на то, чтобы охватить сзади тело своего душеителя и рухнуть на него, подмяв под себя.

Однако это действие лишь на мгновение ошеломило существо, хотя и заставило уронить нож. В следующий момент, оно легко стряхнуло с себя тело отца и неожиданно впилося зубами в его плечо, прокусив толстую фланелевую рубашку в крупную фиолетовую клетку. Кровь почти сразу проступила сквозь материю и двумя струйками потекла по щекам впившегося в человеческую плоть существа.

На кухне одновременно раздались два диких крика, вопля отчаявшихся людей. Николай Иванович кричал от невыносимой, страшной боли, раскаленными импульсами пронзающими мозг от прокушенного плеча, Лена - в ужасе от невероятной жестокости нападавшего существа с внешностью ее младшего брата.

В дверях кухни возникла мешковатая фигура Нины Евлампиевны. Женщина приковыляла из спальни, еще до конца не проснувшись, но поняв, что в квартире происходит явно неладное. Она сощурилась от яркого света, но все же разглядела расprostертые на полу тела членов своей семьи и кровь на лице Леша, прильнувшего к плечу мужа.

- Что здесь происходит? Леша, что с тобой?

И тут Лена увидела, что голос матери произвел на существо удивительное действие. Он оторвался от плеча и поднял голову. Запачканное алой кровью лицо производило страшное впечатление, но глаза, глаза наливались живой силой, становились осмысленными и человеческими. Они перебежали с предмета на предмет и, наконец, остановились на лице матери.

- Мама? - неуверенно произнес он. - Где я? Это что, кровь?

Перед ними был опять Леша. Он поднимался с колен, утирая кровь с губ и дрожа всем телом. Мальчик был растерян и явно не помнил только что произошедших ужасов.

Внезапно зашевелился отец, который издав дикий вопль после укуса существа, несколько мгновений назад затих, как будто потеряв сознание от болевого шока. Затем Горлов неожиданно быстро вскочил на ноги, оттолкнув сына, и подхватил с пола нож с деревянной ручкой. На его лице было написано торжествующее выражение, которое совершенно не соответствовало ситуации и не оставляло сомнений, что с отцом что-то произошло.

- Папа, - тихо позвала Лена, - неужели теперь ты?

Горлов покосился на нее и, безобразно разбрызгивая вокруг слюни, громко загоготал:

- Я-а-а-а! Теперь и навсегда я-а-а! - его сладострастный вопль, наверное, перебудил весь дом..

Нина Евлампиевна, полностью потерявшись, стояла в дверях и тупо смотрела на разворачивающуюся перед ней сцену из фильма ужасов, пятна крови на лице сына, лежащую на полу скорчившуюся дочь, гримасы кривляющегося мужа, смотрела, смотрела и тихо осела в спасительном обмороке.

Лена рванулась к ней, подхватила опадающую мать на руки, но не удержала и уронила ее на пол, правда, смягчив удар собственным телом. Девушка в этот миг полностью переключила внимание на мать и уже не видела, как отец, перехватив поудобнее нож, бросился на сына и нанес ему удар в живот, как Леша, еще полностью не придя в себя от предыдущих событий, в которых он сам играл главную роль, до невероятности поблдевел и рухнул ничком вперед, как отец после этого обернулся и сделал шаг в их сторону, утирая окровавленный нож о рукав рубашки. И только громкий звон разбитого стекла заставил ее резко обернуться.

Она наткнулась своим взглядом на потухший взгляд отца, остановилась на его багрово-фиолетовом, раздувшемся лице и тут же уловила какое-то постороннее, стремительное движение у окна.

Коту Базилу сразу не понравилась квартира, в которую переехали его хозяева. И это было не просто его каприз, мало ли что кому может не понравиться. Он уже был взрослым, опытным котом и привык сдерживать свои эмоции. Но в квартире действительно было нехорошо, совсем НЕХОРОШО. Когда хозяйка выпускала его из этой долбанной корзины, он не сдержался и закатил истерику. А что было делать, если на него сразу накатила удрушная волна каких-то темных, не поддающихся точному определению, но безусловно враждебных флюидов. Они на несколько мгновений захватили его душу во власть своей стихии, но тут же вынуждены были ослабить хватку, поскольку сразу почувствовали в нем достойного соперника.

И в памяти кота почему-то возникли и пронесли те кровотокающие воспоминания пятилетней давности, когда он пропадал, брошенный на даче прежними хозяевами. Его просто привезли и оставили на этот раз одного. Уехали без него, оставив в конце октября на пожилую надвинувшимся холодам. До этого, летом его часто брали на дачу, где он отводил душу в охоте на полевок и играл с малышом Борькой, шестилетним сыном хозяина. И на этот раз у кота даже не возникло мысли, что его бросили, оставили здесь сознательно, наплевав на его дальнейшую судьбу. Ну, забыли, может быть, в спешке, чего не бывает с людьми, ведь у них столько всегда забот, приедут, не сегодня, так завтра и заберут его с собой, в теплую квартиру, где его ждет мягкий коврик за кухонным шкафом и миска теплого рыбного супа. Но день пролетал за днем, а хозяева все не появлялись. И вообще, дачи совершенно обезлюдели. Люди, заканчивая осенние работы, все реже появлялись на своих участках. И однажды он почувствовал мертвящее дыхание надвигающейся зимы. Под утро третьей недели его бродяжьей жизни выпал первый снег, и замерзла вода в кадushке. Он сам лежал в втором этаже хозяйского домика, забравшись под какое-то тряпье, и в полудреме смотрел в окно на белый ковер, покрывший землю в считанные минуты, на кружащиеся в зловещем танце мохнатые снежинки, и понимал, что наступает конец. За эти три недели он страшно исхудал, шерсть клочьями свисала с его боков, торчали острые ребра. Он питался буквально, чем попало. По теплему времени еще удалось перехватить пару-тройку мышей. Хотя он страшно не любил их на вкус и всегда только ловил, прокусывал горло и оставлял в покое, выбирать на этот раз не приходилось. С отвращением он обглаживал каждую пойманную мышь до последней косточки, и с удовольствием после этого чувствовал, как к нему на время прибывают силы, возвращается бодрость и радость жизни. С наступлением холодов мыши тоже исчезли, и ему пришлось осваивать вегетарианский об-

раз жизни. Он жевал какие-то полусухие стебли и сморщенные листья, грыз корешки. В навозной куче иногда ему удавалось разрыть червя, и это был для него настоящий праздник. В поисках пищи он обшарил все близлежащие дачные домики, но ничего съедобного там не обнаружил. Он не уходил далеко от хозяйского домика, потому что несмотря ни на что, все же не оставлял надежды на возвращение хозяев. Часто ему казалось, что он слышит шум подъезжающей машины, но, подбежав к окну домика, где он последнюю неделю прятался от холодов, он в очередной раз убеждался, что никого около домика нет.

А сейчас он лежал у окна, равнодушно смотрел на первый снег и чувствовал, как уходят последние силы.

Ближе к полудню ему опять послышался какой-то шум рядом с дачей. Уже чисто машинально, с полнейшим равнодушием кот подполз к окну и взглянул вниз. У домика напротив действительно стояла легковая машина, но это не была машина хозяина. У хозяина машина серого цвета и гораздо новее. Эта же была синяя и выдавшая виды. У машины стоял мужчина в зеленой спортивной шапке и копался в багажнике. Что-то как будто кокнуло кота в самое сердце, и он, немея от слабости, спустился по лестнице со второго этажа и выполз через свой лаз на белый свет. Он сидел, свернувшись клубком, дрожал всем телом и смотрел на мужчину, который, погрузив что-то в машину, уже собирался уезжать. Открыл дверцу машины, но, случайно бросив взгляд на соседский домик, увидел замерзающего, худющего кота.

- Ты смотри, настоящий кот Базилио, - проговорил Горлов (а это действительно был он), - где же твоя лиса Алиса?

Здесь в воспоминаниях кота наступал обрыв, и следующий кадр начинался с момента, когда он лежал, растянувшись во весь рост на заднем сиденье теплой машины, и смотрел в спину подобравшего его человека.

Там, на даче он избежал верной смерти, но приобрел память ее приближения, ощущения ее близости. И это чувство возникло в нем снова, когда он в новой квартире выглянул из корзины. Он сразу попытался предупредить хозяина о грозящей опасности, которую он ощущал всеми фибрами своей кошачьей души, но тот ничего не понял, рассердился и запер его на балконе.

На балконе это гнетущее чувство непосредственной угрозы постепенно отступило, и он, окутанный дурманящими майскими запахами пробуждающейся природы, заснул и пропустил многое из происходившего позднее на кухне. Он проснулся лишь от дикого хохота своего хозяина и сразу понял, что, наконец, пришел и его час. Предчувствие его не обмануло, и все складывалось хуже некуда. Он смотрел сквозь оконное стекло на кровь на лице и животе сына хозяина, на лежащих у двери дочь и жену хозяина, на спину самого хозяина, на окровавленный нож в его руке. Хозяин в плену у темной волны, и теперь только ему, коту Базилио, из славной породы русских голубых котов суждено спасти и освободить его. И в его голове вспыхнул ослепительный яркий свет!

Кот заскочил на перила балкона, весь подобрался какжатая пружина. Сейчас это был комок стальных мускулов, маленькая торпеда, готовая к старту. И он стартовал!

За три коротких скачка вдоль перил он стремительно набрал скорость и, на полном ходу повернув на девяносто градусов, совершил мощный скачок в сторону окна. В полете подобрал под себя лапы и врезался в стекло лобной частью головы. Удар был настолько силен, что сначала первое, а за ним и второе стекло мгновенно покрылись трещинами и фонтаном разлетелись на мелкие осколки по ходу его движения.

Кот приземлился на край подоконника, не теряя инерции, оттолкнулся от него задними лапами и взвился в воздух. Он летел через всю кухню в фантастическом прыжке и конечной целью полета был его хозяин.

На излете траектории кот приземлился на его спину и вцепился зубами в основание черепа. Горлов пошатнулся и закричал страшным голосом. Он вскинул руки вверх и, согнувшись в трипогибели от боли, закружился на месте в нелепом танце.

За всем этим наблюдала Лена, которая, сидя рядом с лежащей в обмороке матерью, обернулась на звук бьющегося стекла. Она видела, что отец, как и брат несколько секунд назад, возвращается в этот мир, приходит в себя. Черты его лица разглаживаются, глаза светлеют. Она видела, что он пытается сбросить со своей спины вцепившегося мертвой хваткой кота, но ему никак не удается это сделать. Наконец, кот с окровавленной мордой отлетел в угол кухни, и отец, шагая, шагнул к нему, нащупывая рукой табуретку.

Но кот поднялся и мигом вскочил на подоконник. Он повернулся к людям, и Лена увидела, что теперь и кот не в себе. Глаза его горели мутным, хмельным огнем, он не узнавал глядевших на него людей и шипел, перебирая лапами. Казалось, он вот-вот сорвется с места и бросится на них, разорвет их в клочья. Но что-то его останавливало, в нем происходила какая-то мучительная борьба, и он не знал, что делать дальше. Но вот, он затряс головой, как будто пытаясь согнать с себя наваждение, медленно повернулся и ушел на балкон сквозь разбитое оконное стекло.

- Базилика, Базилика! - первой очнулась Лена и бросилась к окну. Она распахнула балконную дверь и вышла на балкон. Там никого не было. Она перегнулась через перила, глядяваясь в темноту. На асфальте, под окнами дома в слабом свете уличного фонаря темнела пятно. Это был их кот.

Она оглянулась и увидела, что отец присел на колени и поднимает Лешу, пытаясь рукой прикрыть рану на животе, из которой продолжала сочиться кровь, и шепчет помертвевшими губами:

- Скорую, скорую.

Во входную дверь кто-то долбил ногами:

- Откройте, сейчас же откройте!

Лена вошла с балкона на кухню, но у нее тут же помутилось в голове, заплелись ноги, и она в глубоком обмороке опустилась на пол рядом с матерью.

Московский скорый

Московский скорый прибывал на станцию Рассвет точно по расписанию в 17.32. Среди десятка ожидающих выделялся господин в светлой фетровой шляпе и строгом черном костюме-тройке, державший в руке огромный коричневый портфель из крокодиловой кожи. Несмотря на жару, его толстую шею с двойным подбородком туго стягивал накрахмаленный ворот белой рубашки с широким галстуком в благородную серую елочку. Картину дополняли сияющие ярким гляncем черные башмаки с давно вышедшими из моды острыми носами. Сам господин был чуть ниже среднего роста, этакий типичный барин из рассказа Чехова, невеста как очутившийся на маленькой железнодорожной станции поволжской провинции в самом конце двадцатого века.

Окружающий люд довольно равнодушно посматривал на импозантного господина, да и он сам не удостоивал их особым вниманием. Взгляд его глаз серого, стального цвета был на редкость холодным и надменным. Случайно наткнувшийся на его взгляд мужичок лет сорока пяти в клетчатой рубашке и потрепанных джинсах поежился и торопливо отвернулся, поперхнувшись дымом собственной сигареты.

Несуразная громадина поезда надвинулась на перрон и заняла собой все свободное пространство. Отбывающие суетились, искали нужный вагон, торопились занять свое законное место, предписанное купленным билетом.

У седьмого вагона одновременно очутились чеховский барин и мужичок в джинсах. Мужичок на полшага опередил господина и торопливо сунул билет проводнику, толстому, благообразному усатому мужчине, больше похожему на швейцара из хорошего московского ресторана. Барин поморщился, опустил руку с билетом и презрительно посмотрел в спину мужичка, который уже карабкался по крутой лестнице, оступаясь и обдирая об углы железных ступеней бока двух выдавших виды громадных чемоданов.

Затем господин спокойно вошел в вагон и проследовал к своему купе. Заглянув в него, он увидел, что мужичок с чемоданами уже здесь, и они оказались соседями-попутчиками. Господин вторично поморщился, но уже как-то мягче, и проговорил сочным, хорошо поставленным голосом школьного учителя:

- Добрый день!

В купе кроме только что вошедшего мужичка находились еще двое пассажиров - парень лет двадцати, типичный студент-очкарик, и бородатый, худой старик в возрасте далеко за семьдесят. Они сидели у окна друг напротив друга. Студент читал книжку, а дед равнодушно смотрел в окно на медленно проплывающие мимо - поезд уже начал свое движение - вагоны товарного состава, стоящего на запасном пути.

Мужичок в джинсах ко всему оказался еще и простуженным. Растолкав чемоданы по свободным углам купе, он долго сморкался в грязный носовой платок. Его занятие прервал лишь вошедший проводник-швейцар, который собрал деньги за постельное белье и предложил пассажирам чаю.

- Благодарю вас, - на это предложение откликнулся лишь чеховский господин, который уже снял шляпу и пиджак, и уютно вытянул ноги, переобутые в несколько аллюватые тапочки из светло-зеленого бархата.

Настроение господина заметно улучшилось. Он дружелюбно посматривал на своих молчаливых соседей по купе, и, казалось, прямо воспыпал горячим желанием завязать общий разговор. Куда только подевалось его высокомерие? От него не осталось и следа. Теперь это был благодущный, сияющий довольством, располагающий к себе человек средних лет с круглой, абсолютно лысой головой. И эта перемена в нем была столь быстра, разительна и неестественна, что простуженный мужичок в джинсах искоса недоверчиво поглядывал на него, явно ожидая какого-то подвоха.

Но лысый господин не замечал косых взглядов, нетерпеливо ерзал на своем сиденье и, наконец, обратился к попутчикам чрезвычайно наигранным, веселым и бесшабашным тоном:

- Ну, что же, давайте знакомиться. Путь долгий, как хотите, а молчать скучно. Познакомимся, поговорим, время и пройдет. Меня зовут Степан Степанович, а вас? - обратился он к мрачному старику у окна.

- Не такой уж он и долгий, путь-то, - явно неохотно, после долгой паузы ответил дед, - всего ночка одна и пройдет, и утром уже в столице будем. А имя мое - извольте, Николай Андреевич будет.

Его старомодная речь привлекла внимание студента, он внимательно взгля-

нул на старика из-под очков и снова уткнулся в книгу. Но неугомонный господин теперь уже обращался к нему:

- Что за книжку читаете, молодой человек, и как вас зовут, кстати?

- Книжка «Материализм и эмпириокритицизм», автор Ленин, а зовут меня Петя, - чрезвычайно быстро, как будто давно ждал именно этого вопроса, ответил студент и нервным движением захлопнул книгу, оставив, однако, ее в руках.

- Очень хорошо, - сказал, просяив, лысый господин, весьма довольный непонятно, правда, то ли вообще присутствием молодого человека в их обществе, то ли тем фактом, что тот читает дедушку Ленина.

- Ну, а вы что ж молчите, - продолжил он, добравшись, наконец, и до простуженного мужичка в джинсах, - вас как звать-величать?

Все то время, пока лысый господин вел свой разговор с другими пассажирами, мужичок беспомощно молчал, согнувшись в три погибели, вперив взгляд в пол и тупо водя указательным пальцем правой руки по своему колену. Весь его жалкий вид прямо-таки умолял, чтобы про него забыли, не спрашивали ни о чем, а самое лучшее было бы раствориться сейчас ему в окружающем воздухе, превратиться в невидимку из романа Уэллса. Но господин был неумолим, и вопрос свой задал и последнему соседу по купе.

И того как прорвало. Мужичок неожиданно выпрямился, глаза его засверкали, он лихорадочно шарил ими по сторонам, перебегая с одного лица на другое, как будто ища опоры на стороне для своей сумбурной речи. Из него буквально вырвался на простор, забурился и запенился словесный поток. Он привстал над сиденьем, наклонился вперед и раскачивался всем телом в такт произносимым речам. Казалось, мужичок совершенно не контролирует ситуацию, и его рот и голосовые связки начали жить своей, самостоятельной жизнью, полностью игнорируя волю хозяина:

- Алексей, меня зовут Алексей, можно просто Леша, если хотите. Еду в Москву, к сыну. Он у меня студент, учится в университете. Вот, везу ему кое-что из продуктов, да одежонку какую. В Москве, сами знаете, не купишь сейчас ничего, ужасно дорого все. А стипендия, смех, сто двадцать рублей, что за деньги? Вот и везу ему огурцов с огорода, помидоров, тушенки своей. Это мы свинью держали в прошлом году, тушенки наделали - двадцать банок! Очень выгодная вещь: вывалил на сковородку, картошечки добавил, поджарил быстренько - вот тебе обед и готов. А в столовой - разве еда? Дорого, а пустая еда, не сытная. Вот, я и везу сыну...

Во все время этого спонтанного монолога остальные три попутчика вели себя совершенно по-разному. Дед только и изглянул на беснующегося мужичка раз совершенно безо всякого интереса, как на назойливую, но безобидную муху, и продолжал что-то высматривать в окне. Молодой человек, наоборот, не отрываясь, напряженно глядел на оратора, раскрыв рот и даже пытаясь, впрочем, бесполезно, оставить что-то свое, сочувственное, между частоклопом непрерывно рождающихся фраз. Только лысый господин слушал мужичка терпеливо и с самым непринужденным видом, как будто иной тональности речи он и не ждал услышать. При этом он улыбался уголками тонких губ и иногда кивал головой то ли своим мыслям, то ли в знак согласия с произнесенными мужичком словами. Наконец, господин ловко вклинился в, казалось бы, бесконечный монолог соседа и как-то очень естественно прервал его течение:

- Спасибо, Алексей. Все было очень интересно.

И, удивительное дело, мужичок сразу же замолчал, успокоился, сел на свое место, опустил голову и продолжил выводить указательным пальцем хитроумные кружева на своей правой коленке.

На какое-то время в купе воцарилось молчание, неожиданное и тягостное

после только что отзвучавшей страстной тирады мужичка. В процессе возникшей паузы лысый господин оживленно переводил взгляд с одного попутчика на другого, и, при этом казалось, что он просто следует каким-то своим собственным канонам вежливости, не продолжая разговор сразу после окончания процедуры знакомства. На самом же деле, он уже давно выbral тему для будущего общего разговора, безусловно, с его точки зрения, всем интересную, и только вежливо выжидает минуту - другую перед ее озвучиванием. Остальные пассажиры в купе явно тяготились возникшим молчанием. Даже бородатый дед и тот почему-то грустно опустил голову и не поднимал глаз.

Неловкую паузу прервал вновь заглянувший в купе усатый проводник, предложивший на выбор чай или кофе. На этот раз заказ сделал только молодой человек, который, положив книгу на стол, сразу же отчаянно вцепился в чашку с огненно горячим кофейным напитком, полностью отключившись от окружающего мира.

И вот лысый господин, наконец, заговорил мягким, негромким голосом:

- Если позволите, я расскажу вам небольшую историю. Этот случай, который произошел со мной в юности, до сих пор не дает мне покоя, остается для меня неразгаданным и непонятным. Так вот, на старшем курсе университета мы с приятелем из соседней группы увлеклись картами. И не то чтобы только азартными играми, игрой на деньги, нет, не в этом дело, хотя и проиграть стипендию за вечер тоже, конечно, случалось. Мы просто от друзей, знакомых, знакомых знакомых узнавали все новые и новые карточные игры, уясняли правила и резались в эти игры все свободные вечера. Каких только игр тогда не прошло через наши руки - ведьма, хrap, толстуха, петух, козел и еще множество других с самыми необычными названиями и замысловатыми правилами. Добрались, в конце концов, мы и до кинга, преферанса, бриджа. Карточные игры почему-то обладали для нас необыкновенной притягательностью и очарованием. Летними вечерами мы сидели с приятелем в сарае - он с родителями жил в пригороде в частном доме - и при свете тусклой электрической лампочки до поздней ночи разбирали комбинации преферанса и бриджа. Но больше всего мы любили покер, за его фатализм, полную непредсказуемость, открытость судьбе и стечению обстоятельств, и в то же время всегда остающуюся возможность блефа, насмешки над судьбой, вероятности прыгнуть выше головы наперекор всему. Слабенькая «двойка» блефовавшего игрока могла побить могучий «флэш-рояль»! Это ли не истинное проявление духа жизни, господя?

Надо признать, рассказчик сумел увлечь слушателей своим неожиданным повествованием и рассеять туман неловкости, повисший было в купе. Даже дед поднял голову и рассеянно смотрел куда-то сквозь говорившего. Казалось, звуки голоса лысого господина мягко обтекают его старческие уши и улетают куда-то за окно, назад, вместе с дымком тепловоза, прибавляющего на спуске свой ход. Однако мягкая задумчивость, охватившая черты его лица, ясно показывала, что некая часть рассказа все же оседала в его сознании и пробуждала какие-то собственные мысли и воспоминания. Молодой почитатель философии Ленина отставил чашку с недопитым кофе и странным взглядом прошивал рассказчика, сжав побелевшими пальцами обеих ладоней виски. Он казался совершенно потрясенным услышанным. И это было немного странно, поскольку чего-то уж слишком удивительного и невероятного в рассказе пока еще явно не прозвучало. Истеричный мужичок в джинсах на всем протяжении рассказа как будто окаменел, глядя прямо в глаза лысому господину, который и сам не отводил взгляд. Поэтому создавалось впечатление, что он обращается с речью только к этому мужичку, как бы заискивая перед ним и стараясь донести до его сознания все тончайшие оттенки своей мысли. Даже тембр голоса рассказчика как будто из-

менялся в зависимости от малейших душевных колебаний слушателя, которые, хотя и в слабой степени, но все же отражались на его лице. В процессе рассказа эти два человека были связаны какой-то незримой нитью, что было вполне очевидно для любого постороннего наблюдателя.

- Однажды мы засиделись за картами до очень позднего времени, - продолжал господин, - так, что начало светать. Наступило то время суток, когда все вокруг становится зыбким, изменчивым и нереальным. Сон прошел, вокруг стояла густая, плотная тишина. Ни звука не доносилось с улицы, город спал. Четвертый час мы уже раскидывали покер, и я почти всегда стоял на проигрыше. Какой-то фатальный расклад преследовал меня сегодня. Мои комбинации никогда не поднимались выше «двойки», а чаще были просто по нулям, и приходилось сразу пасовать, не принимая предложенной игры. Такого чудовищного невезения со мной еще не было никогда, и я постепенно все больше нервничал и злился. Наконец, мне окончательно надоело это издевательство судьбы, я швырнул карты и поднялся, с трудом разгибая затекшие члены. Приятель с усмешкой глядел на меня, собирая карты со стола. И тут меня буквально пронзило какое-то удивительное чувство просветленности, осознания ясности законов всего происходящего вокруг меня. Я почувствовал, что все могу, и только не знал, на что обратиться мое возникшее могущество. Я бросил взгляд на руки приятеля и выхватил у него колоду покерных карт. Держа колоду в руке, я чувствовал ее, как живую. Каждая карта в ней имела неповторимый облик, обладала собственной неповторимой судьбой. Я знал это и ощущал эманацию буквально каждой карты из колоды всеми фибрами своей души. Повторяю, в тот момент я мог все и, наконец, начал действовать. Оборотившись к приятелю, я объявил, что достаю даму пик. Не глядя на колоду, я выхватил карту и бросил ее на стол. Это была дама пик. Затем я объявил даму треф и так же выбросил ее из колоды. Третьей последовала тем же путем бубновая дама, а за ней и червовая. Приятель вытаращил на меня глаза, не понимая, что перед ним происходит - то ли хитрый фокус, то ли вообще черт те что. Я чуть перевел дух и затем, предварительно объявив, одного за другим, вслепую достал из колоды обоих джокеров, потом королей и валетов. Я упивался собственным могуществом, и колода все худела и худела в моей руке. Я не сделал ни одной ошибки, вытащив из колоды последовательно все картинки! О, это сладкое чувство бесконечной власти над собственной судьбой!

Неожиданно дверь в купе приоткрылась, и в образовавшуюся щель заглянула круглая усатая морда проводника.

- Не желаете ли еще чаю, - как-то неуверенно произнес он, поняв, что встал в разговор и перебил рассказчика.

На этот раз чаю пожелал дед, который сразу склонился над чашкой и зафырчал на нее, пытаясь остудить принесенный кипяток.

А лысый господин молчал, остановленный неожиданным вторжением проводника. Опять повисла пауза, которую никто не решался прервать. Наконец, студент не выдержал и, моргнув двараза покрасневшими от напряжения глазами, спросил:

- А что было дальше?

Господин посмотрел на него и улыбнулся:

- Что было дальше, спрашиваете? Да ничего не было. Вдохновение исчезло, и мы с приятелем пошли спать. Скажу только одно, что такого больше со мной не случалось.

Мужичок в джинсах, дослушав рассказ, шумно выдохнул воздух из груди и закашлялся. Он качал головой, пытался что-то выговорить, но кашель не давал ему такой возможности, душил его и перекрывал горло. Кое-как расплекавшись, он поднял побагровевшее лицо на лысого господина и хриплым голосом произнес:

- А как это у вас ловко получилось, даму пиковую из колоды достать?

Но его вопрос повис в воздухе, потому что вдруг заговорил молодой человек у окна, любитель марксистско-ленинской философии.

- Однажды, это было в далеком детстве, - быстрым горячечным полуголосом-полушепотом проговорил он, - шел я вечером по улице родного городка. Куда, за чем шел - уже не помню. Да это и не важно, не в этом суть. Был май, все вокруг цвело. Солнце клонилось к закату, но еще было светло, лишь слегка померкли вокруг краски дня. Наш дом располагался в самом конце улицы, на отшибе. Чтобы добраться до него, нужно было пройти длинный ряд соседских домов. Этот путь я проделывал по несколько раз на дню, да и соседи по улице были все мне хорошо знакомы. В одном доме жил мой сверстник Пашка, в другом - Сережа, мальчик помладше, в третьем - еще кто-то. Впрочем, опять я не туда, отвлекся.. Так вот, иду я по этой улице майским вечером к своему дому и вдруг слышу за спиной какой-то шум. И не то что шум, а вроде как тяжелый топот чьих-то то ли ног, то ли лап. И он, этот топот, быстро приближается. Довольно странный, необычный был этот топот. В чем его странность - не могу уловить, только сразу же начинаю понимать, что оглядываться мне ни в коем случае нельзя. Что-то страшное случится, если оглянусь, я это знал наверняка. Что оставалось мне делать? Я припустился со всех ног по направлению к своему дому. Бегу, улепетываю, а топот сзади все приближается и приближается. Холодный ужас начинает сковывать мое тело, ноги деревенеют, я спотыкаюсь и чуть было не падаю в дорожную пыль. Мне начинает казаться, что кто-то дышит мне в затылок, я ощущаю прикосновение к своей спине чего-то холодного, липкого, осклизлого. Дом как будто застыл вдаль туманным миражом, не приближаясь, несмотря на все мои усилия. Я отчаянно перебираю ногами, пытаюсь ускорить свое движение, но, казалось, я нахожусь в каком-то густом вязком месиве, которое не дает мне вырваться, держит цепкими лапами. И, что характерно, на улице в это время не было ни одного человека! Улица была совершенно пустынной, несмотря на еще далеко не позднее время. Я помню уже, как влетел я через калитку во двор своего дома; как вломился в дом, перепугав мать...

И молодой человек, от волнения задохнувшись и сбив дыхание, замолчал, опустил локти на столик и снова сжал виски ладонями. Бородатый старик напротив смотрел на него, раздвинув губы в какой-то нелепой ухмылке. В ней причудливо соединялись, с одной стороны, явная насмешка над странным поведением молодого человека, испугавшегося безобидного шума за спиной и вообразившего себе невесту, с другой - очевидное, точное знание того факта, что, мол, на этот раз удалось тебе ускользнуть, милоч, ускользнул, сволочь, как это только тебе удалось. И другой раз будет совсем по-другому.

А за окном яркость картинки заметно поубавилась. На пронесившихся мимо пейзажах уже лежал налет вечерней тусклости. Заметно потемнело. В купе зажегся свет, и окно окончательно превратилось в темное квадратное пятно, по которому лишь иногда скользили искры электрических фонарей какого-то заброшенного полустанка.

Следующим заговорил дед, и речь его была размеренной, долгой и тягостной. После двух-трех произнесенных фраз следовала долгая пауза, в течение которой эти фразы зависали в воздухе и как бы постепенно растворялись в нем. Иногда, во время особенно длинной паузы казалось, что дед закончил свое повествование и продолжения больше не будет. Однако он возобновлял и возобновлял свою речь, и не было ей конца...

Дед вспоминал военное время, когда он еще совсем молодым пареньком партизанил в смоленских лесах. Однажды поздней осенью сорок второго, когда уже с деревьев облетела вся листва, и лес стоял голый и притихший в ожидании

первого снега, он с двумя товарищами из отряда попал в окружение. Их отсекали в небольшой осиновой рощице после неудавшейся попытки нападения на какого-то немецкого начальника, проезжавшего с охраной через места дислокации их партизанского отряда. В результате, скорее всего, утечки информации из отряда, фашисты знали о готовящейся диверсии и ожидали появления партизан. Очень быстро их точным ответным огнем была уничтожена почти вся группа нападения.

- Мы пытались проскочить через рощу и уйти в основной лес, но на пути оказалась засада, и кольцо замкнулось. Мы были обречены на гибель, точно так же, как только что полегли несколько десятков наших товарищей. Лес без листвы был удивительно прозрачным и хорошо просматривался на очень большое расстояние. Короткими перебежками от дерева к дереву мы пытались уйти, затеряться за темными стволами осин, но автоматные очереди слышались все ближе и ближе. Прямым попаданием в голову был убит один из нас, второй мой товарищ был тяжело ранен в грудь. На его губах показалась розовая пена, он умирал. Мы лежали рядом в какой-то канавке на остывающей земле, и вокруг свистели пули. Немцы нас засекли и нещадно поливали огнем этот участок леса. Все ближе слышалась их лающая речь. Товарищ сделал последний вздох и затих. Я остался один на один с подступающей со всех сторон смертью.

Осторожный стук в дверь опять прервал рассказчика. Все машинально повернули головы на звук, но никто в купе не входил.

- Ну, что же вы, входите, не заперто, - нервно проговорил лысый господин, выверенным жлобским движением осторожно ослабив узел галстука, врезавшийся в дряблый подбородок.

В течение рассказа старика его настроение снова почему-то кардинально менялось. Это опять был высокомерный, всем на свете раздраженный господин, который, казалось, только и ждал момента, чтобы на кого-то выплеснуть бурлящую внутри злобу. Только что он холодно смотрел на монотонно бубнящего деда, явно порываясь нахамить тому, а теперь из последних сил сдерживаемая ярость выплеснулась на назойливого проводника, приоткрывшего, наконец, дверь в купе.

- Вас что, приглашали? Не время еще, не время! - закричал он странными фразами каким-то визгливым, срывающимся голосом. - Что у вас, чай, так давайте, давайте, давайте.

Он выхватил у усача стакан с кипятком и вытолкал его враз из купе, чуть было не дав пинка под зад на прощание. Потом, тяжело дыша, сел на свое место и опять надулся, как индюк.

А дед, как ни в чем ни бывало, продолжал свой рассказ:

- У меня не было ни одного шанса выжить, мое положение было очевидно безвыходным. Смерть была не за горами. Но я очень хотел жить, я никак не мог представить себе, что через мгновение-другое все оборвется, исчезнет; останется лежать в грязи лишь мое тело, а меня самого уже не будет. Я изо всех сил не захотел умирать. И вдруг понял, что ничего со мной случиться не может! Это стало для меня настолько очевидным, что я даже испытал легкую досаду, почему не понимал раньше такой простой и очевидной вещи! Мгновенно исчезли куда-то все страхи, на душе стало удивительно легко и покойно. Я поднялся с колен, отряхнул ватник от налипшей лесной грязи и пошел сквозь кусты в сторону далекого, чернеющего леса. Что было дальше, не представляю. Наверное, немцы видели меня, когда я шел к лесу, продолжали в меня стрелять, наверное, это было так, не знаю. Я забыл про них, я поднялся над ними, я прошел сквозь них. В конце концов, не спеша, я дошел до леса, никого так и не встретив на своем пути, и вернулся в свой отряд.

Старик замолчал, теперь уже окончательно и повернул голову к темному окну. Там была абсолютная чернота.

- Что, теперь моя очередь? - проговорил вдруг мужичок в джинсах.

Его простуда куда-то исчезла, он произносил слова ровным голосом, безо всякой суеты и эпатажа, как некоторое время назад, во время знакомства. Но ответом ему было дружное молчание присутствующих. Причем каждый из попутчиков мужика молчал по-своему. Дед находился в задумчивом, полусонном состоянии, напоминающим транс на сеансе гипноза. Он отрешенно покачивал головой из стороны в сторону и шевелил губами, беззвучно проговаривая какие-то понятные ему одному слова. Молодой почитатель Ленина мизинцем левой руки ковырял поочередно то в левой, то в правой ноздре, пытаясь что-то выудить из недр своего носа. Он был так увлечен этим занятием, что, по-видимому, забыл обо всем на свете. Лысый же господин совсем слетел с катушек. Он затаился. Подозрительные взгляды, которые он бросал по сторонам, судорожная, моментальная реакция на любое движение в купе, поворот головы или изменение положения рук попутчиков, выражающаяся в чудовищных гримасах и мелких подергиваниях всех его конечностей, явно выдавали его неблагоприятное внутреннее состояние. Однако при всех его ужимках он не издавал ни звука и не вставал со своего места.

Мужичок в джинсах абсолютно невозмутимо, неторопливо и с достоинством оглядел соседей по купе, легко кашлянул и начал свой рассказ:

- Был я прошлым летом в командировке в Уфе, башкирской столице. На третий день, успешно закончив все дела, решил вечером напоследок сходить в ресторан, который находился тут же, на первом этаже гостиницы, где я проживал. Надо сказать, по роду своей деятельности мне приходилось часто бывать в командировках. И в какой бы город ни заносила меня судьба, я считал своим долгом выкроить один вечерок для того, чтобы посидеть в ресторане. Я вообще полагаю, нигде нельзя лучше понять душу города, как в местном ресторане. Здесь обычно царит присущий только этому городу колорит, пусть не всегда ярко выраженный и отчетливый, но внимательному взгляду, тем не менее, доступный. Присутствующая публика приносит с собой атмосферу той жизни, которой она живет, и я всегда с большим интересом впитываю эти новые впечатления.

В Уфе меня заинтересовали башкирские женщины. Это был, я вам доложу, интереснейший тип восточных женщин. В них своеобразно соединялись черты таджичек и индийских девушек, но также определенно присутствовала именно башкирская, оригинальная черта, которая выражалась не только в томной, завораживающей округлости форм, покатоности плеч и волшебном сиянии черных глаз, но и в каком-то странном сочетании мятежного духа древнего кочевого народа и восточной женской покорности, покладистости и уравновешенности во всем.

Я прошел за свободный столик с твердым намерением попытаться разобраться в загадке женской башкирской красоты, лучше ее понять и, чем черт не шутит, поближе познакомиться с хорошенькой башкирочкой. Но не прошло и пяти минут с момента моего появления в ресторане, как подошедший официант, называя по имени (откуда в этом городе, где я был в первый и последний раз, кто-то мог знать мое имя?), сообщил, что меня ожидают на выходе.

Выбравшись на свежий воздух из душного зала и оглядевшись, я увидел, что ко мне по широким каменным ступеням парадного входа подходит девушка. Рассмотрев ее вблизи, я вздротнул от неожиданности. Неввероятно, но внешне эта девушка была совершеннейшим эталоном башкирской красоты! Чуть полноватая, характерная фигура, черные, как смоль, волосы до плеч, чуть картошкой нос, овальное, немного скуластое лицо нежной, не отталкивающей смуглости, - все это соединялось в девушке удивительно гармонично. Она обратилась ко мне с каким-то вопросом и - это последнее, что я помню из той ситуации. Дальше идет обрыв, провал, полное затмение, чернота. В следующем кадре я уже нахо-

жусь в небольшой комнатке, оклеенной дешевыми старыми обоями с зеленым рисунком. На дворе ярко светит солнце, лучи которого с трудом пробиваются сквозь маленькое, зарешеченное окошко. Дверь не заперта. Выхожу и вижу, что это крохотный дачный домик, который окружен разнообразной садовой растительностью, кустами вишни, яблоневыми деревьями. Время - полдень. Как потом оказалось, это дачное общество расположено в двух часах езды от города. И я не помнил абсолютно ничего с вечера вчерашнего до полудня сегодняшнего дня! Вот тебе и башкирская красота после дождичка в четверг.

Мужичок в джинсах, наконец, закончил свой затянувшийся монолог, и опять в купе воцарилось молчание, нарушаемое лишь всхлипываниями лысого господина, постепенно переходящими в настоящий плач. Через минуту он уже ревел во весь голос, размазывая слезы по лицу, и бился в истерику, качаясь взад-вперед своим пухлым телом.

В дверь раздался стук, и послышался обеспокоенный и испуганный голос проводника, спрашивающий разрешения войти. Мужичок в джинсах открыл дверь и, впуская проводника в купе, остался стоять за его спиной, придерживая под локоть.

- Фенита ля комедия, господа! - торжественно проговорил дед, поднимаясь со своего места и выбираясь из-за стола.

За ним поднялись и остальные. В купе вдруг стало необыкновенно тесно от нагромождения стоящих человеческих тел. Усатый проводник растерянно вертел головой и пытался что-то сказать. Но час уже пробил, и участь его была решена. Со всех сторон к нему дружно потянулись руки и сдавили его горло. Выпущенные глаза, мгновенно побагровевшее лицо проводника и радостные, одухотворенные лица всех четырех пассажиров купе! Какое-то неземное блаженство осветило лица старика, молодого ленинца, лысого господина и мужичка в джинсах! Куда-то делось их мрачное, истерическое настроение. И у них неуволимо и странно начала меняться внешность, они все больше становились похожими друг на друга, приобретая общие черты.

Тело проводника обмякло и осело на сиденье. Над ним наклонился бородастый старик и ловко надкусил на его шею сонную артерию. Фонтанчик ярко-красной крови булькнул на месте укуса. Сделав несколько глотков, улыбаясь, дед уступил место молодому человеку. Капельки огненной жидкости, сверкали в его седой бороде, медленно скатываясь вниз. Молодой человек с горящим взором живо припал к горлу проводника, и, казалось, никакие силы в мире не заставят его оторваться от вожделенного угощения. Однако и он сделал лишь несколько глотков, уступив место следующему, лысому господину. Тот, бережно поддерживая усатую голову, неторопливо и торжественно принял к источнику драгоценной влаги, как будто совершая какой-то неведомый ритуал причащения. И мужичок в джинсах завершил круг, получив свою долю кровавого эликсира.

Четыре пассажира гордо восседали на своих местах в купе московского скорого согласно купленным билетам. В этих фигурах уже собственно осталось мало человеческого. Превращение завершилось. Их землистого цвета лица вытянулись и заострились, глаза и нос впали глубоко внутрь черепа, уши, наоборот, чрезвычайно удлинились. Они были одеты в строгие черные одежды свободного покроя, имели непропорционально длинные руки с перепончатыми когтистыми пальцами и короткие ножки, которые висели в воздухе, не доставая до пола.

За окном была абсолютная, испепеляющая мгла. Ни огонька, ни малейшего серого пятна на жирной и вязкой черноте. Московский скорый, набирая скорость, с яростным ревом вгрызался в пространство и уходил все дальше и дальше за горизонт нашего мира, в неведомые и страшные пределы. У него был свой путь.

Таракан

Эдик сегодня вышел на работу в ночную смену. Эта смена начиналась в два часа ночи и продолжалась до восьми утра. Служебный автобус делал круг по ночному городу, собирая работников атомного полигона, и к половине второго ночи доставлял их к проходной, откуда они разбредались по своим объектам.

Атомный Полигон находился среди лесного массива в нескольких километрах от города. Его построили в этих лесах еще в конце пятидесятых годов во времена того памятного марафона СССР-США, когда на повестке дня стоял вопрос - кто кого? - и проблемы атомной промышленности (наряду с космическими делами) были наиважнейшими в стране Советов.

Эдуард Саксаганский, белобрысый паренек лет двадцати пяти, под два метра ростом, но несколько изможденного вида, имел обычную, ничем не примечательную биографию. После школы закончил политехнический техникум, отдал свой гражданский долг, а затем и два года жизни отчизне путем добросовестного служения в рядах вооруженных сил, а затем устроился на работу на полигон оператором «горячей» камеры. Внутри этого массивного бункера из тяжелого бетона с окном из специального освинцованного стекла находились высокоактивные вещества, которые можно было перемещать только с помощью механических рук - манипуляторов. Не сразу до Эдика дошло, почему камера обзывалась «горячей», ведь температура внутри нее обычно была не выше комнатной. Это был специфический профессиональный жаргон, атомный сленг, если хотите. Если не побережешься, тебя так «подогреет», что обычный ожог будет за счастье по сравнению с этим «подогревом».

Эдик устроился на объект, где велись исследования изделий, которые, побывав в атомном реакторе, уже обладали сильной радиоактивностью. Звучит непривычно для уха рядового российского гражданина, еще непривычнее все это было на первых порах видеть самому и, соответственно, каждый рабочий день находиться в постоянном нервном напряжении. Светящиеся мертвым красноватым светом огромные квадратные окна «горячих» камер, блестящие механические руки-манипуляторы, белая лавсановая спецодежда персонала... Обстановка из фантастического фильма - ни дать, ни взять. Но, как это ни банально звучит, человек ко всему привыкает, скоро и Эдик привык, освоился, стал со всей этой экзотикой на ты. Только первоначальный страх никуда не исчез. Он скукожился, засел где-то глубоко внутри, но он сохранился, этот страх перед таинственной,

неощутимой ни одним органом чувств, а от того еще более пугающей субстанцией - Радиацией. Она была здесь повсюду, выглядывала из всех щелей и, как рысь в засаде, ждала своего часа. Люди подчинили ее своей воле, заперли в бетонные казематы, написали горы инструкций, но не поняли одного - ее нельзя было подавить совсем, окончательно и бесповоротно, так как она сама была целью и смыслом существования полигона. И, как будто зная о своем привилегированном положении, Радиация иногда испытывала терпение людей, показывала свои норовы. Новичкам в курилке обязательно рассказывали, например, о Матвеечке, который руками правил сильно облученную проволоку и остался без шести пальцев на обеих руках. Или о студенте-дипломнике, который где-то на рабочем месте умудрился так измазать радиоактивной грязью свою верхнюю одежду - джинсы и рубашку, что ее пришлось выбросить в отходы, а студенту - ехать домой в трусах, благо дело было летом.

Эдик по морозцу добежал от проходной до своего объекта, чертыхнулся, когда увидел, что крыльцо полностью занесено вечерним снегопадом, но тараном преодолел последнее препятствие и весь в снегу ввалился в вестибюль. Показал пропуск охраннику и прошел в санпропускник, где нужно было переодеться в спецодежду. Так было положено по инструкции: до прохода на рабочее место при полном переодевании ты должен сменить одежду, в которой приехал из дома, на специальную, белую, состоящую из хлопчатобумажной рубашки и кальсон и лавсанового комбинезона. Конечно, на рабочих местах всегда идеально чисто, эта чистота постоянно контролируется специальной службой и поддерживается ежедневной влажной уборкой. Но всегда остается шанс вляпаться в радиоактивную грязь либо по собственной глупости, либо по чьей-то небрежности.

В санпропускнике Эдик увидел Петровича, своего напарника по работе. Это был мужчина лет сорока пяти, какой-то весь помятый и плоский. Поведением в быту он удивительно напоминал своего тезку из «Джентельмен-шоу», однако на работу приходил (за редким исключением) достаточно трезвым. Но сегодня, похоже, выдался именно такой, исключительный день - Петрович вышел в ночную смену слегка навеселе.

Атомный полигон был режимным предприятием, на проходной которого стояли молодые люди с автоматами Калашникова и внимательно смотрели в глаза проходящим на работу, одновременно пытаясь уловить запах перегара. Это было своего рода единообразие, счастливый победитель которого получал право пройти на рабочее место, а проигравший - отправлялся домой протрезвляться, получая прогул. Работнику со стажем, такому как Петрович, молокосос с автоматом, конечно, не помеха, тем более, при выходе в ночную смену, когда охрана сама как сонные мухи. Пожевал сырой картошки или, еще лучше, мускатного ореха - и нет тебе никакого запаха изо рта.

Ночная смена - особая, в ночное время работников гораздо меньше, чем днем, и на них лежит дополнительная ответственность. По инструкции в ночную смену положено выходить на участок не менее двум работникам. Эдик неплохо сработался с Петровичем, который был опытным оператором и многому его научил. Поэтому начальство часто его, молодого, ставило в одну смену с более опытным оператором. А без наставника, особенно в первое время, на такой работе просто не обойтись - слишком серьезными могут оказаться последствия ошибки, совершенной по незнанию.

Сегодня степень опьянения Петровича была не очень значительной и выражалась лишь в повышенной яркости глаз да излишне критических высказываниях в адрес Путина. Эдик уже знал, что политические взгляды Петровича довольно сильно зависят от количества принятого на грудь. При нулевом количестве, особенно с приличного бодуна, он почему-то явно тяготел к крайне левым (материл Зюга-

нова за ревизию Ленина), при норме - был ярым центристом-лужковцем, при дальнейшем повышении дозы - уходил все дальше вправо и, будучи на рогах, - уже объяснялся в любви к Чубайсу с Немцовым. Поэтому легкая критика Путина означала совершенно незначительный перебор и вполне работоспособное состояние Петровича. Это не могло не радовать, так как испытания облученных образцов были довольно сложным процессом, который Олег еще не освоил до конца, и опыт Петровича вполне мог сегодня пригодиться.

Неожиданно Петрович прервал на полуслове вихидные рассуждения на тему головоруководительной карьеры Путина и начал брезгливо трясти лавсановый комбинезон:

- Ты посмотри, Эдуард, таракан. Да какой жирный!

И в самом деле, из рукава комбинезона выпал необычно крупный таракан черного цвета и шустро понесся по желтому пластиковому полу в укрытие, под металлическую стойку с тапочками.

- Что-то их много развелось в последнее время, - продолжал Петрович, - вроде и жрать тут особо нечего, а ведь плодятся, суки.

Эдик с трудом удержался от желания раздавить мерзкое насекомое и внимательно осматрел свою одежду, нет ли еще кого в складках. Больше тараканов не было, что очень порадовало, поскольку он, как и большинство людей, терпеть их не мог. Тараканы вызывали в нем чувство глубокого отвращения всем своим видом, бесцеремонным и зачастую нахальным поведением. Появление тараканов в квартире всегда означало только одно - антисанитарию, запущенность жилья, безалаберность хозяев. Но что им делать здесь, на предприятии далеко не общепитовского направления, где съестным и не пахнет - это действительно вопрос. А ведь их стало в последнее время больше, это без сомнения.

- Ты что, заснул? - веселый голос Петровича вывел его из оцепенения.

Эдик отвел взгляд от таракана, который скользнул под стойку, и похлопал Петровича по плечу:

- Пока нет, и тебе не дам, не надейся.

Добравшись до своего участка, они распределили обязанности. Эдик пошел к камере включать электропитание установки, а Петрович все-таки решил прямо за рабочим столом слегка вздремнуть до начала испытаний.

Эдик стоял у квадратного окна «горячей» камеры и смотрел внутрь. За толстым оранжево-красным стеклом в центре камеры стояла внушительных размеров установка для механических испытаний облученных образцов. Эдик взял за манипуляторы и поместил образец в захваты установки. Затем закрыл дверцу и включил тумблер начала откачки вакуума.

Движения его были размеренными и в то же время быстрыми, точными. Он прекрасно освоил технику работы с манипуляторами. Здесь важна была именно точность движений и, конечно, терпение, терпение и еще раз терпение повторить несколько раз какое-либо движение при неудачной попытке. Иногда приходилось работать с совсем миниатюрными образцами, которые и на письменном столе-то, собственными руками нелегко поместить в узкий паз захвата. А что говорить про работу полутораметровыми механическими руками с двумя неуклюжими плоскими пальцами? Первые месяцы приходилось часами стоять у камеры и отрабатывать тот или иной маневр, но это стоило затраченных усилий, так как теперь Эдик делал все быстро и, выполнив задание, даже выкраивал время для посторонних дел.

Петрович, полулежа за столом, не подавал признаков жизни. Эдик развернул принесенную с собой свежую газету «Спорт-экспресс». Пока в установке шла откачка вакуума, у него было свободное время, которое можно использовать по своему усмотрению. Он уже приспособился к подобному ритму трудо-

вой деятельности и всегда брал с собой на работу почитать что-нибудь интересное. Эдик относился к типу людей, которых называют азартными болельщиками. Он и сам в школьные годы занимался различными видами спорта - баскетболом, футболом, лыжами. Выступал за школьную баскетбольную команду, но этим его спортивная карьера и закончилась. В результате он пополнил ряды особо азартных профессиональных болельщиков.

Сейчас он читал статью о проблемах российской сборной по футболу, которая недавно сделала роковую для себя ничью с хохлами и не где-нибудь, а в Москве, на своем поле. Не видать теперь чемпионата Европы как своих ушей. Филимонова надо гнать в шею из сборной за такую пенку! А где молодежь, где новые нападающие? Панов только и сыграл, что с французами на их поле, это так, этого у него не отнимешь. Но надо играть постоянно на таком уровне, если ты профессионал, в конце-то концов!

Эдик углубился в чтение газеты и отключился от всего окружающего. В ночной тишине операторского помещения раздавалось лишь тихое жужжание щита управления установкой и монотонное, низкое гудение спецвентиляции. Да Петрович сопел где-то рядом, под боком.

Внезапно раздался посторонний звук. Эдик отчетливо услышал со стороны камеры характерное металлическое позвякивание, которое издавали при работе манипуляторы. Он поднял голову и уловил движение одной из механических рук, которая как будто слегка сдвинулась с места. Эдик протер глаза и посмотрел внимательнее. Однако не увидел ничего интересного и снова углубился в чтение газеты. По-видимому, манипулятор соскользнул с опоры и звякнул, занимая более устойчивое положение, такое иногда бывает.

Прошло еще несколько минут. Эдик, борясь со сном, упорно изучал интервью Евгения Кафельникова, который хвастался огромными гонорарами, полученными за прошедший сезон на кортах мира.

Пошел уже четвертый час ночи, самое неприятное время ночной смены, когда наваливается тягучее сонливое состояние, которое нужно перебороть и перетерпеть. Иначе нельзя, ведь еще не проведены запланированные испытания. Вот, когда будет выполнено сменное задание, тогда можно расслабиться и соснуть часок-другой.

Неожиданно сильный металлический стук со стороны «горячей» камеры заставил Эдика вздрогнуть и отбросить газету. Он повернулся и увидел, что один манипулятор трясется как в лихорадке, совершая колебательные движения вверх-вниз относительно окна камеры. Это было настолько непонятно, настолько выпало из ряда обычного, что Эдик совершенно растерялся. Что-то неладное происходило с установкой, это очевидно, но почему движется манипулятор? Он взглянул на щит управления, но не заметил каких-либо изменений. Все параметры были в норме, установка практически готова к проведению испытаний. Но что-то явно было не так, и в этом предстояло срочно разобраться.

Эдик поднялся из-за стола, подошел к окну камеры и заглянул внутрь. В первое мгновение он не заметил ничего необычного, зялся за подозрительный манипулятор и попытался сдвинуть его с места. Не тут-то было. Манипулятор был прочно зафиксирован где-то внутри камеры. Эдик вглядывался в багровый сумрак, но никак не мог разглядеть, что же держит манипулятор там, за стеклом. Окончание механической руки уходило за установку и было вне поля видимости, где-то там, по-видимому, и заклинило.

Тогда Эдик навалился всем телом и с силой толкнул манипулятор вперед в надежде освободить механическую руку.

И тогда произошло неожиданное.

Манипулятор легко преодолел его усилия, резко двинулся навстречу и стол-

кнулся с ним. Удар пришелся в бок и голову. Он был настолько мощным, что Эдик вскрикнул от боли и повалился на пол.

- Что там? - раздался сонный голос Петровича.

Эдик ошеломленно поднялся, косясь в сторону камеры и потирая лоб:

- Похоже, Петрович, здесь барабашки завелись. Иди, посмотри.

Петрович вразвалку подошел к камере, заглянул в окно и отшатнулся:

- Бог ты мой! Чертовщина какая-то. Там кто-то есть!

Эдик выглянул из-за его плеча:

- Кто там может быть, Петрович. Ты уж совсем...

И проглотил окончание фразы. Из полумрака камеры в упор, прямо на них глядела уродливая морда черного цвета размером с хороший арбуз. Она выглядывала из-за установки, поводя огромными усами, свисающими до самого пола. Существо опиралось одной мохнатой лапой на установку, а второй - цепко держало манипулятор. Весь его внешний вид был насколько необычен, настолько подозрительно сильно кого-то напоминал, кого-то очень знакомого.

- Таракан, Петрович, это таракан! Но какой огромный! - Эдик вытаращил глаза и, не отрываясь, смотрел в окно камеры. Петрович же вообще превратился в безмолвного истукана и только беззвучно открывал и закрывал рот, как рыба, выброшенная на лед во время зимней рыбалки.

- Но как это может быть, Петрович? Ведь в камере такая радиация, как же он там живет?

Но эти, вполне логичные и естественные вопросы Эдика повисали в воздухе без ответа. Петрович никак не мог выйти из транса, усугубленного похмельным синдромом. Он лишь хлопал глазами и не мог произнести ни слова.

А существо не намерено было терять времени даром. Оно отшвырнуло в сторону манипулятор, который с глухим стуком ударился о боковую стену камеры, присело и ухватилось за основание установки. Эдик буквально физически ощутил, как напряглось существо в попытке оторвать установку от пола. Но это оказалось ему явно не под силу, поэтому таракан поднялся и отступил к задней стене.

- Откуда же он взялся здесь, внутри камеры? - сформировался очередной рациональный вопрос в голове Эдика.

А вот на этот вопрос ответ, похоже, существовал и, к счастью, тоже рациональный.

В ногах у таракана на задней стене камеры чернело большое квадратное отверстие. Люк транспортера, на котором осуществляются перевозки радиоактивных веществ между камерами, был открыт настежь. Сорванная с петель дверца с поломанным пневматическим замком валялась рядом.

Казалось, таракан находился в растерянности и не знал, что ему делать дальше. Он поворачивал голову и оглядывал камеру, не обращая никакого внимания на двоих зрителей, которые сквозь окно, не отрываясь, следили за каждым его движением.

Наконец, по-видимому, не обнаружив больше ничего любопытного для себя в этой камере, таракан опустил на передние лапы и полез в люк транспортера вон из нее.

- Эдик, быстро звони на центральный пульт дежурному, у нас ЧП! - Петрович, наконец, пришел в себя и решительно приступил к действиям.

- Кому звонить, Петрович, ты что? Что я ему скажу, что таракан в «горячую» камеру забрался? Да не простой таракан, а гигантский? Ты в своем уме?

Петрович чесал в затылке и молча соглашался. Звонить бесполезно, Эдик прав, слишком невероятным было событие. Не поверят, поднимут на смех, а

хуже того - скажут, пьют на рабочем месте, вот и мерещатся всякие чудища. А это совсем ни к чему, до пенсии далековато, еще работать и работать. Нет, звонить пока никуда не нужно. Но и ждать у моря погоды тоже ведь не годится. Кстати, куда уползла эта тварь?

- У него только два пути вдоль ленты транспортера, - предельно логично рассуждал Петрович, - либо налево, либо направо. Пойдет налево - попадет в хранилище радиоактивных изделий, направо, направо - он через препараторскую комнату может выбраться наружу, сюда, к нам!

Они переглянулись и, не сговариваясь, ринулись к препараторской, куда выходил тоннель транспортера.

Дверь в комнату была закрытой. Петрович в быстром темпе достал связку служебных ключей, вставил нужный ключ в замок, но остановился и посмотрел на Эдика. За дверью была полная тишина. Но это ни о чем не говорило, таракан мог затаиться в засаде и ждать своего часа. А таракан, судя по всему, представлял серьезную опасность. Во-первых, значительная физическая сила. Вывороченная с корнем дверца транспортера что-нибудь да значила. Во-вторых, радиоактивность. Из «горячей» камеры нельзя выбраться чистым, не запачкавшись в радиоактивной грязи. Да и вообще непонятно, что это за существо, может, оно ко всему прочему еще и плотоядное?

И все же Петрович преодолел свой страх, решился и резким движением толкнул дверь. За ней никого не было. Они сунули головы в дверной проем, включили внутри свет, огляделись, но никого не обнаружили.

Значит, остается хранилище радиоактивных изделий. Там ведь лежит столько облученного барахла, что он может натворить такого!

Они рванули к окну хранилища. Да, таракан был там, и чувствовал себя вполне по-хозяйски. Он деловито, на задних лапах прогуливался вдоль стеллажей, на которых лежали облученные изделия в виде стержней. Радиация силой в тысячи рентген пронизывала его, а ему было хоть бы что. Как же так? До Эдика, наконец, дошла вся нереальность, абсурдность происходящего. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда! Господи, откуда он свалился на нашу голову?

Вдруг таракан остановился около одного из стеллажей.

- Что он там делает? - Эдик до боли в глазах всматривался в оранжевый полумрак камеры.

- Что, что, берет стержни, вот что, сгребает в кучу, - Петрович стоял за его спиной и безуспешно пытался подавить нервную зевоту.

Действительно, таракан, как поленья, сгреб в охапку радиоактивные стержни с одного стеллажа и понес их к другому, в глубину камеры. Свалил их в одну кучу и двинулся к третьему стеллажу. Сгреб стержни оттуда и потащил назад, все к той же куче, которая заметно увеличивалась в размерах.

И тут до Эдика дошло:

- Петрович, бежим! Эта скотина собирает критическую массу. Сейчас ша-рахнет!

Но бежать было уже поздно. Вокруг один за другим на мощный всплеск радиации срабатывали дозиметрические датчики, звучали пронзительные трели звонков, тревожно мигали багрово-красными сигнальные лампы. Через двадцать секунд после момента срабатывания пороговых датчиков оглушительно завывала аварийная сирена. И началось.

...

Из статьи «Загадочная трагедия» («Комсомольская правда», 20 января 2000г.), спец. корр. Г.Суслопаров:

Произошедшее месяц назад на одном из объектов Атомного Полигона продолжает оставаться в поле зрения средств массовой информации и обрастает все новыми слухами, подчас довольно нелепыми. Хотя, надо признать, заявления некоторых официальных лиц производят противоречивое впечатление и отнюдь не способствуют прояснению ситуации. Государственная комиссия, в которую вошли многие ведущие специалисты атомной науки, готовит свое заключение. Мы попросили ответить на наши вопросы одного из членов комиссии, известного ученого, академика А.П.Загородкина.

- Как вы прокомментируете случившееся, что могло быть причиной этого трагического события?

- Действительно, инцидент на Атомном Полигоне заставил нас обратить самое пристальное внимание на проблемы атомной энергетики. Я не согласен с теми, кто называет эти события вторым Чернобылем, это, безусловно, не так. Окончательное заключение об их причинах сделает государственная комиссия, которая уже приступила к работе. Я же выскажу лишь свое, во многом предварительное мнение. Авария, приведшая к нескольким человеческим жертвам, произошла не на реакторе, а на объекте совершенно безопасном в радиационном отношении. В произошедшем нет иной причины, как халатность обслуживающего персонала, которая и привела к вспышке радиации.

- Что вы можете сказать по поводу слухов, которые оживленно муссируются в средствах массовой информации, о том, что на месте трагедии, прямо в хранилище радиоактивных стержней, якобы было обнаружено тело какого-то непонятого животного, погибшего от радиации?

- Со всей определенностью могу вам заявить, что мне ничего об этом не известно. Чепуха все это.

- Допускаете ли вы возможность прохождения в условиях воздействия высоких доз излучения быстрой мутации биологического организма, которая привела бы к его серьезному, качественному изменению, например, значительному увеличению размеров?

- Я, конечно, не специалист в этой области и могу лишь высказать свою точку зрения. Думаю, что это абсолютная чушь. Подобные мутации возможны только под воздействием малых доз излучения, но и тогда они протекают очень медленно, на протяжении нескольких поколений, не приводя к существенным изменениям мутируемого организма.

- Спасибо за крайне интересное и содержательное интервью.

Борис АРЖАНЦЕВ
**МАЛАЯ
РОДИНА**

СИМБИРСКАЯ ВЕТВЬ РОДОСЛОВНОЙ РОССИИ

В культурный и научный оборот впервые вводится понятие генеалогического памятника истории и культуры, под которым понимается родословие как отдельной личности, семьи, разветвленного рода, так и целых населенных пунктов от деревень до городов включительно, что противостоит укоренившемуся изречению «Иваны, не помнящие родства».

Для «Симбирской ветви родословной России» (эта тема в 1997 году получила поддержку Комитета по Культуре Государственной Думы, а в 2000 году поддержана РГНФ грантом

№ 00-01-00461 а (в) на примере города Инза и рабочего поселка Карсун Ульяновской области (бывшей Симбирской губернии) по историко-архивным, библиографическим и современным данным составляются алфавитные справочники за 1897 - 1917 годы по населению, а также отдельные родословные книги.

Родословные книги целых населенных пунктов и отдельных семей создаются как самостоятельные произведения и как примеры своеобразных пособий для индивидуального поиска свих предков всеми желающими.

Время с 1897 года, когда в России была проведена первая всеобщая перепись населения, принимается за условную «точку отсчета», а время начала XX века вплоть до 1917 года, как завершающая дата, соответствуют периоду, когда жили наши пращуры, прапрадеды, прадеды, деды и многие сведения о них еще сохранились в архивах, хранилищах и у частных лиц.

Может возникнуть вопрос: почему же до сих пор такого вида памятника не было прямо указано в отечественном законодательстве я ему не придавалось столь важного значения?

Во-первых, длительный период в истории России был связан с крепостничеством, что являлось существенным сдерживающим фактором для разработки и утверждения любого законодательства, касающегося всеобщего составления родословных. Расхожее мнение о том, что владение холопом наследственно, а быть холопом - потомственно, не стимулировало занятие своей родословной лиц простого происхождения.

Во-вторых, после 1917 года в России была развернута классовая борьба, в условиях которой выявление принадлежности к сословию помещиков и буржуазии нередко являлось достаточным основанием для репрессий и гонений.

Все это являлось важнейшим препятствием для составления родословных. Но и после упразднения дворянства и буржуазии с их привилегиями генеалогия не стала всенародной, не была оценена по достоинству, а признана всего лишь вспомогательной исторической дисциплиной. Ее применение в основном ограничивается кругом видных политиков, ученых, творческой интеллигенции и т.п. Известный отечественный мыслитель Н.Ф.Федоров (1829-1903) писал: «Знание истории выдающихся личностей человек присваивает себе, а приходские истории представляют ведению Бога, потому, конечно, что последнее труднее».

Сложившуюся ситуацию в культуре России можно охарактеризовать как посткрепостническую и постклассовую, в целом благоприятную для перехода от родословной в ее стихийном состоянии со всеми ограничениями к разумной родословной, доступной всем желающим. Только выявленное, зафиксированное и осмысленное может сохраниться и принести пользу современникам и потомкам, в том числе, в части здоровья.

Известно, что немалый процент фондокоек в мире занято в больницах страдающими различными наследственными заболеваниями. До сих пор не существует «Красных Книг» вымирающих человеческих родов с анализом причин и следствий этого грозного явления.

По многим памятникам истории и культуры невозможно установить авторство, что обезличивает многие произведения техники, науки и искусства. Все это в целом разрывает прямую связь и преемственность между поколениями, лишает молодежь высокого чувства гордости за своих предков, а также возможности сохранить и приумножить лучшие достижения и традиции своего рода.

Генеалогический памятник истории и культуры является не только самым распространенным в культурном наследии страны, но и все остальные виды памятников, включая часть природных, находятся в прямой зависимости от него.

Симбирская ветвь Родословной России - это только начало целой серии под названием «Генеалогический Свод России», в которую войдут Московская, С.-Петербургская, как и любая другая ветвь «Родословной России».

Автором завершены рукопись книги и исследования по первому периоду формирования города Симбирска, который с конца XVIII века стал называться Симбирск, а с 1924 года Ульяновск. Ее название: «От Нищего до Воеводы, или Кто есть кто в Симбирске второй половины XVII века». В основе рукописи все жители города периода его основания, включая данные о их профессии, служебном и семейном положении, а главное - их имена, отчества, прозвища, дедичества, фамилии и т.д., что составляет своеобразный мемориальный «ИМЕНОФОНД» жителей города-крепости на Волге, основанного в 1648 году.

В заключение приведем ряд мудрых изречений знаменитых предков и известных современников о значении родословных в

жизни личности и общества, сохранении семейных традиций поколений, соблюдении обычаев и преданий, а также нравственных основ, передающихся от старших к младшим, от одного поколения к другому.

«А пишу Вам се слово того для, чтобы не перестала память предков наших и наша, и свеча бы родовая не погасла». (Из духовной грамоты великого князя Симеона Гордого).

«Знание биографии предков составляет одну из главных сторон самосознания, и кто не дорожит памятью их, тот сам забудется своими потомками». (Русский Архив, 1871 год).

«Время закрепляет усвояемое наследие новой нравственной связью, историческим преданием, которое, действуя из поколения в поколение, претворяет наследуемые от отцов и дедов заветы и блага в наследственные свойства и наклонности потомков». (В.О. Ключевский. Курс русской истории).

«Человеческая личность, как все в окружающем нас мире, не есть случайность, а создана долгим ходом прошлых поколений». (В.И. Вернадский).

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие». (А.С. Пушкин).

«Я русский дворянин, и я знал своих предков прежде, чем узнал Байрона... Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы то ни было демократической ненависти к дворянству... Конечно, есть достоинство выше знатности рода - именно достоинство личное. Я видел родословную Суворова, писанную им самим. Суворов не пренебрегал своим дворянским происхождением. Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные. Но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами?» (А.С. Пушкин).

И.В. Гете на вопрос о цели жизни ответил: «Чтобы пирамида моей жизни, основание которой было заложено еще до меня, поднялась как можно выше».

«Многое можно было бы объяснить, если бы мы только знали нашу подлинную генеалогию». (Густав Флобер).

Наряду с теоретическими работами, а также практически исследованиями и составлением родословных книг автором совместно с руководством Ульяновского дома народного творчества и Средневожского научного центра организуются курсы подготовки специалистов по генеалогии.

Константин РАССАДИН

СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ
КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

Константин Федорович Рассадин родился в 1948 году на Саратовщине в селе Улыбовка. Русский. Воспитанник детского дома. В 1972 г. по путевке ВЛКСМ был направлен на строительство Волжского автомобильного завода. Тогда и начал писать. В 1984 г. участвовал в работе Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве, занимался в семинаре Анатолия Сафронова.

Лауреат молодежной республиканской премии, автор нескольких поэтических книг и публикаций в журналах «Огонек», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Волга», альманахе «Поэзия».

Член Союза писателей России. Лидер тольяттинской городской писательской организации СП РФ. Живет и работает в г.Тольятти. Как ветеран АвтоВАЗа, естественно, с кураторской миссией не раз бывал на ДААЗе в Димитровграде. Именно поэтому Рассадин приглашен к публикации в «Черемшане».

Рассказы из Тольятти МАТЬ-ОДИНОЧКА

Шестилетняя Машка бегала по песчаному мелководью обмелевшей речки. Пухленькая, голубоглазая коротышка с белесыми коротенькими косичками, торчащими рогаткой на затылке, она приседала в теплую воду и выковыривала со дна ракушки. Набрал их полную ладошку, косолапила по горячей береговой зализине, складывала добычу возле ног дремавшей в шезлонге матери и вновь устремлялась к воде.

Июльская духота ничуть не спала к вечеру. Шел тот особый час летнего времени, когда даже шустрые выносливые воробьи, слетевшись к речке, прятались в редком кустарнике от неумолимого солнца. Люди же скрывались от него под натянутыми на колья или привязанными к кустикам тряпками.

Если бы главврачу курортного санатория вздумалось выяснять, куда подевались из душевных комнат его обитатели, то достаточно было выйти из кабинета на балкончик и обозреть с трехэтажной высоты низинку возле речки: повсюду белели простыни с зелеными полосками по краям и чернильным штампом «Солнечный с.». Да и кто из местных мог отчудить такое, чтобы весь берег Каменки занавесить постельным бельем?

Не могла допустить такую роскошную наглость и дремавшая в качалке женщина - мать той самой девочки, что усердно вылавливает речные игрушечные ракушки. Она и дочь приехали в этот санаторий «дикарями»: не каждой же может обломиться путевка в самый разгар курортного сезона. Есть

и другой способ поправить свое здоровье и отдохнуть: купить здесь же так называемую «курсовку», дающую право на лечение и питание, снять поблизости к санаторию квартиру - вот и все муки, связанные с добыванием санаторно-курортной путевки, и не надо кланяться и кланчить на производстве, умоляя зажившего профсоюзного босса помочь тебе.

- Машка, хватит в воду лезть! - очнулась от послеобеденной дремы Мария. - Кому сказала, вылазь. Скоро на процедуры.

Девочка сразу послушалась. Мама у нее строгая. Девочка самостоятельно натянула на мокрое тельце сарафанчик. Помогла матери свернуть суконное старое одеяло, на котором, по идее, она должна была загорать, подхватила его на руки. Подождала, пока мама стянет в узел рассыпанные по плечам черные волосы, и зашагала рядом с ней, забыв про ракушки, оставшиеся лежать кучкой на берегу.

Они туськом потянулись вверх по тропинке - два внешне совершенно не похожих друг на друга человечка: худощавая, болезненная Мария, вся какая-то мрачноватая, видимо, от смуглой кожи и цвета волос, и светленькая, едва покрытая летним загаром девочка-толстушка.

Ненаблюдательному человеку и в голову не придет, что эти индивидуумы женского пола связаны накрепчайшими узами родства. Нужно очень внимательно присмотреться к ним, и тогда вдруг обнаружится, что у девочки и женщины глаза горят одинаковым звездным неброским сиянием, лица освещаются похожими улыбками. Но, когда солнце такое яркое и пронзительное, прицельно бьет по глазам, всего этого не увидишь.

Лишь разговорившись с ними, уловишь, что в речи у них одинаково теряется буква «р». В остальном же, ну хоть паспорт и метрику предъявляй, чтобы не усомниться в том, что они мать и дочь.

Возможно, по этой причине и назвала Мария дочку своим именем: станут называть их люди «Мария Большая» и «Мария Маленькая», а это уже постоянная сопричастность и близость их друг к другу.

Мария Большая досадует:

- Надо же вся в Кольку уродилась! Тот словно после кипячения и стирки, и эта такая же беленькая, чистенькая.

После этих мыслей обычно ей становится нехорошо, напряженно, к горлу подступали слезы, в душе снова скапливалась злость и обида.

После родов Мария стала часто прибалывать. Ломило поясницу, ноги не слушались: все время искала место, куда бы присесть. Такие боли в коленных суставах, порой даже вскрикнешь невольно. Муж сначала косился, хмурился, затем оскорблять и насмехаться стал - инвалидкой звал. Любви между ними и до рождения дочери не много водилось.

Так и пошло-поехало: слово за слово, и докатилось до драчки. Когда дочка тоже стала жаловаться: «Мамочка, ножки болят!» - трусливый и самолюбивый Николай тайком собрал вещички и отбыл в неизвестном направлении. За четыре года овдовевшей таким образом Марии от бывшего мужа ни весточки, ни алиментов: как будто его на белом свете давно уже нет.

На расспросы девочки: «Где папа? Скоро ли вернется?» Мария Большая жестко отвечала: «К бабушке уехал. Ты о нем, Машка, не вспоминай, папка твой никогда не вернется».

Мария Младшая мало чего поняла из объяснения матери, она лишь знала наверняка, что ее добрую бабушку спрятали в огромный красивый ящик и

куда-то насовсем увезли. Все тогда плакали, а Мария Большая выкрикивала на высокой ноте страшные слова.

- Ой, мамочка! Ой, прости! Ой, не забирайте ее у меня!

Очень громко кричала...

А вообще-то, девочка давно привыкла к тому, что кроме мамы у нее никого нет. Никто кроме нее не будил Машку по утрам сухим поцелуем в розовую щечку, никто другой не застегивал красные сандалики на ее больных ножках, не бранил, когда она не в меру шалила, никто другой или же другая не была так красноречиво молчалива, что, казалось - они без умолку разговаривают... Взглянет мать на дочку повлажневшими глазами, и Мария Младшая сразу догадывается, что сегодня мама добрая и нежная, а нахмурится, прорежет морщинки возле губ, значит чем-то опечалена и недовольна, если же с раннего утра хлопочет на кухне, печет ее любимые оладушки, значит, не болят сегодня у мамы ножки, и она веселая: можно к ней без конца ластиться и потихонечку не слушать ее коротких окриков:

- Машка, надень тапочки!

- Машка, не вертись и не качайся на стуле!

- Зачем телевизор включила? Опять похабщину показывают.

Вот, примерно, такие взаимоотношения установились между двумя Мариями. Главное то, что существовал между ними бесконечный внутренний диалог, вытеснивший из обихода повседневную глупую болтовню, затаенные обиды и претензии друг к другу и краткие признания в любви и верности.

Если каким-то образом подслушать эти молчаливые разговоры Марии большой и маленькой, ну, скажем, в самую дорогую минутку их обоюдной близости и кровного родства, то вы бы услышали следующее:

- Мамочка, ты такая красивая, такая хорошенькая в голубом платье! Когда я вырасту, обязательно сошью себе такое же.

- Нет, я не права. Машка очень даже похожа на меня. Вот подлечимся и будем зимой ходить на каток. А как хорошо было бы: Машка в коротенькой юбочке кружится в вальсе по пестрому от прожекторов льду, как по телеку.

- У мамы моей никогда-никогда не было моего папы. Как странно, его совсем не помню, только грубый крик.

- Замуж?! Вот еще чего, чтобы какой-нибудь олух покрикивал на Машку, и мне житья не давал. Нам и так классно.

Скоро Машке в школу: нужно научить ее читать. Представляю: другие в буквах путаются, а моя бегло читает. И потом. Что у меня, сил не хватит одной ребенка вырастить? К чертям собачим этих хамов в неглаженных штанах! Им бы только водку хлестать.

- Ах, мамочка, как мне с тобой повезло с доброй. Ты ведь всегда такой будешь? Я вырасту, ты никогда не состаришься, и обязательно в ванне мы будем купаться вместе... даже если потесниться, то и для папы места хватило бы... Весело было бы.

- Дочка опять на ножки жаловалась. Бестолковые врачи какие-то стали. Я им одно, а они... Может, ее к бабке-знахарке в Пензу свозить? Сказывали, от всех хворей лечит. Ох, как поясницу разламывает! Главное, чтобы Машка не заметила, что я согнуться не могу.

Я поняла. Это Николай нас обоих довел до такого. Вампир он. Я читала: есть такие, что из тебя все до капельки высосут, сами крепче становятся, а те, что рядом с ними живут, медленно умирают.

Кстати, где теперь прибывает наш злодей. Наверное, какую-нибудь шлюху доканывает да на нас с дочкой порчу напускает... Встретить бы его сейчас - по кусочкам бы разнесла...

- Папа иногда тоже хороший был. И зачем он к бабушке уехал? Или места в нашей квартире для него не хватало?! Сяду в автобус или в поезд и уеду его искать. Найду и скажу: «Папа, мне без тебя плохо». А он: «Я знал. Я искал тебя. Даже два раза приезжал, но ты с мамкой в санатории была. Но ничего. Теперь мы все вместе будем жить».

Папа возьмет меня на руки, и мы пойдем с ним по песочку далеко-далеко, до самого домика, куда на ночь солнышко прячется.

- Трудно. А кому сейчас легко? Нас таких, брошенных мужьями, полстраны... И у всех детки. Вырастим!!! Тоже мне, надумали женщин пугать детьми, мол, без отца они получают половинчатое воспитание и так далее... Плевать я хотела на этих умников. Зарабатываю я прилично, плюс пенсия за третью группу.

- Милая моя мамочка! И делить я тебя ни с кем не собираюсь, ну, может, немножечко с папой... Приеду из санатория, пойду искать папу. Я ему скажу: «Мама мне не разрешает с девочками одной на речку ходить. А с ней мне скучно. Сидит да сидит целыми днями в кресле-качалке и сердится на меня».

Мария Большая и Мария Маленькая плачут.

Вот такой бессловесный разговор двух Марий услышали бы мы, если бы с самого рождения человечества на Земле не наступил бы шальный медведь нам на уши и души, если бы не испортило наши сердца оскорбляющее жизнь равнодушие.

Сейчас они еще немного поплачут и заснут в спасительном сне, тесно прижавшись друг к дружке. Мария Большая притянет обеими руками в муках рожденную дочь, а та уткнется мокрым лицом в материнскую грудь.

И нам нужно хотя бы поверить, что у старшей не будет ломить поясницу, не говоря про то, что все же найдется и для нее настоящий защитник-муж, а у маленькой Марии, наконец-то, будет отец, и перестанут болеть ножки. Ведь так и должно быть.

Для счастья мы приходим в этот мир, для любви.

ОКУРОК

У глухой бабки Марьи на огороде торчала крестовинка. На ней- выгоревшая рубашка в клетку и аккуратненькая, почти новая школьная фуражка с кокардой. Эту крестообразную растопырку в деревне зовут «огородный пугалом». Сработано пугало нашенским пацаном исключительно добросовестно и надёжно в благодарность доброй старушке, которая, не в пример грохочущим чело-веколюбием воспитателям детского дома, обладала чутким, «ушастым» сердцем, слышащим наши беды куда лучше педагогов, несмотря на внешнюю старческую глухоту. Утверждая сие, я хочу рассказать лишь об одном случае, лично коснувшемся Петьки Окурка, моего закадычного дружка.

Окурок, сами понимаете, не фамилия, а шальное прозвище с меткого язычка детдомовца.

Петьку Окурка привезла к нам его мамаша. Так и запомнилось: рыхлая, здоровенная дама с рыжим лицом и в соломенной шляпке, модной в те незапамятные годы, и лопоухий плюгавик-мальчишка. Дамочка зашла к «диру», а пацан, не медля, отправился разведывать, что и как устроено в его новом жилище и вокруг него.

Он обошел мрачноватое двухэтажное здание с различными хозяйственными пристройками и бесстрашно шагнул в черный дверной проем полуразрушенного сарайчика, угадав безошибочно одному ему ведомым чутьем, что здесь можно найти много чего полезного для себя. И, действительно, в сарайчике, у задней сохранившейся стенки, в куче старых досок и тряпичного хлама он обнаружил нашу «коллективную заначку»: наборы рогаток для стрельбы на уроках и по воробьям, медные трубочки поджигов-пугачей, и, наконец, сигаретные и папиросные окурки.

Петька хозяином уселся на дощатый ящик и присмолил самый большой окур-рок. Тут его и прищучили «старички».

- Это что за олух царя небесного здесь раскомандовался? Фи, от земли не видать! Курить сопливым вредно.

- Медведь, ты глянть, как уши у пацана торчат, наверно, от дыма, что из них валит. Давай ему ухи варом зальем!

- Да он и курить не может! - больше всех возмутился третий старшеклассник. - Дым в себя не берет, задарма пускает. Дай, врежу ему по губищам.

Окурок подобрал голову в узенькие плечи: ребята были серьезные - не пово-юешь! Но и заплакать тоже не годится - такие слезам не поверят. Будь что бу-дет!

Перед Окурком за минуту, как на скоростной трассе авторалли, проскочи-ла вся его непутевая жизнь. Но исключительно в памяти всплыл от первого и до последнего слова прощальный разговор прежней учительницы, посоветовав-шей его матери определить сына в это гиблое место.

- Мало того, что он у вас плохо учится, не успевает почти по всем предме-там, - строго выговаривала учительница рыжей одородной блондинке, - дело до милиции дошло. Да-да, и не смотрите на меня так: вынуждены были пригласить из «детской комнаты» внутренних органов сотрудника. Иначе ваш Петр не толь-ко пианино по клавишам разберет, он всю школу по кирпичику на свалку пере-тащит.

- Я настоятельно советую вам, Клавдия Кирилловна, забрать вашего мальчика из нашей образцовой школы. Мы приготовили для вас официальное письмо в дет-ский дом для трудновоспитуемых и детей с отклонениями от нормы... Таким об-разом вы убережете сына от колонии для несовершеннолетних преступников.

Дома мать приласкалась к сыну:

- Что же делать, Петя?.. Надо ехать в этот детский дом.

Ничего хорошего у мальчишки с матерью издавна не получалось: вечные ее пьяные слезы и нытье про разных дядек Толек-Колек, Степанов-Иванов и Леопольдов, как про кота из мультика. Они - эти «мартовские коты» - с матерью жить долго не желали. Не хотел жить с мамой и Петька Окуроч.

Может, поэтому и творил все свои безобразия, тайне надеясь на новую, хорошую жизнь.

Тем временем «старички» детского дома пришли к общему и самому доброму решению на счет Окурка: хорошенько надавали по шуплому задку и выкинули из сарайчика, как нашкодившего котенка. Оглушенный от боли и обиды, Петька бросился наутек. Вдогонку ему несло:

- Беги, беги, окуроч паршивый!

Петькины новые ботинки пропылились по всему поселку и остановились у крайней избы бабки Марьи. Мальчик присел на бревнышко под ее окошком и горько заплакал.

Вдоволь наплакавшись, он, сморенный августовским солнцем, неожиданно крепко заснул... и проснулся на широкой пышной кровати.

В доме тикали настенные ходики с кукушкой, таился полумрак. За столом в белом платочке, подперев крупной ладонью рыхлый подбородок, сидела огромная, в пол-избы, старуха. Она молчала. Молчал и Петька.

Так - молча - и прожил Окуроч у глухой Марьи недели две, пока не обнаружил его участковый Гвоздев, которому поручили найти беглеца и вернуть в детский дом.

Петьку Окурка обрядили в «казенку», смахнули рыжие вихры под «нулевку» и бросили в объятия коллектива.

«Старички», конечно, сразу признали наглеца, посягнувшего на «святая святы», и мысленно посоветовали директору детского дома больше таких ушастых не вылавливать, пусть себе бегает на здоровье...

Окуроч оказался неплохим пацаном: никогда не ябедничал и не трусил. В общении, вполне прижился и был на равных со всеми нами.

Но каждый год в конце августа Окуроч всегда навещал бабушку Марью, пока та не умерла. А, может, старушка вовсе не умерла, просто Петр Ларин вырос и уехал из детского дома.

Фотоистории из мелекесского альбома

В сегодняшнем номере мы продолжаем фотоисторию семей Тимофеевых и Иголкиных.

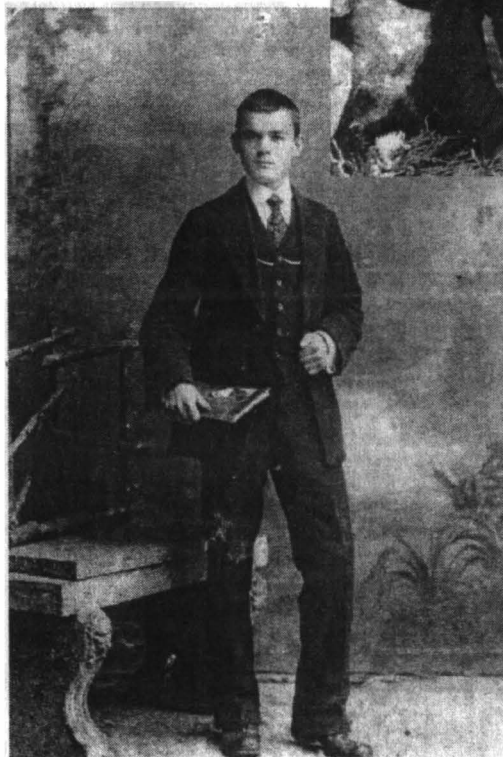
На снимках, любезно предоставленных редакции Ниной Александровной Чукановой: - дед Нины Александровны - Алексей Тимофеев, работавший до первой мировой войны приказчиком. Сфотографирован в 1914-м, когда он вступил в ряды защитников Родины (слева).

На снимке Евдокия Семеновна Тимофеева (бабушка Н.А. Чукановой), 1893 года рождения, сфотографирована в городе Абдулино Оренбургской губернии.

На снимке еще одна
бабушка Нины Александровны
- Меланья со своими сыновья-
ми (слева направо) Николаем
и Александром (отец Н.А. Чу-
кановой).

Бабушка была учительни-
цей. Снимок сделан приблизи-
тельно в 1911-12 г.г. в Меле-
кессе.

На снимке дядя Нины Алек-
сандровны - Георгий, по-
семейному - Жорж. Он
приходится сыном Анисии
Ивановне Тимофеевой,
родной сестре Алексея
Тимофеева.

Отец Нины Александровны - Александр Иголкин сфотографировался на память сразу после возвращения с фронта. К сожалению, на его гимнастерке нет боевых наград: ордена Красной Звезды и медали «За отвагу». Впоследствии он работал главным бухгалтером Мелекесского заготзерна (ныне крупозавод).

В 1954 году итээрковский состав Мелекесского объединения «Заготскот» сфотографировался на память. В центре - главный бухгалтер объединения Вера Иголкина, мама Нины Александровны Чукановой.

Храни нас
сень Святого
Православного Креста

6-7

литературно-художественный
и краеведческий журнал